

Андрей Юдин

Ловушка для губернатора

Политический детектив

16+

Андрей Юдин

Ловушка для губернатора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65933407

SelfPub; 2021

Аннотация

В одну из российских областей прибывает исполняющий обязанности губернатора, который сталкивается с неприятием местных политических элит. На этом фоне развивается многогранный и динамичный сюжет романа, который захватывает с первых страниц повествования. В этом произведении есть всё – политические интриги, продажные журналисты, борьба кланов, роковые красотки, преступники и бизнесмены, случайные связи, интриги и убийства, все грани политической жизни современной российской провинции, зачастую остающиеся вне поля зрения простых жителей. Кто стоит за кулисами происходящего? Чего добиваются эти люди? Кто здесь кукловод, а кто марионетка? Ответы на эти и другие вопросы вы получите, лишь дочитав роман до конца.

Андрей Юдин

Ловушка для губернатора

Роман

Все события и персонажи, описанные в произведении, являются вымышленными, любые совпадения случайны.

Пролог.

День плохого настроения

А у него никогда не было хорошего настроения. Вообще. В принципе. Сколько он себя помнил. Научился скрывать это он давно, только от всех не скроешь. От тех, кто рядом. А они ему были нужны. Для того чтобы кто-то ежедневно видел, какой он умный, какой способный, какой талантливый, какой недооцененный, наконец. Они его жутко раздражали всю жизнь. Но он терпел. Только иногда делал гадости. Мелкие. Подлости он делать не любил. И крупных подлецов тоже. Он жалил их, как умел. Словом. Вот это у него получалось здорово. Он считал, что лучше всех. Когда-то еще в юности прочитал Жванецкого, а потом послушал. И позавидовал. Начал, как ему казалось, в том же ключе писать, а потом рассказывать со сцены. Хотя далеко в этом деле не продвинулся. Так, широкая известность в узких кругах. Но для себя он считал, что пишет лучше, желчнее, злее. Хотя, с дру-

гой стороны понимал, что копия не может быть лучше оригинала. Он всегда был умным, более того считал себя умнее других. Это не было абсолютной истиной, и он понимал это. Понимал, но не принимал.

Ну, а сегодня было утро тридцать первого декабря. Праздник, елка. За окном было сыро и ветрено, но подавляющему большинству населения все равно. Будут отмечать. Пить шампанское, обжираться оливье, громыхать петардами, дарить подарки. И он будет. Сжав зубы и растягивая губы в улыбке. Хотя нет. За одним исключением. Он не пил почти два десятка лет. Поняв однажды, что не может уже себя контролировать после дозы спиртного. Впрочем, похоже, было уже поздно. Но лучше поздно...

Виктору Васильевичу Санину было далеко за шестьдесят. Он жил в четырехкомнатной квартире с молодой (ну, чуть за сорок, не старая же?) женой. Из родных у него еще были сорокалетний сын Иван, невестка Катя и семилетний внук Кирилл. Но они жили отдельно. Бизнесмен Иван построил себе вполне приличный дом за городом и перевез туда семью пару лет назад. В четырехкомнатной квартире стало тихо. И если раньше Виктора Васильевича раздражал шум, то теперь бесила тишина.

Но странно то, что эта нелюбовь, это раздражение, этот ком плохого настроения, в котором он жил, был для него движущей силой. Сколько Санин себя помнил, он старался доказать миру, а, в первую очередь, себе, что он самый ум-

ный. Начиналось это в среднеазиатском городе, где его угораздило родиться, поскольку родители его встретились там совсем юными сразу после войны. Отец жил с родителями, поскольку дед Владимира Васильевича после отсидки в лагерях, после того, как по пьянке обругал советскую власть, не мог, да и не хотел возвратиться в Центральную Россию и оказался в Средней Азии. А мать девчонкой уехала со своей матерью в эвакуацию, да так и осталась там, поскольку дом на Украине разбомбили, а отец погиб на фронте.

Виктор, впрочем, тоже, считай, рос без отца, поскольку тот погиб в глупой драке с местными, когда сыну было пять лет. И Витя скоро понял, что выживать в этом жестоком мире ему придется самому, и выбрал для этого свой путь – везде быть первым. В учебе, спорте, уличных драках. У него не было настоящих друзей, по крайней мере, он никого такими не считал и никому не доверял. Но он упорно карабкался вперед. Виктору хорошо давалась математика, и он закончил математический факультет университета в союзной республике. Потом при первой возможности перебрался в Центральную Россию, в город Ясноборск, учительствовал в школе, работал специалистом по ЭВМ на местном заводе, писал злые фельетоны в местные газеты. А с началом новой эры, уже под сорок нашел свою нишу – стал работать пиарщиком на выборах. Иногда, в зависимости от их масштабов, это приносило неплохие деньги. Он купил джип, четырехкомнатную квартиру. К тому времени Виктор Василье-

вич был женат, у него подрастал сын, он был вполне уважаемым человеком, но его внутренняя злоба в один из моментов сыграла с ним нехорошую шутку. Поставил не на тех, где-то не того кого надо облил слишком большим ушатом грязи и...выпал из обоймы. Нет, не то, чтобы совсем. Некоторые небольшие партии и кандидаты, не рассчитывавшие на успех, но имевшие необходимость отработать общегосударственные деньги, обращались к нему. Но ручеек постепенно иссякал. И в обратной пропорции росла его злоба. Первой не выдержала жена. В один день, когда сыну было уже за двадцать, она просто тихо ушла из жизни. Потом Виктор Васильевич женился снова, хотя и сам не ожидал этого. Новая жена, Альбина, была веселой певуньей по жизни и певицей по профессии. Санин иногда писал для нее песни на собственные стихи, благо и музыкальными способностями Бог его не обделил.

Только Виктор Васильевич втайне не то, чтобы не любил, но просто ненавидел свою жену. Может быть, меньше, чем других. Но больше, чем сына. А вот как он относится к маленькому Кириллу, Санин еще не понял. Зато тещу с тестем он не переносил на дух. А сегодня вечером ему предстояло идти к ним встречать Новый год. И если бы яд, внутренне выделяемый Виктором Васильевичем, удалось бы выпарить из его организма, то эта пара родственников, да и еще многие не прожили бы и дня. Только вот самому Санину отравы эта абсолютно не мешала. У него к ней выработался стойкий

иммунитет. С рождения.

А в это время

Ростислав Русаков, а для близких просто Слава, мрачно лежал на диване. Вообще-то он был человеком вполне жизнерадостным, хотя в последнее время удача, как ему казалось, стала от него отворачиваться. Но этим утром, последним в уходящем году, он чувствовал себя озадаченным, не знал, как правильно поступить, и это выбивало его из колеи.

Вообще до последнего времени Ростислав считал себя вполне удачливым человеком. В свои сорок пять добился немало. Родился в семье военного, кочевали родителями по стране, школу заканчивал на Сахалине. Сам приехал в Москву поступать, окончил университет, женился, как считал, по любви, на москвичке. Жили сначала у ее родителей, потом заработал на квартиру. Растут двое детей – сын и дочь. Со здоровьем все в порядке. Выглядел подтянутый темно-волосый светлоглазый Ростислав вполне молодцевато, глазки ему строили даже избалованные телеведущие. По специальности Русаков – социолог, но переквалифицировался в политолога и оказался весьма востребован. Консультировал известных политиков, немного преподавал, а главное – часто участвовал в разных политических и около того, ток-шоу в качестве эксперта. И престижно, и в денежном плане выгодно. Купил крутую машину, задумался о том, чтобы построить дом за городом. Но внезапно все изменилось в худшую сторону. Вернее, не совсем внезапно. Что-то где-то не

то сказал и вот из рейтинговых передач его понемногу стали убирать. Кое-куда еще приглашали, но все это было не то. И лицо забывать скоро станут, ну а денежный поток сразу стал тоньше.

Ростислав спрашивал у знакомого руководителя канала. «В чем, собственно, дело?». Тот мялся-жался, а потом ответил неохотно: «Не советуют тебя привлекать». Русакову было обидно, он-то считал себя человеком очень осторожным, нос держал по ветру, но горло ни за кого не драл и помоями не поливал: мало ли как политический вектор повернется. А где промахнулся, не знал. Вот сейчас лежал на диване и думал. Но не только об этом.

Вчера вечером позвонил его одноклассник Антоха Тонковидов. Вот уж кто вырос. Когда-то в классе пухлолицый отличник Антон вызывал у многих раздражение, а незлой по природе Русаков его защищал. В знак благодарности Тонковидов помогал Славе с математикой, которая вызывала у гуманитария Русакова стойкую неприязнь.

После школы они оба с Камчатки уехали, и хотя Тонковидов тоже обосновался в Москве, виделись лишь однажды, лет через десять после школы. Антон работал экономистом в каком-то министерстве, рассказывал Славе с увлечением о своей работе, но тот только пожимал плечами: что ж тут интересного?

Потом поползли слухи, что Тонковидов пошел в гору, а месяц назад Русаков с удивлением прочитал в инете новость

о том, что Антон Тонковидов назначен и.о. губернатора Ясноборской области. Сообщение это пришло на фоне жизненных неудач Ростислава и только слегка кольнуло его неприятно. Кто-то вверх, а он вниз... Кольнуло и забылось: Ростислав не был злопамятным. И вот этот вечерний звонок.

– Ты как мой номер узнал? – удивился он.

– Да, ерунда. Нетрудно, – вялым, совсем не губернаторским голосом отмахнулся Тонковидов, – Дело у меня к тебе. Просьба. Слушай, Слава, у меня выборы скоро. А я тут никак в колею не войду. Трудно с этими людьми.

– И что?

– Приезжай, а? Я тебя советником оформлю. Деньги хорошие, обещаю. Помогите.

– Не знаю. У меня работа, семья... – неуверенно сказал Русаков.

– Ерунда. Отпуск возьми. До сентября хотя бы. До выборов. Выиграю – и тебе хорошо будет. Проиграю... короче, нельзя мне проигрывать. Ты ж спец, ты можешь – я знаю. Ну, хоть на месяц. А там видно будет. А?

И вот сейчас Русаков лежал на диване и размышлял. В другое время он бы, наверно, точно отказался. А сейчас... В столице он вроде не сильно востребован. Жена? Ну, нет уж большой страсти. Дети? Ростислав признался себе, что пятнадцатилетняя София и одиннадцатилетний Максим чаще раздражают его, чем радуют. И вообще, настроение такое, что хочется бросить все и уехать в этот... как его... Яс-

ноборск.

– Слава, – раздался голос жены, – У нас горошка нет, сбе-гал бы.

– Мы ж все равно в гости идем, – вяло парировал он, – Зачем?

– А первого ты, что есть будешь?

И Ростислав понял, что точно хотел бы уехать в Ясноборск. И желательно не через неделю, после новогодних каникул, а прямо сейчас.

А в это время

Молодой и талантливый, как считалось, программист Никита Брагин лежал на широкой неразобранной кровати в своей квартире, обхватив голову руками. Большое панорамное окно позволяло проникать сюда максимальному количеству света и смотреть на город с высоты птичьего полета. К счастью, заглядывать на четырнадцатый этаж могли только птицы. И все равно периодически к Никите приходила в голову мысль о том, что неплохо было бы как-нибудь это самое окно занавесить. Но возиться с этим не было ни сил, ни времени, да по большому счету и желания. Сейчас у Никиты болела голова совсем о другом.

Накануне вечером от Никиты ушла его девушка Алина. Она была у него не первой, появившейся в купленной им пару лет назад квартире-студии в одном из самых высоких домов Ясноборска. Но уход ее Никита воспринял наиболее болезненно. Да, уходили и раньше, только парень лишь по

доброте своей не предлагал поступить так. Они делали первый шаг, и Брагин облегченно вздыхал. А с Алиной... Никита считал, что на этот раз у него все серьезно. Ему было тридцать, и он сам понял, что пора бы остепениться, а, говоря другими словами, жениться. И более того, он не очень понимал, что чувствовал к Алине, но ему было приятно приходиться домой и знать, что она его ждет. Но она сказала, что, во-первых, он сам не знает, чего хочет, во-вторых, совершенно не приспособлен для нормальной жизни и, наконец, на уме у него только работа. Никита искренне считал, что это не так.

Но работа... Брагин был ведущим работником и даже совладельцем компьютерной фирмы с гордым, но непонятным названием АБ-77. Непонятным для других, но не для него. Директором и основным владельцем фирмы был его однокурсник Денис Ажевский, соответственно буквы АБ и означали Ажевский – Брагин, а две семерки говорили о том, что дни рождения у них обоих были седьмого числа. Только у Дениса в апреле, а у Никиты – в марте. И вообще, Никита считал себя человеком вполне успешным и самостоятельным. Без чьей-либо помощи он купил себе квартиру, хорошую машину. В фирме он имел неплохие деньги, хотя особо не считал их – по финансовой части был больше Ажевский. Работу свою любил и частенько засиживался по вечерам, да и дома мог подскочить в любое время и упасть с ноутбуком в любое место, благо свободного места было достаточно – мебелью он помещение не загромождал. И, кстати, Алина ни-

когда и не попрекала его работой. Но вот – взяла и ушла...

Зазвонил телефон. Ажевский интересовался, когда он сегодня появится на работе. Дел на сегодня – тридцать первое декабря как никак – они особо не планировали, но отметить по-быстрому праздник собирались. Но Никита сказал, что ждать его сегодня не стоит и, видимо, встречать Новый год в общую компанию на дачу он не поедет.

Денис немало удивился:

– Заболел, что ли? – только и спросил он.

– Заболел, – ответил Никита и отключил телефон.

Ему и, правда, стало казаться, что он заболевает. Брагин натянул на голову одеяло и сильнее сжал виски руками. Жизнь в этот момент казалась ему глупой и бессмысленной штукой. Возможно, впервые за последние тридцать лет.

Глава первая.

Антон Тонковидов сидел в большом кабинете и перебирал какие-то бумажки. Он не мог вникнуть в их содержание и потому нервничал. Столбцы каких-то цифр. Раньше ему, экономисту, да и вообще отличному математику, цифры были куда милее букв. С ними он с легкостью мог делать любые операции и какой-нибудь квадратный трехчлен представлялся ему почти родным существом, а не отточенной до прямоугольности корягой с тремя заостренными концами, как большинству математически необразованных соотечественников. Навыки свои он не растерял, просто не мог сосредоточиться.

Шел последний день новогодних каникул. Большую их часть он провел в столице. Дел особых там не было – все отдыхали. Он тоже честно пытался отдохнуть. В кругу семьи. С женой выполнил свой супружеский долг, что в последнее время было событием нечастым. С дочерью Полиной пообщался насчет учебы. Девятнадцатилетняя студентка отвечала нехотя, а потом и вовсе улизнула. Куда Антон так и не узнал. Потом с женой они уехали на дачу. Там было тихо, скучно и бесснежно. Он растопил баньку, попарился. Жена вскоре уехала, оставив ему приличное количество еды. О спиртном позаботился сам. Впрочем, пил Тонковидов мало. Не очень-то хотелось, да и позвонить могли в любой момент. Все три мобильных телефона были при нем. Впрочем, звонили мало. Все отдыхали. Антон пытался отоспаться и это ему отчасти удалось. Больше не удалось ничего. И главное, он так и не понял, правильно ли он сделал, когда влез в эту политику. И мог ли он отказаться от такого предложения? Тем более, ему это сказали прямым текстом. Именно так: от таких предложений не отказываются. Это может стать трамплином для большого прыжка.

На даче Антон вспоминал свою жизнь. Она когда-то казалась ему бесконечным тоскливым путем, по которому никогда не дойти до конца. Отец был нефтяником и вечно искал какие-то месторождения. Они с мамой то ездили за ним, то жили у бабушки в большом, но непутевом черноземном селе. Друзей он не успевал заводить, да и никто особенно не

хотел дружить с рыхловатым пухлогубым мальчиком. К десяти его годам родители наконец осели на Сахалине. Жили неплохо по тем, советским еще временам, но на Антоне это не слишком отразилось. Он все так же старался найти себе друзей, и получалось все это так же не очень. Учился Тонковидов хорошо, гуманитарные предметы, правда, приходилось заучивать, а вот с математикой было проще. В старших классах он сошелся со Славой Русаковым. Высокий уверенный в себе мальчик отчаянно нравился Антону. Он завидовал его уверенности, успеху у девочек. К счастью для Тонковидова, Русаков не слишком дружил с математикой и Антон то давал ему списать, то объяснял. В благодарность за это Слава защищал Антона от обидных нападок в школе. Дальше их дружба не распространялась, но Тонковидов был благодарен уже за это.

После школы Антон сделал решительный шаг, закрыв глаза и сжав кулаки, уехал в Москву поступил в экономический вуз, женился на невысокой пухленькой и некрасивой москвичке, чей папа работал в министерстве. Там Антон и начал свой трудовой путь. А потом помог Тонковидов-старший, к тому времени перебравшийся на материк и занимавший не самую крупную, но все же руководящую должность в большой нефтяной компании. Туда же он пристроил и сына. Молодой финансовый аналитик приглянулся боссам, и они стали давать ему серьезные поручения. Завязались и важные знакомства. Антон понемногу рос и руководил уже це-

лым межтерриториальным подразделением, курировал работу фирмы в нескольких областях, стал своим для губернаторов и министров. Но все равно, предложение от которого нельзя отказаться, стало для него неожиданностью.

За эти годы он изменился внешне, похудел (и немного полысел), научился со значением поджимать пухлые губы, так что они совсем не бросались в глаза. Костюмы, сорочки и галстук сидели на нем как влитые. В своей сфере он разобрался очень хорошо, а кроме этого научился делать вид, что в курсе и других направлений, порой отличных от его на достаточно большое расстояние, мог поддержать разговор на любую тему. И вот это умение «делать вид», похоже, сыграло с ним злую шутку. Теперь он до зубовного скрежета боялся опозориться, не оправдать доверие. Он внезапно забрался на место, которое одинаково могло стать для него как трамплинам к невиданным высям, так и точкой падения в пропасть. Иногда, да что греха таить, частенько, ему казалось, что лучше бы он оставался хорошим и неплохо оплачиваемым финансовым аналитиком. Но Антон гнал такие мысли, сжимал зубы и просто думал, что ему делать дальше.

Люди, поддерживающие его, остались в столице, а здесь в провинции он чувствовал себя совсем одиноким. Более того, местное общество казалось ему враждебным. В начале пути наверх к нему приезжали какие-то московские пиарщики, совсем юные, на его взгляд, мальчишки и девочки. Антону они казались существами совсем никчемными, но он соглас-

но кивал на их поучения и даже старался выполнять то, что они говорили. Только уровень понимания местных реалий Тонковидовым за месяц не сдвинулся ни на йоту. И тогда, почти накануне Нового года Антон вспомнил о своем однокласснике Славе Русакове. Тонковидов навел справки. Оказалось, что Ростислав сейчас не в фаворе. Ну и что, подумал Антон? Может, меньше будет просить и скорее согласится. А роль у него совсем не публичная. Тонковидов нашел номер и позвонил. Русаков не сказал ни «да», ни «нет».

В Москве Антон не стал встречаться с Ростиславом. Решил дать ему время подумать. А, если честно, боялся, что откажет. Но сейчас тянуть время уже было некуда, и он взял телефон.

Неожиданно для Тонковидова Русаков согласился.

Глава вторая.

В Ясноборск Ростислав приехал рано утром. В поезде он спал плохо, и настроение у него было соответствующее. Голова налилась свинцом, и Русаков знал, что если не поспит пару часиков, то после обеда придется глотать таблетки. После сорока он постоянно возил с собой аптечку.

Погода была соответствующей. Зябко, сыро, клочки серого снега сиротливо жались к оградкам спящих газонов. На перроне его встречал плотный мужчина в кожанке. Тонковидов предупредил, что встречать его будет водитель.

– Здравствуйте, Ростислав Романович, – сказал он, протягивая руку. – Меня зовут Сергей Сергеевич. Я буду в вашем

распоряжении по поручению Антона Викторовича.

– Хорошо, – ответил Русаков. – Тогда в гостиницу, мне надо себя в порядок привести.

Он закинул в багажник большую спортивную сумку (модные и вроде как удобные чемоданы на колесиках он почему-то не любил) и сел в серый «Ниссан». Машина ему понравилась. Не самый престижный и дорогой внедорожник, но достаточно удобный и верткий, а главное – не будет так уж бросаться в глаза. С машинами у Русакова отношения были сложные, он их любил, периодически менял, но сам водил плохо, терялся среди большого потока и предпочитал, чтобы за рулем сидел кто-нибудь другой.

Водитель был немногословен и чтобы не заснуть, Ростислав рассматривал город. Ничего выдающегося он не заметил. Сталинский центр, широкие улицы и много машин. Гостиница тоже не стала исключением: массивное пятиэтажное здание стояло на центральной улице. Обстановка внутри, наверно, не менялась с пятидесятых годов: широкие ковровые дорожки, цветы в кадках, хрустальные люстры. Под стать был и номер, слишком помпезный и, пожалуй, слишком шикарный для него одного. Впрочем, Русаков понимал, что, скорее всего, он просто раздражен и поэтому ему ничего не нравится.

– Я посплю пару часов, – сказал он Сергею Сергеевичу. – Передайте Антону Викторовичу, что после этого я буду полностью в его распоряжении.

Тот кивнул и быстро исчез. На автопилоте Русаков достал из сумки туалетные принадлежности, побрился, принял душ, поставил на смартфоне будильник, упал в кровать и отключился. Ровно на два часа.

Телефон зазвонил на минуту раньше будильника. Это был сам Тонковидов.

– Привет, Слава, – сказал он немного извиняющимся голосом. – Отдохнул?

– Да, Антон, спасибо, – ответил Русаков, пытаясь оторвать голову от подушки. – Вполне готов.

– Хорошо. Тогда за тобой минут через пятнадцать заедет мой человек. Тот же, – уточнил он.

– Понял. Буду готов.

Ростислав усилием воли поднял тело с кровати, умылся, потом оделся и оглядел себя. Серый костюм из мягкой ткани немного помялся, но Русаков специально брал в дорогу именно его. Ему не очень нравился мышинный цвет, слегка напоминавший советскую школьную форму, зато небрежный, как будто специально, стиль позволял обходиться без глажки.

Буквально через пару минут в дверь негромко постучали. Сергей Сергеевич был деликатен.

– Да, я готов, – ответил Русаков, надевая пальто. – Поехали.

Они спустились вниз и сели в машину.

– В администрацию? – формально переспросил Ростислав

и был удивлен, услышав ответ.

– Нет, – сказал Сергей Сергеевич. – Приказано вас к парку доставить. Погуляете.

И, действительно, машина остановилась у больших парковых ворот. Странно, никакого забора у парка не было, а ворота были. Русаков оглянулся: прямо от парка начиналась пешеходная улица, а в конце ее, судя по всему, через площадь серело большое административное здание.

Черная «Тойота» подъехала сбоку. Тонковидов вышел из машины в распахнутом пальто, застегиваясь на ходу. Выглядел не очень, похудел, осунулся, отчего губы еще больше обвисли и придавали лицу обиженное выражение.

– Привет! – сказал он Русакову. – Рад, что ты приехал. Пройдемся?

Ростислав поздоровался и кивнул, что ж не пройти, но немного удивился и не преминул задать вопрос:

– А что на улице?

– Да не на улице даже, а в парке, – невесело хмыкнул Антон. – Ушей здесь лишних нет.

Они двинулись по аллейке в парк, где в это не очень приятное время года и в разгар дня людей было совсем немного. Где-то в отдалении за ними следовал Сергей Сергеевич.

– Понимаешь, – начал Тонковидов. – Мне здесь не на кого опереться. Нет, не так – я никому не доверяю здесь. Они все меня не любят. Я – чужак. Да, знают, кто меня направил и потому в открытую ничего против не скажут. Если говорили,

то раньше, но их никто не послушал. Но тут такая клоака. Я в ней не разберусь сам. Они меня съедят. По-хорошему не меня надо было сюда направить, а какого-нибудь силовика. У того был бы шанс. Но направили меня. А мне деваться некуда... Или я побеждаю и работаю. Или отправят в тьму-таракань на мелкую должность... Тараканью.

– А почему именно тебя? – поинтересовался Русаков.

Антон скривился:

– На этот вопрос тебе никто не ответит. Правдиво уж точно. Могу предполагать. Нужен был человек со стороны. Меня порекомендовали. И в какой-то миг из колоды достали. Попал сюда. Но с таким же успехом могли отправить в Архангельск или Южно-Сахалинск.

– Так что, тебе еще повезло?

– Считаю, что так, – Тонковидов опять скорчил грустно-скептическую рожу.

– А они не знали, что регион сложный? Что сюда надо человека с крепким кулаком?

– Все не так просто. Близко относительно до Москвы. Особых проблем не было. Нет вроде сильного лидера? Значит, можно своего сажать. Со стороны. А здесь каждый мнит себя лидером.

– И ты здесь совсем один? – спросил Русаков.

– Почти. Есть Сергей Сергеевич. Полковник ФСБ. В запасе. Он мой советник по силовому блоку. А с остальными я сам должен разбираться. Только их знаешь сколько? Этих

блоков...

– Представления не имею, – честно ответил Ростислав.

– Вот, – грустно кивнул Тонковидов. – А вокруг меня все прежние кадры. За каждым – клан или еще что-нибудь похлеще... Все видят своего губернатора, а чужак им сто лет не нужен. И замов мне менять не дают пока. Да и не на кого, нет у меня своей команды. Вот советников могу брать. Но тоже количество ограничено. Потому что средства тоже ограничены. Да и где столько людей набрать преданных? Видишь, я честен перед тобой.

– Честен, то честен, только кажется мне, что ты на меня слишком много задач возлагаешь. Кстати, ты ведь их и не озвучил толком.

– Разобраться в ситуации, понять, кто есть кто, кому можно доверять, кому нет. Я знаю, ты можешь, – Тонковидов произнес это почти жалобно. – И помочь мне дотянуть до выборов. Там пиарщиков пришлют, будет легче. Чтоб я раньше времени не сдох...

– Надеюсь, это ты фигурально?

– И я надеюсь. Ну что, заднюю не включишь? – Антон повернулся к Ростиславу.

– Нет, – чуть помедлив, ответил тот. – Даже интересно. Только вопрос: мы и дальше все вопросы в парке обсуждать будем?

– Нет. Кабинет у тебя будет. Вернее, есть уже. И нужно найти опытного человека, который бы все проверил насчет

прослушки и прочего. Главное, чтоб надежный, независимый хотя бы. Завтра и приступишь? Вознаграждение мы обговорим. Не обижу. Идет?

– Идет, – усмехнулся Русаков, а про себя подумал, что Тонковидову и, правда, сейчас приходится куда сложнее. Недаром, говорят: положение хуже губернаторского.

Глава третья

Никита приехал на работу поздно. После расставания с Алиной, никакое человеческое общение было ему не в радость. Он и раньше предпочитал посиделкам, к примеру, с друзьями, посиделки за компьютером, тем более с техникой этой он был, что называется на «ты», но периодически выныривал из своего мирка в ту часть света, где был свет, звучала громкая музыка и находились люди. Сейчас ему совсем не хотелось этого. Хотелось лежать и смотреть в потолок. Но на работу он все же приехал.

Фирма АБ-77 находилась на седьмом последнем этаже офисного здания. Никита любил хорошие виды и здесь был такой же. Но сейчас он был не слишком настроен любоваться тем, что открывалось из окна. Фирма занимала большое помещение, разделенное на несколько клетушек – предбанник, где сидела офис-менеджер Наташа, общее помещение и два отсека. В одном сидел Ажевский, в другом – бухгалтер Ангелина Павловна. Впрочем, у Никиты как у второго лица компании и совладельца место тоже было отделено от общего зала – полупрозрачной перегородкой, не доходившей до

потолка на полметра.

Брагин на ходу кивнув коллегам, прошел в свой закуток, повесил на вешалку куртку и включил компьютер, ввел пароль. На мониторе сразу появились яркие строки «Как появишься – зайди». Ажевский общался с коллегами, используя современные технические возможности.

Никита хмыкнул, опять запаролил компьютер и встал из-за стола. Кудрявый, похожий на темную болонку Денис поднял голову и вместо приветствия почесал почему-то ровную, совсем не кучерявую бородку. Потом все же протянул руку:

– Привет! Пришел?

– Ага, – сказал Никита, вяло пожимая кисть друга и начальника, и свалился в мягкое кресло. – Что хочешь сказать?

– Слушай, Никитос, – Ажевский посмотрел в окно, подбирая слова. – Я тебя понимаю. У тебя личная драма. И ты молодец – не бухаешь, не ширяешься, не уходишь в астрал. Но и ты меня пойми – у нас после Нового года заказов невпроворот. Все чего-то хотят. Боюсь, что народ без тебя загнетса. Я б тебя отдохнуть бы отпустил – в теплые страны, но как-то тяжеловато без тебя нам будет.

– Ага, – без выражения проговорил снова Брагин и тоже посмотрел в окно и напрягая мысли, чтобы сказать что-то членораздельное. – Ты прав, надо отдохнуть. Только суетиться что-то не хочется. Это ж билеты, визы, нервотрепка. Мне это не надо.

– Я даже, если честно, не знаю, как с тобой говорить, –

Ажевский начал нервничать и теперь перешел на шапку курчавых волос: он стал дергать и теребить их. – Ты же и совладелец тоже. Доходы твои тоже могут упасть. Не столько сейчас, сколько в будущем. Какая о нас слава пойдет, если мы заказов наберем и не успеем в срок?

– Не бери, – посоветовал Брагин.

– Умный ты какой, – Денис, наконец, отпустил свою растительность. – А дальше-то что? Я в отличие от тебя вперед смотрю. И о нас, думаю, и о коллективе.

– А что коллектив? Ребята талантливые и без меня справятся.

– Есть вещи, которые я только тебе доверить могу. Понимаешь?

Никита пожал плечами.

– Ладно, – кивнул Ажевский. – Скажи мне русским языком, чего ты хочешь, и я тебе скажу, чего хочу я.

Брагин удивленно взглянул на него и вдруг хмыкнул:

– Так ты еще хочешь чего-то? Ну, хорошо, формулирую – хочу залечь на дно. На пару неделек. А там ... наверно, вернусь к нормальной жизни. Хотя ничего не обещаю... А ты чего хочешь?

Ажевский выпрямился и снова посмотрел за окно:

– Ладно, отдохнешь. Только сначала я попрошу тебя одно дело сделать. Думаю, для тебя семечки. Только это строго конфиденциально. Поэтому я никому кроме тебя доверить не могу. Сделаешь? Если сделаешь, бери две недели. Хрен

с тобой.

– А что за дело? – без интереса спросил Никита.

– Сам не знаю, просили конфиденциально. Это из администрации, – Денис чуть понизил голос и протянул Никите визитку. – Вот позвонишь этому Сергею Сергеевичу, и он расскажет. Только никому. Работа, говорит, для спеца несложная, но без разглашения. Идет?

– Не верю я этим деятелям, – Брагин скривил недовольную рожу. – Ну, давай. Опять тебе слава и почет.

– Не знаю, может тебе. Заберут на работу, дадут кабинет с видом на площадь, – Ажевский расслабился и позволил себе улыбнуться.

– Не, мне это неинтересно, – ответил Никита. – Сделаю, если недолго, а потом... Короче, посмотрим, что потом.

Глава четвертая

Русаков сидел в своем кабинете и оглядывался по сторонам. Особо оглядывать было, впрочем, нечего. Стол, к нему еще один – приставной, с двумя креслами. На столе компьютер. Напротив, на всю стену большой шкаф с гардеробом. Относительно большой, поскольку кабинет был не слишком велик, хотя и не сказать, чтобы очень тесный. На столе компьютер, тут же пара телефонов. Один из них прямой с губернатором. Кабинет последнего, а вернее, приемная находилась в этом же коридоре, за углом. После того, как ему настроили компьютер, Русаков решил начать с плана первоочередных дел. Занятие это оказалось не таким простым, как

казалось на первый взгляд. Он достал листок и начал писать. От руки. Кадры, пресса с пиарщиками, безопасность, сведущие люди в плане экономической ситуации в регионе. Перед приездом сюда Русаков ознакомился, кажется, со всей необходимой информацией, но понял только то, что ничего не понял. Тот-то владеет тем-то, тот-то тем-то. Кто-то что-то кому-то продал. Много аграрных и промышленных холдингов местным кадрам не принадлежало. Владели все кто угодно – от москвичей и китайцев до неустановленных лиц. Но все было раздроблено на мелкие куски. Хозяев в регионе не было. Хотя область только на первый взгляд только казалась депрессивной и никому не нужной. На самом деле интерес могло представлять многое – от автобусного и автомобильного завода до сельхозпредприятий. Присутствовала и оборонка. А еще природные богатства, если как следует развивать туризм, то от желающих приехать отбоя не будет. Странно только, что за последние десятилетия этим никто толком не занимался.

Ростислав положил листок в карман и решил, что в первую очередь надо ознакомиться с кадрами и разобраться, кому можно доверять, а кому нет. Тонковидов считал, что доверять, кроме него и Сергея Сергеевича было решительно некому. Русаков так не считал. Он тоже относился к людям с осторожностью, но полагал, что союзников найти всегда можно. По крайней мере, на время. С такими мыслями он и пошел к Тонковидову, благо врио губернатора сказал, что

заходить к нему можно в любое время. Ростислав перешагнул коридор и вошел в приемную. Там было пусто. Только секретарша Наталья Петровна сидела напротив и взирала на него поверх очков. Русакова ей представили утром, поэтому его появлению она не удивилась. И вообще была подчеркнута невозмутима.

– Еще раз, здравствуйте, – улыбнулся ей Ростислав. – Антон Викторович у себя?

– Да, Ростислав Романович, – она кивнула.

– Один?

– Да.

Русаков, не спрашивая разрешения, толкнул массивную дверь. Секретарша неодобрительно посмотрела ему в спину, но промолчала. При прежнем губернаторе никто себе таких вольностей не позволял.

Тонковидов изучал какие-то бумажки. Он поднял голову, увидел Ростислава и призывно махнул рукой.

– У тебя всегда так тихо? – спросил Русаков.

– Нет, конечно, – Тонковидов дернул щекой. – Но, в общем-то, где-то...

– Понятно, – Русаков понимал, что серьезные проблемы Антон в своем кабинете рассматривать по-прежнему не расположен, поэтому тоже был краток. – Хочу познакомиться с твоим ближайшим окружением. На людей посмотреть.

– Конечно, – кивнул Тонковидов. – В одиннадцать будет аппаратное совещание, а потом придет специалист по техни-

ке.

Последнюю фразу он произнес многозначительно, Русаков заметил это, но не стал заострять внимание, лишь поглядел на часы. Было без двадцати одиннадцать.

– У тебя? – уточнил он.

– Нет, в малом зале за стенкой, – Антон показал пальцем куда-то за спину.

Они поговорили на малозначительные темы еще пару минут, и Русаков вернулся к себе в кабинет. Почти следом за ним в двери появилась фигура Сергея Сергеевича.

– Можно? – спросил тот.

– Конечно, – кивнул Ростислав.

Советник по безопасности плотно прикрыл за собой дверь и сел в кресло у приставного столика.

– Ну, как впечатления? Появились? – спросил он.

– Нет, – честно ответил Русаков. – Составляю список, что делать. Но пока как слепой котенок тыкаюсь.

– Мне сказали, что вы большой спец по этим делам, – Сергей Сергеевич неопределенно сделал рукой круг в воздухе.

– По околосвященским, – кивнул скептически Ростислав. – Пока с людьми не познакомимся, выводы делать рано. Да и то пуд соли с человеком надо съесть.

– Времени на это нет только. Идите, Ростислав Романович на совещание, а я сейчас технического мальчика жду. По кабинетам проведу.

– Надо? – поднял голову Русаков.

Сергей Сергеевич пожал плечами, скорчил рожу и отрицательно покачал головой. Русаков в ответ кивнул, взял блокнот и пошел в зал заседаний.

Там еще никого не было, только молоденький парнишка – помощник Тонковидова, переведенный на эту должность из отдела по приему граждан. С ним Ростислава тоже познакомили, но он совсем не запомнил, как звали толстогубого худенького паренька. Вроде Денис. Но Русаков не стал рисковать, поздоровался кивком головы и хотел занять место на галерке.

– Нет-нет, – замотал головой «вроде Денис», – на первом ряду, пожалуйста.

Ростислав послушно пересел. Прямо перед ним оказался подковообразный стол, на котором помощник сноровисто расставлял таблички.

– Так, не запомнят? – Русаков не удержался от вопроса.

– Положено, – ответил помощник. – Бывший завел, новый не отменял. Да и меняются люди. Иногда.

Постепенно зал начал заполняться. Ростислав здоровался с входящими и тщательно фиксировал в блокнотике, кто есть кто. Вот место рядом с губернаторским занял высокий представительный мужчина с густыми бровями и тяжелым взглядом. Так и есть. «Первый заместитель Цветков Василий Дмитриевич». «На Брежнева похож» заметил для себя Русаков. А вот другой зам, по общим и кадровым вопросам. Худой суховатый в очках в золотой оправе, лет соро-

ка пяти. «Евсин Виктор Иванович» гласила табличка. «Берия», – подумал Русаков. «Нет, помоложе, посветлее. Но ладно пусть пока побудет Берией». Вот зам по социальным вопросам. Приятная женщина. «Савельева Валентина Викторовна». Светлые волосы в пучке, круглые щечки, наивный взгляд. «Курникова» решил для себя Ростислав и подумал, что мог бы сыграть с ней в теннис. А вот и кавказец. Аров Руслан Тахирович. Зам по строительству, транспорту и ЖКХ. Тоже не худой мужчина, круглое лицо, темные волосы, выбритые до синевы щеки. А вообще довольно приятное лицо. «Ну, пусть будет ... Магомаевым». С другой стороны сел руководитель аппарата. Самый, пожалуй, молодой. Но лицо серьезное. Очки в квадратной темной оправе. «Доктор», назвал его про себя Русаков. Вилецкий Виталий Алексеевич. И еще один зам. Наоборот, скорее всего, самый старший. Большой, седой серьезный. По безопасности. Крупин Петр Петрович. «Генерал». Впрочем, Русаков знал, что забудет эти придуманные им клички через пять минут. Так, маленькое развлечение.

Рядом с Русаковым присела девушка и отвлекла его от рассмотрения свиты.

– Можно? – спросила она.

Хотя вопрос был риторический. Перед ней стояла табличка. Ардашева Оксана Георгиевна. Кто она? Впрочем, вопрос решился сам собой.

– Меня зовут Оксана, – сказала она, – Я руковожу пресс-

центром. А вы, насколько я запомнила, Ростислав Романович?

Русаков кивнул.

– Сложное имя, – улыбнулась Оксана, и Ростислав посмотрел на нее внимательно. Короткая светлая стрижка. Бежевые под цвет глаз сережки. Приятная улыбка.

Она расценила его взгляд по-своему и слегка покраснела:

– Не волнуйтесь, я выучила уже. Запинаться не буду. Профессиональное.

– Давно вы здесь? – поинтересовался Русаков.

– Четыре года, – ответила она.

Но разговор пришлось прекратить. В зал из-за двери за спиной президиума зашел Тонковидов. Он выглядел предельно серьезно. В руках держал папку.

– Здравствуйте! Сначала хочу представить всем, кто еще не знает моего советника по экономическим вопросам. Русаков Ростислав Романович.

Ростислав привстал.

– Прошу доверять как мне, – продолжил губернатор. – А теперь к текущим вопросам.

Русаков обратил внимание на то, что Антон держался достаточно уверенно, оперировал цифрами, вопросы задавал по делу, правда, частенько заглядывая в папочку. Все слушали его внимательно, отвечали без эмоций, но довольно четко. Тонковидов никого не распекал, голос не повышал, но все равно в зале ощущалась некая напряженность. А в

остальном, все было спокойно и даже немного скучно. Но Русаков не скучал, а внимательно изучал собравшихся, обращая внимание на их неэмоциональный вид.

Когда совещание подходило к концу, в зал без стука зашел Сергей Сергеевич и тихо проскользнул назад. Ростислав заметил, что, по крайней мере, у двоих непроизвольно дернулась губа. Крупин и Евсин, отметил он для себя.

Совещание длилось минут сорок пять. Русаков был не прочь пообщаться с пресс-секретарем, но Сергей Сергеевич сделал ему знак, мол, пойдём со мной. И Ростислав последовал за ним вглубь коридора. Остальные медленно и преимущественно молча растекались по кабинетам.

Кабинетик Сергея Сергеевича находился на том же этаже, только в дальнем конце коридора. Подальше от любопытных глаз. В кабинете сидел парень. Одет он был не слишком официально для данного здания. Джинсы, серый свитер под горло. Буйные светло-пшеничные кудри, высокий лоб, открытый взгляд.

– Знакомься, – сказал Сергей Сергеевич, – Никита, специалист по компьютерам и не только. А это Ростислав Романович, специалист широкого профиля.

Сергей Сергеевич рассмеялся.

Русаков пожал Никите руку и присел в кресло.

– Ну что? – спросил хозяин кабинета, обращаясь к парню.

– Ничего, – тот пожал плечами. – Все чисто. Более того, в кабинете губера, вернее, по всем этажам, так сказать, по сто-

яку, стоит защита. Система допотопная, наверно, советская еще, но вполне рабочая.

– А компьютеры?

– Да, тоже в порядке. Антивирусы, прочая хрень. Все работает. Конечно, опытный хакер зайдет, я думаю. Ну а так... пока в пределах нормы.

– Хорошо, – кивнул Сергей Сергеевич. – Если ты нам понадобишься, то мы свяжемся. Пойдем я тебя провожу. Сейчас, две минуты...

Последние слова были обращены уже к Ростиславу.

Действительно, советник по безопасности вернулся быстро. Уселся за стол?

– Кто это? – спросил Русаков, хотя обо многом уже догадался.

– Компьютерщик, а еще специалист по компьютерной и прочей электронной безопасности. Я его попросил проверить три кабинета: Антона, твой и мой на предмет прослушки и прочих электронных насекомых.

– И что?

– Ты же слышал? Чисто.

– Паранойя? – не удержался от вопроса Ростислав и сразу же пожалел об этом.

Но Сергей Сергеевич ответил легко, не задумываясь:

– Есть элемент. Но не скрою и я на все сто не был уверен. Теперь тут можно говорить спокойно. Еще жилье проверим, и будет совсем хорошо. Хотя я почти уверен, что ничего не

найдем.

Он сделал паузу, потом внимательно посмотрел на Ростислава:

– Слушай, Романыч. Ничего, что я так? А то полностью называть язык устанет.

– Нормально, – Русаков улыбнулся.

– Так вот, ты Тонковидова хорошо знаешь? Я неформально спрашиваю, так-то все биографии изучил.

– Трудно сказать, – Ростислав задумался. – Очень редко в последнее время общался.

– То-то и оно. И я не очень, но наблюдаю и досье имею. В общем, говорю с тобой с полной откровенностью, больше мне тут пока опереться не на кого. На Антона нашего ставку сделали очень серьезные люди. Он тут должен удержаться, ну, хотя бы один срок. А для начала выборы пройти. Кровь из носу. Там, – он показал вверх, – редко ошибаются. Но тут... Понимаешь, он на людях держится, а, когда один остается, плывет. Я это вижу. И докладывал уже. Но мне сказали: твое дело – его вести. А он ведь сорваться вполне может куда угодно. Нельзя это допустить никак. Это мое дело и твое тоже теперь. Все понятно?

Русакову на миг стало не по себе. Добродушный Сергей Сергеевич на миг посмотрел на него холодными металлическими глазами. Но Ростислав быстро взял себя в руки.

– Понятно. Только почему мне раньше это не говорили?

– Ну, Тонковидов, я думаю, говорил. Только другими сло-

вами.

– А там? – Ростислав показал пальцем вверх.

– Дело в том, что ты вообще не был предусмотрен. Просто Антон попросил себе еще одного человека. Тебя. Ему не отказали, тем более, что ты умеешь то, чего не умею я.

– Например?

– Отвечу вопросом на вопрос. Что ты собираешься делать в первую очередь?

Антон задумался лишь на секунду:

– Подбирать команду.

– Вот и ответ на твой вопрос. У тебя это лучше получится. Давай, по коням.

Глава пятая.

Никита Брагин не спеша шел по улице. Работа, действительно, оказалась несложная. Деньги заплатили сразу и неплохие, правда, попросив быть на связи и не распространяться о том, работу какого рода он выполнял. Настроение было, не сказать, что очень хорошее, но все же терпимое. Несмотря на январь, на улице было довольно тепло, и Никита распахнул куртку. Домой идти не хотелось, на фирму тем более, и Брагин решил выпить пива, причем сделать это в хорошей обстановке. Пивной бар «Аквариум» подходил для этого, как нельзя, кстати. Несмотря на свое «стеклянное» название, он находился в полуподвальном помещении, совсем рядом с центральной улицей. Если быть точнее, то за углом. Сюда с друзьями они заходили еще в студенческие годы. Как

рассказывала им тогда официантка, раньше, еще в советские времена, на углу находилась стеклянная пивнушка, носившая неофициальное название «Аквариум». Ее снесли, а когда через несколько лет за углом в отремонтированном полуподвальчике появился бар, хозяин назвал его в память об усопшем предшественнике. На стене были нарисованы рыбки, водоросли, какие-то пузырьки. Пиво здесь подавали хорошее и даже сейчас, несмотря на дневное время, посетителей было немало. Под потолком висел телевизор, там транслировался какой-то музыкальный канал, но звук был приглушен, и поэтому слышалось порой позвякивание кружек. Свободное место было только, у столика у окна на двоих. За ним сидел пожилой очень худой лысый мужчина и что-то писал в блокноте. По нынешним временам это выглядело странновато, но мест больше не было, и Никита направился прямо к нему:

– Извините, у вас не занято?

Мужчина поднял к нему изможденное лицо с неожиданно очень выразительными и живыми глазами, поверх очков, которые словно просканировали Брагина, и ответил:

– Хотел бы ответить, что занято, но нет. Присаживайтесь, молодой человек.

Никита заказал две кружки пива и орешки. Официантка ушла, а он, пытаясь делать это незаметно, стал разглядывать мужчину, делавшего неразборчивым почерком какие-то записи в блокноте. И чем больше смотрел, тем боль-

ше удивлялся. Одет-то старик был совсем неплохо: вельветовый пиджак, модная голубая рубашка, шейный платок, очки в тонкой оправе. И этот потертый блокнот. Перед ним стояла кружка пива, но он практически не притрагивался к ней.

– Виктор Васильевич, – сказал внезапно мужчина.

– Что? – переспросил Никита.

– Зовут меня Виктором Васильевичем, – пояснил тот. –

А вас?

– Никита.

– Ну, вот и познакомились. А я, извините, журналист. Фрилансер. Люблю иногда вот так поработать, пивом с рыбой подышать.

– Подышать? – переспросил Брагин.

– Да, вы не ослышались. Пью совсем мало. Здоровье подводит. А вот запах люблю. А вы кем работаете?

– Программист я, компьютерщик.

– Ну да, ну да, сверхпопулярная нынче профессия. Больше только юристов и экономистов. Но вы не волнуйтесь – я компьютером вполне владею. И ноутбук дома имеется. Только вот мысли приходят, когда бумага на столе. А домой приду – перенесу на бездушную машину.

– Я вовсе не волнуюсь, с чего вы взяли? – спросил Никита, отхлебывая только что принесенное свежее пиво.

– Ну, возможно, мне кажется, но ваше поколение считает более старших отставшими от жизни динозаврами, поскольку мы не так разбираемся в современных гаджетах.

– Я так совсем не считаю. Действительно, мне интересен этот мир, его новые возможности. Но, к примеру, чисто человеческие вечные ценности они не меняются веками.

– Например?

– Ну..., любовь.

– А вы, однако, романтик...

– С чего вы взяли? – внезапно рассердился Никита, – Я мог бы назвать еще и деньги... бумажные.

– Ну, деньги – это да..., – Виктор Васильевич даже зажмурился. – Без денег никак.

– Но деньги – не главное в жизни...

– А что главное?

Никиту стал раздражать этот пожилой въедливый мужчина с пронзительными глазками-буравчиками под очками.

– Извините, – сказал он. – Вы старше и я не хочу вас обидеть, но я пришел сюда выпить пиво и подумать о жизни.

– Хорошо, – неожиданно легко согласился Виктор Васильевич. – Тогда еще один вопрос: как вы к нашему губернатору относитесь? Вернее, не так, вы знаете, кто у нас сейчас губернатор?

– Представьте, знаю, – хмыкнул Брагин, – У нас не губернатор, а исполняющий обязанности. И я никак к нему не отношусь. Мне он плохого ничего не сделал...

– А хорошего?

– Извините, без комментариев. Но уверяю, он мне не родственник и даже не друг моих родителей.

– Понял. Что ж, пейте пиво, оно здесь хорошее. А я напишу немного с вашего разрешения.

Никите внезапно расхотелось пива. Он сделал еще несколько глотков и, не попрощавшись, вышел из пивнушки. Брагин шел по проспекту и думал о том, почему этот дедушка ему так не понравился. Но так ни до чего не додумался. Зато поймал себя на мысли, что ему практически удалось привести в порядок мысли, связанные с неожиданным и болезненным уходом Алины.

А Виктор Васильевич Санин долго смотрел ему вслед. Он даже потерял какую-то мысль, которую долго вынашивал перед этим в голове. Впрочем, для него это было не страшно. За этой мыслью, знал он, непременно придет другая, потом третья. Для его шестидесяти восьми лет острота ума у него была просто поразительная. Да и перо отличалось большой легкостью. Он знал это и гордился собой.

Глава шестая.

Обедать Русаков пошел в ближайшую кафешку. Там, как сказали ему, есть вполне приличные комплексные обеды. Он сообщил об этом Тонковидову по телефону. Думал, что Антон будет отговаривать, приглашать к себе в комнату отдыха пообедать вместе и возможно поговорить, но тот только сказал после короткой паузы:

– Хорошо. Ближе к концу дня зайди. Обменяемся впечатлениями.

Ростислав вздохнул облегченно: хотелось выйти из зда-

ния, просто пройтись прогуляться. Чиновник пока из него получался не очень.

На улице было тепло для января и почти бесснежно. Так что вполне можно было идти по улице в туфлях на тонкой подошве. В кафе было достаточно многолюдно, большинство столиков занято, но он быстро нашел место в глубине зала, куда принес поднос с дешевым, но, как оказалось вполне приличным «комплексом». За его спиной что-то весело обсуждала компания из нескольких звонких женских и одного солидного густого мужского голоса. Ростислав не оборачивался, пока не доел. Взглянул на столик, лишь, когда встал с подносом. Точно... три девушки и одна из них та самая Оксана из пресс-службы. Она тоже увидела его и покраснела. Или Ростиславу это только показалось?

– Ой... , здрасьте, – сказала она.

– Здрасьте, – улыбнулся он. – Давно не виделись.

А четвертым за этим столиком сидел молодой парень с румянцем во все щеки. Русаков даже удивился, как у такого молодого человека с такой внешностью может быть такой густой бас.

Ростислав Романович вышел на улицу. Решил позвонить жене. У той тоже должен был быть обеденный перерыв. Она ответила сразу.

– Привет, Люда! – сказал он, – Это я.

– Поняла, что ты. Привет.

– Как дела?

– Как у нас могут быть дела? Работа, потом магазин, потом к детям уроки проверять.

– Что, сами не очень что ли самостоятельные? – Ростислав не смог сдержать улыбки. – Вроде справлялись.

– А ты не смейся, – жена почувствовала перемену в голосе. – Сам непонятно, куда уехал и теперь веселится.

– Ну, не первый же раз. Тем более, что соскучиться, наверно, не успела еще.

– Не успела, значит, успею. Может быть. Ладно, как у тебя дела? – Люда вроде решила сменить гнев на милость.

– Спокойно пока, – ответил он. – Осваиваюсь.

– Ладно, целую, звони. А то я тут в магазине.

– Ты ж вроде вечером в магазин...

Но в ответ в трубке раздались короткие гудки.

Русаков усмехнулся и не спеша побрел в здание администрации.

Он разделся в кабинете, посмотрел свои записи, дождался двух часов и решил для начала нанести визит в пресс-службу. Судя по местному справочнику, она находилась на первом этаже.

Кабинет руководителя пресс-службы был закрыт. Зато из находившегося рядом помещения доносились голоса, дверь была прикрыта неплотно. Русаков для приличия постучал, а затем толкнул дверь.

В кабинете сидели три молодые женщины и парень. Та компания, что обедала за соседним столиком в кафе.

– И снова здравствуйте, – сказал Ростислав, – Хочу познакомиться с вами.

Оксана Ардашева сидела на стуле посередине комнаты, остальные находились за своими столами.

– Я – Русаков Ростислав Романович, советник губернатора по экономическим вопросам. Точнее, исполняющего обязанности..., – уточнил он.

– Мы вас знаем, – сказала Оксана, – Я, извините, всем сказала, кто вы такой. Ничего?

– Правильно, – Русаков кивнул. – А вы?

– Меня вы знаете, – ответила Оксана, – Это Ирина Горохова, это Диана Больших, а это Василий Филатов.

Роман внимательно оглядел всех. Ирина была совсем молоденькой с круглым миловидным лицом и большими темными глазами, Диана чуть постарше – с короткой стрижкой в очках в тонкой оправе. Василий же определялся сразу.

– Очень приятно, – кивнул Ростислав, и, не удержавшись, добавил. – А у вас, молодой человек, такой голос, что вам неплохо бы Дедом Морозом выступать.

– Выступал, – ответил Василий. – Сейчас не разрешают.

– Ничего, – ответила за него Оксана, – зато новости читает на местном телевидении. Это можно.

– Извините, Оксана, – сказал Русаков, – а можно мы в ваш кабинет перейдем? Не хочется собрание устраивать. А вы потом, если что, с коллегами информацией поделитесь.

– Конечно, – сказала Ардашева и опять слегка покрасне-

ла. – Пойдемте.

Они перешли в соседний кабинет, и Оксана плотно прикрыла за собой дверь.

– Кстати, это ничего, что я просто по имени вас называю, а то несолидно, при подчиненных? – спросил Русаков.

Она на секунду задумалась:

– Ну да, я вроде для них Оксана Георгиевна, но с другой стороны, пока большое начальство замечание не сделает, называйте. Тем более что вы и есть большое начальство.

– Почему?

– Как я понимаю, вы человек близкий к Антону Викторовичу, – ответила она.

– Вы прозорливы, – улыбнулся Русаков. Ему определенно нравилась эта девушка. По крайней мере, она говорила достаточно откровенно, не пытаясь изобразить из себя нечто серьезное или уходить от ответов. Он решил, что тоже будет откровенен с ней. Ну, насколько, это возможно.

– Я у вас почти никого не знаю, хотелось бы узнать людей поближе.

– Кого именно?

– Ну, хотя бы руководство администрации, ту же пресс-службу.

– Пресс-служба – это не руководство, – фыркнула она. – Вы их видели. Есть еще Морсков – спичрайтер, но он на больничном. Так что, речи Антону Викторовичу писать некому. А так, чтобы рассказать обо всех – суток не хватит.

Это только кажется, что область маленькая. Зато начальства много.

– Хотя бы о замах для начала. Коротко.

– Понятно. В телеграфном стиле, – она кивнула, – Первый зам. Цветков. Говорили, что его назначат. А не назначили. Он давно в кресле. Может, из-за возраста. Ему 65 скоро. Но он умный и себе на уме. Долго был директором завода. Родственник бывшего губернатора. У них жены – сестры. И его жена им управляет. Говорят. Она еще умнее его. Так бывает?

Оксана подняла голову на Русакова и, пожалуй, первый раз взглянула на него в упор. Глазами цвета беж. Но он выдержал взгляд.

– Бывает. А что бывший губернатор?

– Сложно. Он ректор сельхозуниверситета теперь. Затаялся. Мощный мужик. Ему как раз 65 стукнуло.

– А чем не угодил? Возраст?

– Может. А может тем, что слишком себе на уме. Вечно у него какие-то люди непонятные. Двери администрации были для них всегда открыты. А мы их не знали. Сейчас их как ветром сдуло.

– А кто такие? Олигархи, художники, бандиты?

– А никто не знает. Версии есть. Но я их пока озвучивать не буду, ладно? Потом как-нибудь.

– Дальше?

– Евсин. Еще один серый кардинал. Вернее, один серый кардинал. Считает себя очень важным. А сейчас тоже зата-

ился. Тихим стал и вежливым. Ароев. Трудяга. У него строительство, ЖКХ и прочее. Весь в заботах. Или изображает, что вечно занят. В политические вопросы не лезет. Вроде. Вилецкий, руководитель аппарата. Сама любезность. Улыбается любым руководителям. Между нами, весьма противный тип. Но это, скорее личное восприятие. Еще Крупин есть. Бывший начальник ФСБ. Тоже в возрасте. Вроде хороший мужик. На первый взгляд.

– Еще женщина, – подсказал Ростислав.

– Понравилась? – улыбнулась Оксана. – Она всем нравится. Валентина Викторовна – хороший человек. Всем всегда помочь готова. Но это разве профессия?

– Нет, – мотнул головой Русаков.

– Вот и я так думаю.

– А как они к Антону... Викторовичу относятся? – спросил Ростислав.

– Не знаю, – ответила Оксана. – Скорее, догадываюсь. Боятся, что изберут его губернатором, и он их поперет. Считают, что это он пока тихий, а если ему область доверили, то он опасен. Может, не все так считают, не знаю, меня ведь в эти игры не посвящают. У них свое тайное общество есть.

– Тайное общество?

– Ну да, что-то вроде. Встречаются, дела обговаривают. У бывшего губернатора. Они это не скрывают особенно, но и посторонних не зовут.

– Спасибо, Оксана. И последнее: почему вы так откровен-

ны со мной?

Теперь он взглянул на нее в упор.

– Откровенна? – она пожала плечами. – Да, ничего я вам особенного не рассказала. Не от меня, так от кого другого бы узнали. Считайте, что я вам просто время сэкономила. Да и ваш ... Сергей Сергеевич, наверняка, знает об этом. Хотя меня он не спрашивал. У него, наверно, свои каналы есть.

– Наверно, – улыбнулся Русаков. – А, кстати, по какому поводу вы так громко смеялись в кафе? Если секрет, можете не отвечать.

– Над вами.

Русаков был несколько озадачен таким ответом:

– Так, вы что меня видели?

– Нет. Просто вспомнили. Русаков Ростислав Романович. Вроде нормально, но если сокращенно рычание получается. Р-р-р.... Извините, я не хотела вас обидеть. Да мы по- доброму...

– Действительно, смешно, – Ростислав поднялся со стула. – Пойду я, а то вдруг кто меня искать начнет.

– Вы точно не обиделись? – Оксана тоже встала из-за стола.

– Абсолютно. Не прощаюсь, увидимся еще...

У дверей его кабинета он почти столкнулся с Сергеем Сергеевичем.

– К тебе шел. Телефон не отвечает. Мобильный не стал теребить. Мало ли...

- Да, ничего важного, с народом знакомился... – Ростислав открыл ключом дверь, пропуская Сергея Сергеевича.
- Ну и как впечатления? – спросил тот.
- Не знаю, будем разбираться дальше, пока на подступах.
- Ясно. Надо нам встретиться вечером будет, обменяться. А то на ходу все. Не против?
- Нет. А где?
- А это второй вопрос. Но важный. Короче, квартиру тебе подыскали. Тихую, неподалеку отсюда, две комнатки. Устроит?
- Вполне. Квартира, надеюсь, чистая? – улыбнулся Русаков.
- Напрасно иронизируешь. Риэлтор божился. И здешние спецслужбы тоже.
- Ты им доверяешь?
- Есть свои люди, – уклончиво ответил Сергей Сергеевич.
- А что ж сюда левого парня привел?
- Парень хороший, его кто надо рекомендовал. А тем ребятам самим в администрацию соваться не с руки.
- Понятно.
- Ну, раз понятно, то вечером тебя отвезу. Сначала Анто-на само собой, а потом и тебя.
- А, кстати, где Тонковидов-то живет сам?
- И не спрашивай. Коттедж для него снимаем целый. В плане безопасности не очень удобно. Но решил в тиши пожить...

– Охранять есть от кого?

– А сие пока неизвестно. Просто сам по себе губернатор – персона охраняемая. Я, к счастью, под его воротами не сплю. Хотя сон, признаюсь, и так не самый крепкий.

Глава седьмая.

Антон Тонковидов сидел и слушал короткие отчеты своих замов. Что сделано за день, что предполагается. Он слушал и ... не слушал. За то небольшое время, что он исполнял обязанности губернатора, он прекрасно знал, что они скажут. С вариациями. Они показывали себя исполнительными людьми, реагировали на приказания сверху, долгосрочные и краткосрочные. Запускали механизм подготовки отчетов и доносили до его ушей плоды работы сотрудников. Параллельно чаще всего отправляя отчеты в Москву. Чиновничья машина скрипела и крутилась. Если задания были не совсем уж новыми, то подготовка отчетов была отлажена, все было достаточно четко и, хотя порой один из винтиков мог начать заедать – ну, забыл что-то человек вовремя сделать или заболел исполнитель – все равно машина работала. Хуже было с вопросами стратегическими. По большому счету они не решались. В том числе и главный из них – увеличение поступления средств в различные бюджеты. Знали об этом и в столице. И это была одной из главных задач Антона. Стратегических. Но люди, сидевшие перед ним, не очень горели желанием выполнять эти задачи, они думали исключительно о себе. Кем заменить их Антон не знал, да и не имел таких

полномочий. Только после выборов, до которых оставалось немногим менее восьми месяцев. Иногда Тонковидову казалось, что он стал жертвой какой-то непонятной игры, разменной пешкой или королем на шахматной доске, но без защиты. И им овладевала паника, которую он умел не показывать окружающим. Но легче ему от этого не становилось.

– Спасибо, – сказал он всем, когда отчеты и планы закончились. – Желаю удачи.

Все задвигались и заулыбались. Антон подумал, что, может быть, он хотя бы вызывает у них чисто человеческую симпатию после сурового и серьезного бывшего губернатора. Но, будучи человеком неглупым, мысль эту сразу откинул: тот был для них своим, а он – чужак.

Дождавшись, когда все покинут кабинет, он по селектору вызвала советника по безопасности Катина.

Сергей Сергеевич появился быстро, будто только что ждал его в приемной. Тонковидов поднял голову, посмотрел внимательно. Куратор в Москве сказал, что этому человеку он может доверять, как самому себе. Но Антон никому до конца не верил. То ли дело Русаков, подумал он и тут же остановил сам себя: а что Русаков, сколько лет минуло со школы, все теперь не так.

– Все чисто? – спросил он у Катина, хотя тот уже доложил ему о результате проверки всей техники. – Уверен?

Сергей Сергеевич кивнул, а в подтверждение сказал: – Ручаюсь.

– Значит, мы никому не нужны?

Катин улыбнулся и пожал плечами.

Антон с усилием перевел разговор на другую тему:

– Квартиру Русакову нашли?

– Да.

– Хорошо. Пусть обустраивается. И еще: Сергей Сергеевич, что со слабым звеном? Нащупали?

Он никак не мог определиться, как обращаться к своему советнику – на «вы» или на «ты».

– Вообще сложно это. Сбиты и повязаны.

– Вы мне это уже говорили. И что дальше?

– Нет таких задач, которые не могли бы решить большевики, – улыбнулся Катин. – Вилецкий и Савельева. И у них практически одно общее слабое место. Не догадываетесь?

– Нет.

– Все же два, – Сергей Сергеевич поправил сам себя, – У него – женщины, у нее – мужчины.

– И это все? – Антон не скрывал своего неудовлетворения.

– Ну, во-первых, это такое место, за которое очень многих можно дернуть, так что мало не покажется. Что же о других раскладах, то работаем.

– Не доверяете мне? – в упор спросил Тонковидов.

– Ни в коем разе. Просто есть вещи, которые до определенного периода могут понять только профессионалы. Такие тонкие-претонкие ниточки. Начнем дергать, тогда и обсудим.

– Понятно, – сказал Тонковидов. – Пока не дергаем. У меня сегодня больше дел не предвидится, я дома с документами поработаю. Так что, в шесть заходи, поедем. И Ростислава заодно завезем.

Антон не врал. Он уже не первый день изучал целую кипу финансовых документов. И хотя это был практически его хлеб, многие вопросы губернского бюджета понимал с трудом. Иногда задавал вопросы местным финансистам, но больше старался дойти своим умом. Он знал, что мог быть упорным и даже упертым, но вся окружавшая его обстановка выбивала из колеи, заставляла нервничать и мешала сосредоточиться.

Когда Сергей Сергеевич ушел, Тонковидов набрал телефон куратора в Москве. Коротко обрисовал ситуацию, потом задал в очередной раз вопрос о том, может ли он заменить первого зама своим человеком. Обычно ему терпеливо объясняли, что снимать того нет оснований, но есть необходимость присмотреться получше. И в любом случае после успешных выборов Антон получит карт-бланш. Но на этот раз ответ звучал по-другому:

– А у вас есть кандидат?

Тонковидов хотел назвать фамилию Русакова, она вертелась у него на языке, но вспомнив, что еще совсем недавно не без труда получил разрешение взять его советником, язык придержал и начал говорить невнятное:

– Да, пока нет... но есть варианты...хотел бы в Москве

кое с кем поговорить... потом определиться.

Но в ответ получил:

– Антон Викторович, время терпит. Посмотрите, кто есть кто из местных кадров. Не гоните лошадей, вникайте в ситуацию.

Прозвучало по форме очень мягко, а по сути Тонковидову показалось, что ему плюнули в лицо. Или может просто подводят нервы, подумал он, положив трубку и смотря в потолок. Потом он выпил чаю и чуть-чуть успокоился, нажал кнопку селектора и вызвал Русакова.

– Как дела? Что скажешь? Понравилось мое окружение?

Ростислав ответил не сразу. Выдержал паузу:

– Люди как люди. Наверно, хорошие изначально.

– А сейчас уже нет? Плохие? Что их испортило?

Русаков поднял ладонь:

– Нет-нет, я не хочу скоропалительных выводов делать.

Надо посмотреть на них в разной обстановке. Пообщаться по возможности. Хорошие, плохие... Не знаю. А портит людей многое. Власть, например.

– Ты хочешь сказать, что власть и меня испортит? Или, может, у меня этой власти и нет? -

Тонковидов даже приподнялся в кресле.

– Я не про тебя, – Ростислав покачал головой. – Вообще, вопрос о другом был задан.

– Ладно, – Антон откинулся назад в кресле. – Поедем тебя селить. Сергеич тебе сказал уже?

– Да, – Русаков кивнул.

– Двушка устроит? Может, больше надо?

– Нет. Вполне.

– Хорошо, едем, – Тонковидов поднялся. – Берем Сергееча и вперед. Вещи твои из гостиницы заберем только.

На улице темнело. Дорога была недолгой. Покрутились в центре, заехали в гостиницу. Ростислав сдал номер и ключи. Опять развернулись и проехали пару кварталов вниз под небольшую горку. Затем свернули в узкую улочку и остановились у пятиэтажки. Дом был кирпичный, не очень старый и не очень типовой. Вполне ухоженный двор, чистые металлические двери.

– Я тоже поднимусь, – сказал Антон. – На минутку, гляну, как ты устроился.

Третий этаж. Естественно, без лифта. Катин открыл дверь, потом положил ключи на полочку у зеркала. Квартира, как квартира. Антон вспомнил как они жили в таких лет двадцать, тридцать тому назад. Впрочем, тогда бывало и похуже. А здесь – две отдельные комнаты, пластиковые окна, небольшой застекленный балкончик. Мебели вроде немного, но все необходимое есть. В спальне вообще только большая двуспальная кровать и зеркальный шкаф. Прошли на кухню – холодильник, стиралка.

– Ну, как тебе? – спросил Тонковидов у Русакова, – Пойдет?

– Вполне, – ответил тот и пошутил, – главное – не заблуд-

диться, когда пешком пойду.

– Машина в твоём распоряжении будет, хотя только завтра – сказал Тонковидов.

– А если пешком захочу все же?

– Тут недалеко. В горочку пару кварталов и центральная улица, – пояснил Сергей Сергеевич и добавил. – Кстати, у этой квартиры интересная история. Здесь жил профессор местного университета. Потом он уехал в Америку и квартиру продал. Жила семья из трех человек и тоже уехала. В Германию кажется. Теперь сдают. А профессор тот хотел вернуться, но его убили. Здесь. Что-то с деньгами связано.

– Здесь? В этой квартире что ли? – переспросил Ростислав.

– Нет, конечно. В этом городе. А квартиру он задолго до этого продал.

– Местные легенды, – хмыкнул Тонковидов. – Мне их теперь тоже знать надо?

Никто не ответил и он продолжил:

– Ладно, Слава, обосновывайся, отдыхай, а мы поехали, мне еще с бумагами поработать надо.

– Завтра во сколько машина нужна будет? – спросил Катин у Ростислава.

– Не надо, попытаюсь пешком. Заблужусь – позвоню.

До коттеджа, где жил и.о. губернатора доехали быстро. Дом стоял на маленькой улочке, неподалеку от реки и был спрятан за высоким забором. Остальные дома здесь также

были спрятаны за заборами и отстояли на солидное расстояние друг от друга. Сергей Сергеевич нажал кнопку и огляделся:

– Пустынно здесь. С точки зрения безопасности...

– Брось, – перебил его Антон, – кому я здесь нужен? Да и ты, уверен, не дремлешь.

Дверь открыл Семен Ильич – широкоплечий пожилой мужчина. Вместе с женой Дарьей Петровной они жили в маленьком гостевом домике в углу обширного участка. Муж был садовником, электриком, сантехником, а также охранником и при необходимости водителем. Жена отвечала за уборку и приготовление пищи. Где взял Катин этих людей, Тонковидов не знал и не интересовался. Раз Сергеич доверял им, то и он доверял тоже. Разве что Антон предпочитал находиться в доме один. Поэтому он с удовольствием съел ужин, приготовленный Дарьей Петровной, поблагодарил, подождал, когда она уберет на кухне, проводил ее и закрыл дверь. Только после этого переоделся, принял душ и пошел на второй этаж, где находился кабинет, достал из портфеля бумаги и вздохнув, принялся за их изучение.

Глава восьмая.

Квартира Руслану понравилась. Здесь было тихо, не было лишнего загромаждения чужих, да и своих вещей. Он аккуратно разложил содержимое сумки, развесил на плечики пару костюмов и рубашки, остальное сложил в ящики шкафа. Места все это заняло немного. Потом прошел на кухню.

Чай, кофе, сахар, соль, кухонные принадлежности. Все это присутствовало здесь. Но ему захотелось есть, а продукты отсутствовали. Было два выхода – пойти поесть в кафе или купить что-то в магазине. Возможно, в городе была доставка еды на дом, но Русаков решил пойти другим путем. Вернее совместить два первых – поужинать где-то, а потом купить что-то на будущее. Другой вопрос, что он не очень ориентировался в городе и не знал, где находятся нужные ему места. Для начала он решил воспользоваться помощью Интернета. Определил свое местоположение, нашел ближайшее кафе и ближайший супермаркет. Кафе было совсем близко, за углом. Супермаркет чуть дальше – в конце квартала.

Ростислав переоделся в джинсы и свитер и отправился в путь. Сначала – кафе. Оказалось, вполне приличное заведение, столики отделены друг от друга невысокими диванчиками. Русаков вошел и огляделся – вот две пары похоже что-то отмечают, три подружки шепчутся, периодически переходя на громкий смех, двое серьезных мужчин, внешне похожие на адвокатов, обсуждают какие-то свои проблемы. Ростиславу официант предложил место за столиком перед адвокатами. Он повесил пальто на вешалку, сел спиной к мужчинам, открыл меню. Выбрал фирменные котлеты с гарниром, салатик, стакан сухого вина и откинулся на спинку, ожидая заказ.

Разговор за спиной он услышал, можно сказать, случайно. Лиц Ростислав не видел, когда заходил тоже не обратил внимания, да и разговор сначала был ему не слишком интересен.

– Скоро бабахнет, – сказал один голос, чуть приглушенный и хрипловатый.

– Как скоро? – спросил второй, высокий и даже чуть с бабьими истерическими нотками.

– Сегодня, завтра, как решат.

– Ну и что нам, если все удастся?

– Спокойно, выборы сначала так и так. Терпим и ждем. Обстановку надо создать благоприятную.

– На мой вопрос ты не ответил?

– Само ничего в руки не падает. Поделится, я думаю.

Русакову принесли бокал вина. Он отпил и продолжал слушать, но разговор перешел на какие-то бытовые темы. Обсуждали какую-то Дианку, у кого больше шансов на нее. Ростислав перешел к еде и почти потерял интерес к разговору соседей, сначала заинтересовавшего его. Но через пару минут снова услышал нечто, заставившее обратиться в слух.

– Ну, станет он губернатором, не выкинет нас? А то опять какие-нибудь москвичи влезут.

– Не чуди. Ему это сто лет не надо. В этом-то и первый шаг – чужаков отсечь.

– Не верю, – ответил второй.

– Ну, до разумного предела. И хватит об этом. Чего мусолить-то? Ждать немного осталось.

Русаков быстро доел, не стал даже заказывать кофе, повернулся к вешалке и внимательно посмотрел на сидящих за соседним столиком. Первого, с приглушенным голосом

видно не было, только круглая лысеющая макушка с вздыбленным венчиком волос непонятного цвета. Зато второго он разглядел хорошо – колоритный мужчина с темными волосами и аккуратной черной бородкой и бегающими глазами, то ли кавказец, то ли просто brunet.

Ростислав вышел из кафе и пошел по предполагаемой дороге к супермаркету, по пути размышляя о чем, собственно говорили эти люди за его спиной. Губернатор, рванет, выборы... Ему было непонятно и тревожно. В супермаркете Русаков набирал продукты на автомате, боялся, что что-нибудь забудет и по два раза проходил мимо одних и тех же полок.

В руки окончательно себя он взял только в квартире, перед этим едва не пройдя мимо своего дома. В квартире он принял душ и устроился на диване с ноутбуком. В мире все было относительно спокойно, и он решил ознакомиться с новостями региона. Но в это время зазвонил телефон. Звонила жена. Голос вполне миролюбивый.

– Ну как ты? Освоился?

– Нормально. На квартиру перебрался. Сейчас с ноутбуком лежу.

– Поел хоть?

– Нормально. В кафе сходил и продуктов набрал. Как Соня, Макс?

– Соня у репетитора, скоро вернется. Макс в соседнем подъезде у Левы Ионова. Жду их, ужинать будем. Хотела тебя спросить: ты на выходные домой приедешь?

– Пока не знаю. Только уехал. А что ты уже успела соскучиться?

Последний вопрос Людмиле явно не понравился.

– А ты нет? – спросила она, – Согласись это ненормально, когда мы порознь. Семья все-таки.

– Ага, целых два дня. И я не первый раз в жизни в командировку уехал.

– Раньше мы всегда знали, когда ты вернешься...

– Ну да, пока неизвестно. Но я сообщу... ну, по крайней мере, о выходных.

– Ну, хорошо, – жена вроде как сменила гнев на милость. – Звони, целую.

– И я тебя. Детям привет.

Ростислав подумал, что если бы хотела, могла связаться, к примеру, по скайпу, но, то что она не сделала это, его даже обрадовало. Вспоминать о семье совсем не хотелось. Он встал, походил по квартире, потом захлопнул ноутбук, включил телевизор, пощелкал каналами. Нашел какой-то музыкальный, оставил приглушенно работать. Потом посмотрел на часы, времени совсем немного – девять часов, семья оставшаяся в Москве, даже не ужинала еще, но Русакову захотелось спать. Ему вдруг понравилось находиться в одиночестве, более того в чужом городе, где он толком никого не знает и где (сегодня уж точно) никто не пригласит его в гости и не придет к нему. Ростислав выключил телевизор и пошел в спальню. Кровать ему понравилась сразу – в

меру мягкая, широкая, с двумя большими подушками. Как в детстве, подумал он, разделся, залез под одеяло и почти сразу заснул.

Телефон затренькал внезапно. Было темно, и Ростислав подумал, что на дворе уже глубокая ночь и спит он очень давно.

Звонил Тонковидов.

– Да, Антон, слушаю, – сказал Русаков сонным голосом.

– Ты что, спишь, что ли?!

– Да нет вроде... – неуверенно ответил Ростислав.

– Ты нашел время спать!!!

– Что-то случилось?

– Случилось??? Он еще спрашивает... Ты «Честный Ясноборск» смотрел?!

– Ну да...

– Блин, ну зачем я тебя вызвал??? – чуть ли не простонал Тонковидов.

– Антон, да в чем дело-то?

– Открой и прочитай. Хотя, я боюсь, что это не только там, они на цитаты разбирают уже... Потом позвони. Только быстрее.

Русаков поднялся с постели и открыл ноутбук. «Честный Ясноборск»... Так, вот он... Довольно популярный паблик, в котором обсасываются местные сплетни. Ростислав, конечно, сделал на нем закладку, но пока не видел там ничего интересного. А сейчас...

Статья называлась «Зачем нам московский гость?»

«Нам навязывают губернатора из Москвы, – начиналась статья, – Но зачем ясноборцам этот мальчик в коротких штанишках на лямках, не имеющий даже мало-мальского опыта руководства регионом?» Дальше шли еще несколько абзацев подобной риторики и в конце приводились факты из биографии Тонковидова, пытавшиеся создать ощущение того, какой он слабый, а, вернее, никакой политик, не занимавший серьезных постов, никем по сути дела не руководивший и вообще непонятно откуда взявшийся. «Ясное дело, – заканчивался пост, – что Ясноборщина лишь космодром для взлета этой управляемой ракеты. Да, Бог с ней, пусть летит хоть на Марс, но зачем из нас делать рабов, способных построить пусковую площадку и молча отойти в сторонку, мол, не жили нормально и привыкать нечего?».

Написано бойко, подумал Русаков, но по сути дела ничего, кроме дешевого пафоса в статейке нет. И ненависть к чужакам, а москвичам особенно. Голословная. Впрочем, комментарии подтверждали, что где-то зерно упало на благодатную почву. Вот первый из них: «Высосали все деньги и так, но им все мало. Не успокоятся, пока совсем народ нищим не сделают». Ну и дальше в том же духе. Только все менее грамотно. Ростислав захлопнул крышку ноутбука и подумал, усмехнувшись: «Хорошо, что они про его школьные годы не знают. Неглубоко копают».

Он набрал номер Тонковидова.

– Прочитал? – спросил тот. – И учти – это же по всем соцсетям уже поползло. Короче, приезжай. Сейчас Сергеич за тобой заедет. Будем думу думать. Я уже в Москву звонил, просил пиарщика прислать. Или антипиарщика...

– И что?

– Да, ничего. Пообещали... Не пойми что. Одевайся, короче.

«Ниссан» с Сергеичем подъехал быстро. Ростислав еле успел одеться и умыться. Выходя, бросил взгляд на часы. Половина одиннадцатого. «Самое время для диванных хомячков», – подумал он.

Доехали быстро, но по пути успели перекинуться парой фраз.

– Что думаешь? – спросил Сергеич.

– По форме ерунда, а по сути что угодно может быть. От одиночного высера до начала массированной атаки, – сказал Русаков, обдумывая ситуацию.

Трагедии он пока не видел, хотя ведь на самом деле пост этот мог быть и пробным шаром. А что дальше?

– А я думаю, что Антон Викторович сейчас начнет истерить, но по форме прав будет – сил у нас маловато, если что...

– Если что?

– Не знаю. Посмотрим, – уклончиво сказал Катин.

Дверь в ограде открыл Семен Ильич, он тоже выглядел встревоженным.

– Ну что? Как там? – спросил его Катин, кивнув на дом.

– Бегаает, нервничает, – ответил охранник.

– Ясно, – Сергей Сергеевич кивнул.

Они прошли в дом. Тонковидов встречал их в холле: встрепанный, запахнутый в теплый халат.

– Проходите, – он махнул рукой.

Они разделись в холле и прошли в большую гостиную. Все здесь свидетельствовало о беспорядке – то ли постоянном, то ли случившемся только сейчас по причине сильного беспокойства Антона. Большой диван был в беспорядке завален подушками, одна даже лежала на полу. На столике лежал раскрытый ноутбук.

– Ну что читали? – спросил Тонковидов, буквально падая на диван. Гости уселись в креслах напротив.

– Читали, – сказал Сергей Сергеич. – И что?

– Как что? Это атака! На меня!

– Может, – сказал Катин. – А может и нет...

– Вы что, дети малые? – нервно спросил Антон. – А ты, Слава, что думаешь?

Русаков выдержал паузу.

– В любом случае надо понять, что это и кто за этим стоит. Дергаться не стоит. Будем работать. Времени немного возможно, но оно есть. И надо искать союзников.

– Философия. Или даже болтология, – недовольно сказал Тонковидов. – Может, зря я тебя позвал?

– Могу уехать, – пожал плечами Ростислав.

– Так, заканчивайте эту дискуссию. Надо успокоиться. Вам, Антон Викторович, в первую очередь, – твердо сказал Катин. – Ростислав Романович здесь совсем мало времени, чтобы понять ситуацию.

– А ты? – повернулся к нему Антон. – Ситуацию понял?

– Немного, – ответил Сергей Сергеич. – Главное, понял, что психоз ни к чему хорошему не приведет.

Телефоны у Тонковидова и Катина зазвонили почти одновременно. Но реакция на сообщение оказалась разной. Катин словно окаменел, а Тонковидова просто подбросило на диване. Ростислав пока не очень понимал, что произошло, но, судя по всему, весть была, мягко говоря, неожиданной.

– На связи, – сказал Катин и выключил телефон.

– Еду, сам еду! – почти прокричал Тонковидов.

Секунду они молчали. Наконец, Катин поднял голову, посмотрел сначала на Антона, потом на Ростислава и сказал, обращаясь к последнему:

– Цветков умер. Первый зам.

– Или убили, – почти простонал Антон.

– Выясняют, – кивнул Катин и повернулся к Тонковидову. – Едем, Антон Викторович?

– А куда ж нам деваться..., – тот с трудом поднялся с дивана. – Переодеться только б надо.

Переоделся он быстро. Они вышли со двора, Семен Ильич закрыл за ними двери.

– Куда едем-то? – спросил Катин, выводя со двора «Той-

оту».

– В администрацию. Я вроде как губернатор. Почти, – зло усмехнулся Тонковидов.

В машине он достал мобильник, связался с дежурным в приемной сотрудником и попросил давать ему всю имеющуюся информацию. Доехали быстро, но по дороге телефон звонил несколько раз. Антон разговаривал коротко, заканчивал так:

– Еду, сейчас буду.

В здании администрации горел свет. В приемной за столом сидел еще один помощник Антона Юра, худенький испуганный мальчик в белой рубашке и с воспаленными глазами. Юра достался Антону от прежнего губернатора, был на вторых ролях, хотя и остался едва ли не единственным, не покинувшим эту должность. Ростислав не слишком обращал на него внимания, в аппаратной круговерти юноша этот был мало заметен, но тут он на короткое время стал практически главным в импровизированном штабе. На диване рядом сидел зам по безопасности Крупин. При полном параде в костюме при галстукe. Но взгляд тоже встревоженный, седые волосы прилипли ко лбу.

– Проходите, Петр Петрович, – Тонковидов махнул рукой. Вчетвером они вошли в кабинет.

– Докладывайте, – сказал Антон.

Русаков заметил, что Тонковидов смог собраться, поборол растерянность и это его приятно удивило. А Крупина

такой тон тоже заставил говорить четко, по-военному, хотя внешний вид его оставлял желать лучшего.

– Они собрались у Григория Ивановича, бывшего нашего... губернатора. Общались, а потом ему плохо стало. Коротко это все. Захрипел, хотел сказать что-то и упал. Так говорят. Вызвали скорую, но поздно.

– Что медики говорят?

– Пока неточно. Сердечный приступ, – Крупин оттер пот со лба.

– Кто дело ведет?

– Следственный комитет, начальник УВД тоже там.

– Кто доложить может?

– Мартьянов, я думаю.

– Юра, соедини меня с этим... Мартьяновым, – сказал Тонковидов, нажав кнопку селектора.

Юра возился достаточно долго, и Антон успел спросить у Крупина:

– А зовут-то его как, этого Мартьянова?

– Денис Сергеевич.

Тонковидов поджал губы и сказал, подняв трубку:

– Денис Сергеевич, добрый вечер! Тонковидов. Можете доложить, что произошло.

Потом он долго слушал, что объяснял ему по телефону начальник следственного управления.

– Ясно, – сказал он. – Мое присутствие не требуется, я полагаю? Крупин сейчас подъедет и Катин, мой советник по

безопасности. На месте доложите и по дальнейшему ходу.

Он положил трубку:

– Все слышали? Давайте, вперед. Петр Петрович, вы спускайтесь, а Сергей Сергеевич вас догонит.

Крупин кивнул и встал с понурым видом, ему совсем не улыбалось ехать куда-то в ночь. Так, по крайней мере, показалось Русакову. А может, скорбел по случаю смерти первого зама. Кто знает, какие у них были отношения?

Крупин вышел, и Тонковидов повернулся к Сергею Сергеевичу:

– Езжай, только тебе доверяю. Держи меня в курсе. И посмотри, что у них там за место встреч. А то меня они ж туда не приглашают.

Он зло сощурился:

– Звони в любое время, похоже, спокойные деньки закончились.

Катин встал и двинулся к выходу. Потом приостановился и вытащил из толстой кожаной папки, которую держал в руке, тонкий файл. Протянул его Русакову:

– Хотел отдать. Мобильные телефоны сотрудников администрации и некоторых еще важных людей. Пригодится.

Он вышел. Тонковидов повернулся к Ростиславу и почему-то перешел на зловещий шепот:

– Видишь, что происходит? Это неспроста.

– Может, случайность? Несчастный случай, – попытался высказаться Русаков, но Антон только махнул рукой.

– Случайности закончили. Или их вообще не бывает. В общем, мы ввязались. Понял? И дороги назад нет. У меня точно. А ты со мной?

Он посмотрел Ростиславу в лицо, и от его взгляда тому вдруг стало не по себе. Но лишь на секунду.

– Конечно, что за вопрос? – ответил он.

– Хорошо, но в это дело тебе лезть смысла нет. Не твоя епархия. Займись пасквилем.

В это время у него зазвонил мобильный.

– Столица, – глядя на дисплей, скривившись, сказал Тонковидов. – Ты иди, спи, или, если хочешь, подумай над тем, откуда ноги растут. Завтра утром обсудим.

Русаков вышел из кабинета. В приемной он посмотрел на часы. Начало двенадцатого. На улице было противно. В меру холодно, откуда-то дул неприятный пронизывающий ветер. Ни одной машины на служебной стоянке не было. О том, как он будет передвигаться, в этой суете просто забыли.

Под светом фонарей он открыл файл и начал листать отпечатанный снимок. Наткнулся на фамилию руководительницы пресс-службы и ее номер телефона. Еще раз посмотрел на часы. «Форс-мажор оправдает», – подумал он иронично и набрал номер. Оксана ответила сразу.

– Извините, Оксана, это Русаков, не спите? – спросил Ростислав.

– Нет, – ответила она. – Не до сна. Вы, в курсе, наверно.

– Не то слово. Весь в теме.

– Ну, вот и я, – вздохнула Оксана. – Не знаю, за что хвататься. Сначала одно, потом другое. Кто бы мог подумать?

– Что?

– Что все сразу.

– А по отдельности?

– Что по отдельности? – не сразу поняла она.

– По отдельности могло это произойти?

– Не знаю, – сказала она.

– Слушайте, Оксана, – внезапно сказал Русаков. – У меня мысль. Мне, конечно, поручено заняться вбросом, но я, пожалуй, хочу поменять порядок. Вы знаете, где они собирались? Ну, это тайное общество.

– Да. Насколько я знаю, в доме губернатора. Бывшего.

– Вы не хотите со мной туда прокатиться?

– Неожиданное приглашение, – она усмехнулась. – Поехали.

– Тогда называйте адрес, я беру такси и еду за вами. А потом туда.

Он выскочил на площадь перед администрацией, обогнул памятник Ленину, спустился вниз на проспект. По пути Русаков поймал себя на мысли, что не знает ни одного номера здешнего вызова такси.

Впрочем, машину с шашечками он увидел довольно быстро, на другой стороны улицы.

– Добрый вечер, – сказал он водителю, – Покатаемся?

– Как скажете, – немолодой мужчина с густыми усами по-

жал плечами.

Глава девятая

– Тогда поехали, – сказал Ростислав, – Молодежный проспект. Знаете?

– Конечно, – невозмутимо ответил водитель.

Машин лихо развернулась и поехала влево. Русаков пытался запоминать дорогу, но получалось плохо. Вот какая-то сложная развязка, потом подъем вверх, внизу мелькнула железная дорога. Потом поворот под углом и широкая улица с пятиэтажками за кронами деревьев. Было поздно, светилось не так много окон.

– Подъезжаем? – спросил Ростислав у водителя.

– Да, две минуты.

Русаков набрал Оксану:

– Выходите. Уже едем.

Пресс-секретарь стояла у подъезда в джинсах и черной куртке с капюшоном.

– Добрый вечер, Оксана! Извините, что поздним вечером вот так вытащил вас, – сказал Ростислав, открывая дверь и чувствуя себя слегка виновато.

– Ничего, – ответила она. – У нас по причине смены власти довольно лояльный режим. А вот в городе мэр прямо говорит своей пресс-службе: у вас режим работы двадцать четыре на семь. А у меня моцион, можно сказать.

– Мэр? Не знаком, вообще не слышал, – покачал головой Ростислав. – Плохо работаю.

– Узнаете еще, тип любопытный. Просто времени у вас не было.

– И не будет, боюсь. Итак, показывайте дорогу.

– Лесное, – сказала Оксана водителю. – Там покажу.

– В логово едете? – осведомился водитель.

– В смысле? – не понял Ростислав.

– К хозяевам жизни. Там же все начальство обитает.

– Не все, – засмеялась Оксана. – Начальства много, а Лесное – небольшое.

Они выехали на еще более широкую улицу, потом свернули куда-то в сторону. Начались узкие улочки с двух-трехэтажными домами, потом частный сектор, дорога пошла под гору. Правда, трасса была хорошей, ни ям, ни кочек на сухом бесснежном асфальте.

– Дома не будут волноваться? – спросил Русаков.

– Нет, все нормально, – ответила его спутница. – Что касается того, с кем я живу, об этом, если можно, не сейчас, тем более скоро приедем.

Они снова взметнули вверх, выскочили на мост и затем свернули в сторону. Шоссе шло через лес, который вскоре, впрочем, закончился и вскоре за ним снова появились силуэты невысоких зданий за заборами, освещаемые светом уличных фонарей.

– На улицу не заезжайте, а сворачивайте направо, там тоже дорога есть. Потом будет разворотное кольцо, вы там нас высадите, – скомандовала Оксана.

Вскоре такси остановилось, Ростислав расплатился, и они вышли из машины.

– Ну и местечко, – сказал Русаков, оглядевшись. – Мрачновато.

– Надеюсь, вы не подумаете, что я буду здесь вас страстно домогаться, а потом вытащу ваш кошелек, прыгну в речку и уплыву? – внезапно развеселилась Оксана.

– Нет, – Ростислав даже несколько сконфузился. – Просто неудобно, что по моей воле мы оказались в таком месте.

– Ничего. Летом здесь очень даже неплохо.

Русаков огляделся внимательнее. Справа виднелся спуск к небольшой речушке, под отсветом желтых фонарей блестели промоины во льду. На той стороне чернел лес. Слева начинались заборы, а за ними ряд разнокалиберных коттеджей. Прямо уходила узкая асфальтированная дорожка.

– Если мы пойдем туда, – Оксана махнула рукой вперед, – то выйдем к дому экс-губернатора. Только, позвольте спросить, что мы будем делать потом? У вас есть план, мистер Фикс?

– Нет, – честно признался Русаков.

– Очень плохо, – сказала она. – И на что вы рассчитываете?

– На случай. На импровизацию.

– Любая импровизация должна быть тщательно подготовлена. Пойдемте вперед и по пути решим, что будем делать. Только давайте спустимся вниз и двинемся по бережку. Ма-

шин мало здесь бывает, но береженого Бог бережет.

Они спустились вниз, идти было не очень удобно, темно-вато, под ногами периодически появлялись какие-то коряги, но хоть сухо. Так они прошли с полсотни метров, когда Оксана сказала, посмотрев наверх:

– Ну, вот почти дошли, надо подниматься. Дом Григория Ивановича тут за углом. Только вот, я думаю, что там могут еще и полицейские быть. Вы как считаете?

Русакова пробил пот. Явно эта девушка умнее его. Он вообще об этом не думал. А вообще о чем он думал, когда решил ехать сюда? Хотя, пожалуй, можно проверить.

Он достал телефон и позвонил Катину:

– Сергей Сергеевич, может я не вовремя? Хотел узнать, как там обстановка.

– Уезжаем уже, – устало ответил Катин. – Так себе обстановочка. Результата вскрытия не было, но врачи говорят, что похоже на инфаркт, который что-то спровоцировало. На сердце он не жаловался, якобы. Из Москвы вызвали спеца, он вскрытие сделает.

– Так, ты где?

– Стою, жду командира одного. Оцепление снимают. Все уже уехали. Ну, и я поехал. А ты что не спишь? Или стилистическую экспертизу проводишь?

– Да так... Скоро спать. Ты прав.

– Ну, давай, поехали мы.

Ростислав закончил разговор и повернулся к Оксане:

– Ну, вот, можем идти.

– И все же это плохая идея. Тут камеры всюду.

– А мы по-над заборчиком.

– И что вам это даст?

– Не знаю. Хочу посмотреть на это общество. На дом, где они собирались.

– Тогда пойдемте открыто, придумаем что-нибудь, если что. Вы, главное, перед Катиным потом оправдайтесь за то, что в его дела влезли.

Русаков про себя восхитился этой девушкой. Влезть в такую авантюру и держать такую холодную голову. А может она из тех, что... Да нет, непохоже. Иначе бы она вела себя совсем по-другому. Ростислав успокоил себя, и они пошли по переулку. Оксана взяла его под руку, и теперь они совсем смахивали на супружескую пару, вышедшую погулять.

– Вот тут за углом его дом, – шепнула она, и они обогнули забор. Следующий был поменьше и за ним был виден двухэтажный дом с балконом и узкой высокой крышей. Голые кроны деревьев позволяли разглядеть, что окно за балконной дверью и плотными шторами светилось. Они прошли чуть дальше, еще полсотни метров по переулку, потом повернули назад. Русаков еще раз внимательно посмотрел вглубь сада. Ему вдруг показалось, что со стороны дома к соседскому участку мелькнула тень.

– Ты видела? – он сжал пальцы Оксаны.

– Что?

– Там кто-то пробежал. На участке.

– Нет.

Они прошли вперед еще пару десятков метров, когда навстречу им выскочил свет фар. Машина резко приближалась и остановилась буквально в сантиметрах от них. Из автомобиля выскочили двое мужчин в темных куртках.

– Можно поосторожней? – недовольно сказал Ростислав, но они проигнорировали его вопрос.

– Здесь охраняемая территория, – сказал один из них, подходя практически вплотную. – Как вы здесь оказались?

Ростислав прочитал нашивку на куртке. «ЧОП «Рапира».

– Гуляем, никто нас не останавливал, – сказала весело Оксана. – А в чем, собственно, дело? Охраняемая – уйдем сейчас. Как и пришли.

– У вас документы есть? – спросил второй охранник, пониже ростом и пошире в плечах.

Русаков оглянулся. Они отошли от дома бывшего губернатора совсем недалеко. Шум поднимать не хотелось.

– Давайте, отъедем отсюда что ли и я вам документы покажу. Заодно и территорию покинем. Охраняемую.

Мужчины переглянулись.

– Ладно, – сказал высокий. – Садитесь в машину.

Они уселись на заднее сидение. Ростислав был напряжен, по поведению охранников не было похоже, что они замышляют что-то опасное, но береженого, действительно, Бог бережет.

Машина проехала по улице вперед. На выезде из поселка и, правда, стоял шлагбаум и рядом неприметный домик охраны.

– Ну? – повернулся к нему охранник.

– Выйдем сначала, – Русаков открыл дверь, сначала выпуская Оксану, а потом вышел сам и отошел чуть в сторону, сойдя с проезжей части. Двое шагнули за ним. Он ладонью показал Оксане, чтобы стояла на месте, а сам достал удостоверение и раскрыл его перед носом ближнего к нему чоповца.

– Это что? – спросил тот, машинально откидываясь назад.

– Я – советник губернатора, – сказал Ростислав, – и давайте не будем поднимать шума. Причину объяснять не надо?

И он кивнул в сторону девушки.

Мужчины переглянулись.

– Ладно, – сказал один из них. – Вы здесь живете?

– Недалеко, – сказал Русаков, – И вызовите-ка нам такси.

Они опять переглянулись. Потом тот, что повыше, видимо, старший, зашел в будку и начал набирать номер на стационарном телефоне. Ростислав понимал, что рисковал, но, похоже, все обошлось. Через минуту охранник вышел из домика.

– Через пять минут – серый «Рено». Погреться не хотите? – он кивнул головой в сторону будки.

– Нет, мы здесь подождем.

Он подошел к Оксане:

– Все нормально, нам вызвали такси.

– И куда мы поедem на этот раз? – она улыбнулась одними губами.

– Я бы с удовольствием пригласил бы вас ко мне, – сказал Ростислав. – Выпили бы чего-нибудь согревающего.

Она опять улыбнулась, посмотрела на него слегка насмешливо и оценивающе:

– Смело. Никаких вопросов даже не задаете. Тогда я задам: у вас есть, что выпить? Время-то позднее. Магазины уже спиртное не продадут.

– Нет, – ответил Русаков. – Но я решу этот вопрос.

– Пока, если честно, вы решаете вопросы не очень. Но, кстати, вон такси. Поедем и у вас есть шанс решить.

В такси Ростислав назвал пожилому водителю адрес и сразу спросил:

– А где у вас сейчас можно спиртное купить?

Водитель не ответил, и лишь отъехав немного, сказал, почти как чуть раньше Русаков:

– Решим, если надо.

Они уже остановились у дома, и Ростислав полез за деньгами. Только тогда таксист спросил, посмотрев на них внимательно:

– Коньяк подойдет?

Русаков посмотрел вопросительно на Оксану, и она кивнула. Водитель достал откуда-то из-под сиденья бутылку:

– Хороший дагестанский, не сомневайтесь.

И назвал цену.

Русаков хмыкнул:

– Я думал, «Хеннеси».

Отсчитал деньги за проезд и за коньяк. Они вышли из машины.

– Ну что, решил вопрос? – спросил он у Оксаны.

– Да, – кивнула она. – Со спиртным у вас получается.

В квартире он наскоро набрал что-то из холодильника, благо успел закупиться продовольствием. Оксана расслабленно сидела в кресле, подняла на него глаза:

– Давайте уж, открывайте, я у вас тут рюмки нашла. А то холодно все же.

Они выпили, тепло пошло по телу. Ростислав пытался открывать какие-то банки, что-то выкладывать на тарелки, резать какие-то бутерброды. Оксана взяла одну маслинку, посмотрела на него и остановила взмахом руки:

– Ну, не суетитесь же. Вы всегда такой?

– Нет, – ответил он, сел рядом на диван и потянулся к ней губами.

– Господи, куда я попала, – хриплым шепотом произнесла она. – Какой-то вертеп. А можно еще в теплый душ?

Русаков проснулся рано. Вернее, он совсем не понимал, сколько времени. Было темно и тихо. Не понимал он и того, где находится. Рядом прикрытая одеялом почти с головой лежала женщина. Торчала только русая макушка. Внезапно он вспомнил все события вчерашнего дня и на миг его обу-

ял страх: куда он вляпался, что за игры вокруг него и Тонковидова, и что, если он только разменная монета в этой игре? Следующая мысль была о том, что может он проспал, а в недрах администрации происходит что-то важное... Впрочем, в таком случае, ему бы, наверняка, позвонили. Ростислав огляделся – одежда была разбросана вокруг кровати. Он встал и нашел свой пиджак. Телефон лежал в кармане. Дисплей показывал шесть тридцать. Русаков примерно прикинул, что спать ему довелось от силы часов пять. Впрочем, чувствовал себя он на удивление неплохо, голова побаливала, но совсем немного, и эту проблему вполне можно было решить с помощью крепкого кофе.

Глава девятая.

Ростислав сделал кофе и пил медленно, раздумывая, как должен поступить джентльмен в такой ситуации: нести кофе девушке в постель или дать ей поспать. Ситуацию разрядила сама девушка, появившаяся в дверях кухни, одетая в его серую рубашку.

– Доброе утро! – сказал он, подняв голову. – Прекрасно выглядишь.

– Спасибо, – ответила Оксана. – Комплимент, правда, дежурный, но все равно приятно. Налей кофе.

Она и, правда, чудесно выглядела в его не самой любимой рубашке – собирался в спешке.

Стройная фигурка, распущенные волосы, стройные ноги. Русакову в этот момент Оксана и, правда, казалась чем-то

идеальным. Он встал и налил еще горячий кофе в чашку.

– Сахар? – спросил он.

– Не надо, – она махнула рукой и села на табуретку, закинув ногу за ногу. – Ничего, что я на ты.

– Нормально, конечно.

– Я просто подумала, что после этой ночи, выпретенное общение будет смешным. Но на работе, естественно, на «вы».

– Как скажешь, – Ростислав улыбнулся.

– Скажу, – она кивнула. – Я вообще по утрам разговорчивая. Так что, еще немного поговорю. Можно?

– Конечно, – он сел напротив, глядя ей в глаза.

– Ты вчера спрашивал, кажется. Или не спрашивал? Но я скажу. Так вот, разведена, живу с родителями. Есть сын шести лет. Моральных угрызений совести никаких. А ты, как я понимаю, женат...

– Да, – слегка растеряно признался Русаков.

– Ну что ж, я и не сомневалась. Но это ничего не значит. Вообще, что произошло. Согласен?

– Ну не знаю...

– Я знаю. Теперь буду тебя критиковать. Не за ночь. Все было хорошо, и я сама хотела, – она чуть улыбнулась. – За вчерашние твои действия.

– Слушаю.

– Поездка наша была глупой идеей. Ты – не профессиональный разведчик, как я поняла. Чего добивался – мне опять же не очень ясно. Мы подставились зачем-то. Есть

шанс, что охранники не обратят на наше появление внимания или решат не связываться с советником губернатора, но он не очень велик. Короче, прогулялись перед сном.

– И что теперь делать? – спросил Ростислав. – У меня цейтнот, я это чувствую, но я хочу узнать, кто копает под Антона. Тогда будет хоть что-то понятно. И я пойму, что они могут еще сделать. Пока тыкаюсь, как слепой котенок.

– А если я с ними, а? – Оксана подняла на него голову, посмотрела серьезно, но почти сразу засмеялась. – Не пугайся, а то сразу в лице переменялся. В людях ты все же разбираешься, наверно. Мне доверился – это правильный выбор. Я – авантюристка, а еще не люблю это местное болото. Только вот никак уехать не соберусь.

– Если решишься, помогу, – сказал Русаков.

– Еще бы живой отсюда выбраться, – она опять засмеялась. – Ладно, шутки в сторону. Мои мысли – делай, что сказал Тонковидов, ищи писателя. Я постараюсь помочь. Еще набросаю списочек групп влияния, может, поможет. И еще совет – попробуй найти независимого детектива или, как там его еще назвать. В то, что здесь будет честное расследование смерти Цветкова, я не очень верю. Хотя...

Она задумалась.

– Что ты хотела сказать? Договаривай.

– Посоветуюсь с отцом. Он работал в органах. Думаю, что и в Ясноборске могут найтись люди, которые нам пригодятся. Дам знать. Но сама я не следователь, увы...

Оксана встала:

– Дай мне десять минут на мини-макияж и вызови такси.

Если не трудно.

Оксана уехала. Русаков посмотрел на часы: начало восьмого. Идти недолго. Надо будет пообщаться с Тонковидовым. Но что он ему скажет? Что провел ночь с руководителем пресс-службы, а перед этим лазил по коттеджному поселку? Аналитик хренов, выругался он про себя и сам на себя.

Завонил телефон. Это был Катин.

– Не спишь?

– Нет. Доброе утро, Сергей Сергеевич.

– Условно будем считать, что доброе. Я считай, вместо будильника. В восемь тридцать сбор у Антона. Доберешься? Машину тебе ближе к обеду подгонят. Или заехать за тобой?

– Дойду. Надо ж окрестности изучать.

– Тогда до скорого.

Ростислав принял душ, наскоро слепил какие-то бутерброды. Запихнул их в рот, запивая второй чашкой кофе, оделся и не спеша вышел из дома.

Идти и впрямь было недалеко – минут десять в горку до центрального проспекта, потом направо и еще два квартала до центральной площади.

В свой кабинет он зашел, когда на часах было двадцать пять минут девятого. Сергей Сергеевич материализовался практически из воздуха, возник из ниоткуда. О чем Русаков

не преминул ему заметить.

Катин хмыкнул:

– Привычка – вторая натура. Как спалось?

Ростислав внимательно посмотрел на него, второго дня в вопросе не заметил:

– Нормально. Хотя вчерашние события...

– Ну да. Пошли получать указания. Потом еще поговорим. Но ситуация неприятная, надо будет поднапрячься, чтоб в нехорошем положении не оказаться. Впрочем, что я тебе, ты мужик опытный.

Если бы, с грустью подумал Ростислав. И опять мелькнула предательская мысль: может зря он в это дело ввязался.

Тонковидов держался из последних сил. Покусывал губы. Но все же держался. Привстал, поздоровался за руку с вошедшими.

– Не нравится мне все это, – начал он, усевшись в кресло и смотря за окно в серую январскую муть. – Смерть эта. И с какого бодуна все взяли, что его убили? Может, сам?

– Вы сами первый сказали, Антон Викторович, – пожал плечами Катин.

– А мне кто сказал? Мне дежурный помощник звонил. А он-то откуда взял?

– У него спросите, – сказал Сергей Сергеевич.

– Он не помнит. А ты что думаешь?

Катин выждал паузу:

– И мне сказали?

– Кто? – моментально отреагировал Антон.

– Со ссылкой на эксперта. Есть подозрения. Надежный человек сказал.

Тонковидов вдруг успокоился, откинулся в кресле.

Я в Москву звонил, – тихо сказал он. – Мне знаете, что сказали? Чтоб я из местных перзама искал. Короче, вот вам задачка первая: кадры. Кадр, вернее. Вторая тебе Сергеич – держи руку на пульсе расследования. Знаю, что есть возможности, пользуйся, но меня не подставляй. А ты, Слава, кроме кадров, ищи писаку этого. Или писак. Дружи с творческой интеллигенцией, короче. Пока все. В девять общая заседаловка. Вообще, не знаю, что говорить.

Говорил он, впрочем, достаточно уверенно. Евсина назначил исполнять обязанности первого заместителя. «Потому что он на Берию похож», вспомнил Ростислав Высоцкого, глядя на лысеющего мужчину в тонких очках. Потом отвернулся и посмотрел на Оксану. Она была напряжена и смотрела вперед. Тонкая ручка замерла над блокнотом. Ждала указаний. Впрочем, напряженными выглядели все.

Указания тоже получили все. По своим ведомствам, чтобы раздать их дальше. Надо было заниматься похоронами и прочими траурными делами. Все, кроме Катина и Русакова, которые уже до этого получили свои указания. Достаточно расплывчатые в общем-то. На совещании присутствовали и некоторые незнакомые ранее Ростиславу люди, как он понял руководители разных хозяйственных служб. Один отвечал

за транспорт, другой собственно за кладбище, третий за помещение для прощания. Свои функции они знали и только кивали, опережая порой слова Тонковидова. Работа привычная.

После заседания Ростислав вернулся в кабинет. Первая мысль была позвонить Оксане, узнать как у нее идут дела по информированию СМИ, какую версию дают в качестве официальной, но пока решил не мелькать. Вместо этого включил компьютер и решил познакомиться хотя бы виртуально с местной элитой. Для начала мэра. Вот он – Сакуляк Сергей Васильевич. Волевое худое лицо с жесткими глазами. Морщинистый лоб. 50 лет. Выглядит не очень. Хотя может фото такое, без прикрас. Биография обычная – на заводе инженер, потом начальник цеха, главный инженер. Депутат. Работал в администрации области начальником управления. Затем – первый зам мэра, мэр. Ничего вроде особенного, но кто-то ж двинул почти сорокалетнего главного инженера в депутаты. Заметил и пошел рост. В блокноте Русаков написал «Мэр» и поставил три восклицательных знака.

А вот интересная структура – областной совет поддержки и развития предпринимательства. Странно, что Русаков никогда о таком не слышал. Вроде структура при губернаторе. Но сайт, похоже, давно не обновлялся. Председателем бывший губернатор – Данилов. На фото – седой мужчина с большими черными бровями. Заком – покойный Цветков. В составе в основном – руководители больших и малых предпри-

ятий. Двенадцать человек. Подбор странный. Здесь и промышленные гиганты, вроде химкомбината бывшего, а ныне ОАО «Промбытхим» и какой-то бумажно-картонный завод. Ростислав хотел изучить этих лиц поподробнее, но помешал телефонный звонок. Катин.

– Ты «Честный Ясноборск» читаешь?

– Пока нет, – честно признался Ростислав.

– Хочешь начистоту? – вздохнув, сказал Сергей Сергеевич, – Антон – мужик мягковатый слегка. А может тебе слишком доверяет. Я б тебя уже в Москву отправил.

– В смысле?

– В том смысле, что мышей не ловишь. Распустилось нынешнее поколение. Прочитай и скажи, что делать планируешь. Мне, сам понимаешь, и труп хватает. Хорошо, что одного. По телефону не звони. Зайди, какознакомишься.

Ростислав открыл страницу «Честного Ясноборска». Так и есть – новый текст. Подпись – Ясноборец. Речь шла о смерти первого зама. Намеки на то, что он был претендентом на пост губернатора. Его устранили. И ясно, мол, кому это выгодно. Расчищают путь. И в конце зловеще: «Кому это выгодно?». Все вроде обтекаемо, не подкопаешься. Но можно догадаться в чью сторону кидаются камни. И внизу соответствующие комменты. Говорили, какой честный и справедливый мужик был Цветков и как его жаль. Как это ни странно, домислов в части того, что Цветков мог умереть не своей смертью, комментаторы почти не допускали.

Русаков закрыл страницу и побрел к Катину.

Сергей Сергеевич сидел в кресле за столом и не спеша пил чай.

– Расслабиться надо, – сказал он, – а то загоним себя раньше времени.

– Что по Цветкову? – поинтересовался Ростислав, усаживаясь на стул возле приставного столика.

– Работают люди. Два хороших специалиста. Пока молчат. Но я-то практически уверен.

– В чем?

– Не сам мужик ушел. Помогли. Но подождем, что нам скажут. Ты-то что? Прочитал?

– Да.

– И что скажешь?

– Аккуратно продолжают дело делать. Кстати, мне кажется, что это лишнее подтверждение тому, что..., – он сделал паузу, – не сам мужик ушел.

– Ага. Память у тебя хорошая, – Сергей Сергеевич кивнул.

– Мысль у меня, – продолжил Русаков, – по поводу этих писаний. А нельзя как-то узнать, кто этот писатель?

– Нельзя. Практически. Но если нельзя, но очень хочется, то можно. Помнишь парня, который у нас технику смотрел? Я тебе его телефончик дам, покумекайте с ним, что к чему.

– Ага, так я пошел звонить?

– Давай, и держи в курсе своих передвижений. Да, чуть главное не забыл...или не главное, подожди минут пятна-

дцать, – он посмотрел на часы. – К тебе гаишник зайдет, документы на машину передаст.

Зайдя в кабинет, Ростислав набрал номер Брагина. Тот не удивился:

– Дома я, голова болит и вообще слегка не в форме. Так что приезжайте ко мне домой. Запишите адрес. В пределах часа? Хорошо.

Потом позвонил по внутреннему Оксане. Она была суха и деловита:

– Я все помню. Но тут завалили делами в связи с известными событиями. Некролог самолично пишу.

– Я, наверно, уеду сейчас, – сказал Русаков. – Как освобожусь – позвоню.

– Хорошо, – безэмоционально ответила она, и ему стало даже немножко обидно за такой тон.

Майор полиции появился ровно через пятнадцать минут.

– Майор Волгин, – он козырнул с порога, – Ростислав Романович?

– Так точно, – слегка улыбнулся Русаков.

– Вот документы на машину, – сказал Волгин, положив документы на стол. – Права у вас, надеюсь, есть?

Ростислав кивнул.

– Серый «Шевроле» внизу стоит. Номер 255. Машина неказистая, но хорошая, бак залит. Что-то еще? – поинтересовался майор.

– Давайте вместе спустимся, – сказал Русаков, – Чтобы я

машину не искал. Сразу и поеду.

Он оделся и они вышли. Машина и, правда, была неказиста, стояла сбоку от центрального входа, в маленьком проулочке. Не будучи уверен, что в автомобиле есть навигатор, Ростислав спросил у Волгина:

– Улица Льва Толстого, это далеко?

– Нет, не очень. Едете направо, два квартала по проспекту, увидите торговый центр, такой квадратный и направо повернете. Это и будет Льва Толстого. Хотите, могу сопроводить.

– Нет, не надо. Доберусь.

– Ну, тогда счастливо.

Русаков кивнул и сел в машину. Серый автомобиль был легок в управлении, и он быстро вырулил в поток. Проехал два квартала, возле торгового центра повернул и остановился под красный сигнал светофора. Улица была довольно широкой, только вот машины парковались не только на стоянке, но и вдоль обочины. Это сужало пространство, снижало скорость. Стоя на светофоре, Ростислав глянул влево и увидел, как в одну из таких машин садится мужчина. Он показался смутно знакомым, но уже через секунду система опознания сработала в мозгу четко, и Русаков вспомнил, где видел этого человека: в кафе, где он со своим собеседником говорили о том, что «скоро рванет». Рвануло? Или еще нет? Раздумывать об этом было некогда: черная «Тойота», куда сел крупный темноволосый мужчина с бородкой двинулась вперед, и Русаков поехал прямо за ним, благо зажегся зеленый.

Но ехали они совсем недолго. «Тойота» остановилась у высокой башни со стеклянными голубоватыми окнами. Мужчина вышел из машины, пикнула закрываемая машина, и он двинулся к двери в решетчатой ограде двора. Ростислав посмотрел на дом. Номер три. Он ехал туда же.

Глава десятая

Никита Брагин занимался тем же, что и делал с перерывами последние несколько дней. Ничего не делал. Он лежал на диване в своей квартире и понемногу отпивал из бутылки виски. Времени было двенадцать с копейками, и Никита не так давно проснулся. Он даже попил кофе, но снова завалился на диван. Пить не хотелось, к тому же он не очень хорошо себя чувствовал: болела голова, слегка знобило, поэтому он решил полечиться. С помощью виски. Когда позвонил Русаков, Брагин выпил совсем немного. А какова его норма на сегодня – он не определился. Вообще, с крепким спиртным он не очень дружил. Но тут все как-то сошлось – плохое настроение, отпуск и неважное самочувствие. Впрочем, звонку он даже обрадовался: есть возможность пошевелиться. Никита подумал, что надо хоть как-то привести квартиру в порядок, но потом решил, что и так сойдет: гость – не дама и нечего перед ним расшаркиваться.

Снова зазвонил телефон. А вот это уже неожиданность: Алина. Сердце у него неожиданно забилося. Но заговорил он сухо, стараясь не выказывать эмоции:

– Да.

– Привет. Как дела?

– Да так..., – неопределенно сказал он, – Как-то... А что звонишь? Соскучилась?

– Знаешь, да, – неожиданно ответила она, – и потом подумала, что ты без меня пропадешь. Ну, скажи, что я права.

Никита вздохнул. Врать он не умел. Ну, разве что по работе, а вот в личной жизни...

– А черт его знает..., – сказал он, выдерживая паузу, поскольку не решил, что говорить, но потом все же не стал сильно скрывать свое состояние, – чувствую себя не очень, сижу дома, взял отпуск, квартиру не убираю.

– Последнее не удивляет, – она коротко засмеялась. – А чувствуешь себя не очень? Это морально или физически.

– Не знаю, – ответил он, – Может, простудился, а может, пью всякую дрянь.

– Мне это не нравится, – сказала Алина после паузы.

– Подожди, но мы вроде расстались, – заметил Никита. – Причем по твоей инициативе.

– Вроде. Это ключевое слово. Хочешь, я приеду?

– А цель?

– Волнуюсь за тебя, – ответила она.

– Это не цель. Но... приезжай.

– Хорошо. Вечером.

Тут в домофон позвонили.

– Извини, – сказал Никита. – У меня встреча сейчас. Деловая. С мужчиной.

Он не понял, к чему эти уточнения. И даже был в досаде на себя. Но сказал, так сказал.

– Тогда до вечера.

– До вечера.

Никита пошел к двери.

Ростислав разделся в маленьком предбаннике, зашел в комнату и невольно огляделся.

Никита заметил его взгляд:

– Не убрано, извините. Приболел. Виски будете?

Русаков отрицательно покачал головой. Брагин отодвинул мягое постельное белье, сел на диван и жестом указал Ростиславу на табуретку:

– Тогда слушаю вас.

Русаков коротко изложил просьбу.

Никита открыл ноутбук:

– Мутное дело. Насколько я знаю, пытались уже их отследить. Шифруются – то там, то тут. Ну, провайдера я знаю...

Он быстро стучал пальцами по клавиатуре.

– И еще кое-что знаю. Сейчас посмотрим, откуда они примерно выходили последний раз. Но это очень примерно.

Он опять проделал какие-то манипуляции, потом в задумчивости остановился, выкатив нижнюю губу. С такой гримасой Никита просидел несколько секунд, а затем поднял голову на Русакова:

– Интересное кино получается. Можно даже сказать, что я этого «Честного Ясноборска» администратор.

– Не понял, – сказал Ростислав и посмотрел на Никиту вопросительно.

– Из этого дома они выходят. Ну, вот из этого, где мы сидим сейчас.

– А точнее можно узнать?

– Вряд ли. Если только кто-то в ближайших квартирах сейчас над сайтом не трудится.

Он опять сделал какие-то манипуляции с клавиатурой.

– Нет. Тем более, что они дислокацию меняют. Ну, или просто разные люди администрируют.

Русаков задумался.

– Никита, – сказал он, – это я так в порядке бреда, но... Ты не знаешь такого мужчину – лет 45 плотный, даже чуть полноватый, роста выше среднего? Волосы темные, слегка с сединой, с бородкой. Немножко на кавказца похож. Одет хорошо. Ездит на черной «Тойоте».

– Но вы прямо детектив, – Брагин рассмеялся. – Хорошо описали. Не помню такого. Но, если честно, я на людей не очень внимания обращаю. Особенно на мужчин. Вы уж простите.

– Да, извиняться-то не за что. Хотя может он в этом доме живет.

– Соседей тоже не знаю. Ближайших разве что. Слева, справа. Но так никого похожих нет.

– А сколько в доме квартир.

– Считаем. Четырнадцать этажей. На первом – конторы

какие-то. По шесть на этаже. Семьдесят восемь наверно. Поквартирный обход проводить будем?— он засмеялся.

— Нет. Пока нет, — уточнил Русаков.

— Не помог я вам? Извините, — Никита развел руками. — Может виски все же?

— Нет, спасибо.

— Тогда обращайтесь к детективу. Или в полицию, или в спецслужбы.

— Куда-нибудь, обратимся, — сказал Русаков, вставая. — Будь здоров.

— Хорошее пожелание. Главное ко времени, — засмеялся Никита, — Удачи!

Ростислав спустил вниз и сел в машину. Черная «Тойота» все так же стояла на стоянке. Русаков решил подождать, на всякий случай, сохранив номер машины в памяти смартфона. Раз человек оставил автомобиль на стоянке на улице, то, скорее всего, он здесь не живет. Впрочем, Ростислав смутно предполагал, что делать дальше. Не сыщик он вовсе, да и имел в активе лишь смутные подозрения непонятно в чем. Но, кстати, о сыщиках. Русаков набрал номер.

— Привет, Дима! — сказал он. — Как дела? В работе весь?

— Не очень. Говори, — отозвался телефон мужским голосом.

Дима Шкадов был соседом Русакова по московской квартире. Был на десяток лет моложе, но отношения у них сложились, хоть и не особо близкие, но приятельские. Пару —

тройку раз Дмитрий заходил к Ростиславу в гости, но больше разговаривали на лестнице или во дворе, когда встречались. Шкадов был полицейским опером со своим нестандартным взглядом на многие вещи, а некоторое время назад поругался с начальством и ушел в частное детективное агентство. Оно и понятно: кому нужны опера с нестандартными взглядами. Агентство не сказать, чтобы процветало, заработки были не постоянными, но Дмитрий жил с родителями и не ставил деньги во главу угла. Правда, на вопросы – почему не женишься, задаваемые даже в шутливой форме, в последнее время реагировал угрюмо.

– У меня дело к тебе. Хочу, чтоб ты помог.

– Помогу. Тебе – бескорыстно. Другим – за бабосы, а то я совсем на мели.

Ростислав на секунду задумался.

– Думаю, решим финансовый вопрос. Только один момент, это не в Москве, а в Ясноборске. Сможешь приехать?

Теперь уже Шкадов замолчал. Потом небыстро ответил:

– Думаю, что да. Завтра утром устроит?

– Конечно.

– А дело-то в чем? Изложи коротко.

Русаков, пытаясь быть кратким, рассказал о гибели Цветкова и об обстановке вокруг врио губернатора.

– Мутная история, – сказал Дмитрий. – Но я попробую. Если можно, помоги найти кого-нибудь в местных органах. Независимого. Хотя бы относительно.

Ростислав вспомнил об Оксане. Она обещала помощь отца.

– Думаю, смогу, – сказал он.

В это время он увидел, как открылась металлическая калитка, и появился мужчина с черной бородкой.

– Извини, Дима. Отключаюсь. Бери билет и звони. Встречу.

Чернобородый сел в «Тойоту» включил мотор и выехал на улицу. Дмитрий двигался за ним. Машина доехала до центрального проспекта, повернула в другую сторону от площади, но проехала совсем немного и остановилась возле четырехэтажного строгого здания. Мужчина вышел из «Тойоты» и уверенно пошел к двери. Табличку на ней Ростислав хорошо видел из машины. «Администрация города Ясноборска».

Глава одиннадцатая

Виктор Васильевич Санин сидел дома и писал. Вернее, работал на компьютере. Он вел сразу несколько блогов под разными именами. Частенько выпускал комментарии к различным местным, общенациональным и мировым событиям под собственным именем. Его читали, хвалили, ругали, язвительно комментировали. Ему, в общем-то, было глубоко наплевать на мнение других, хотя внимание льстило. Виктор Васильевич помнил высказывание одного из политиков: «Лишь бы фамилию называли правильно» и был с ним согласен. Больше всего он боялся неизвестности, и потому даже местная слава давала ему приятное ощущение востребованности.

ванности. Еще он боялся старости, беспомощности и зависимости от других. Занимался физкультурой, много лет не прикасался к спиртному и не любил даже вспоминать о загулах, имевших место лет тридцать назад. О том, чтобы курить, тоже не помышлял десятки лет. И так же перестраховываясь на случай внезапного наступления старости, Санин терпел сорокалетнюю жену с ее родителями, сына, внука и даже невестку.

Сейчас он работал над одним из заказных материалов, который должен был быть опубликован на важном для него сайте. Важном потому что хозяева этого сайта неплохо платили и с желчью, которой у него более чем хватало, Виктор Васильевич расставался далеко не безвозмездно.

Сейчас жена уехала по магазинам, но работа у Санина не клеилась: накатили какие-то воспоминания и стучались в мозг. С ним такое случалось и ранее, но он обычно гнал мысли прочь. Они мешали работать, он становился сначала рассеянным, потом злым. Собирать себя приходилось по кусочкам, а было это непросто. Тем более, что никаким «допингом» не пользовался.

Зазвонил телефон. Виктор Васильевич даже обрадовался, что может сделать перерыв в работе, а потом собраться.

Звонил сын.

– Папа, извини, у меня к тебе будет просьба, – начал он.

– Ну что? От работы, надеюсь, отрывать не будешь?

– Ну..., – Иван слегка замялся, – у Кати отец попал в боль-

ницу. Подозрение на инсульт. А мать переволновалась, тоже на лекарствах. Нам бы их навестить. Может посидеть придется. Не знаю, насколько это затянется. Ты не мог бы с Кириллом посидеть?

– А она сама не может съездить?

– Папа... я и так на работе все бросил. Надо с ней съездить. Катя ж тоже волнуется.

– Какие все волнительные, однако...

– Папа, у тебя ж ноутбук. У нас поработаешь. А Кирилл – большой уже. Посмотришь, чтоб уроки сделал, раз покормишь. Я к вечеру точно вернусь.

– Ладно, приеду. Сейчас Альбина из магазина вернется.

Машина у нас одна, как ты понимаешь.

– Хорошо. Кирилл часок сам посидит.

– Не знаю, успею ли я за часок...

После этого Санин позвонил жене. Она уже возвращалась. Он успел собраться, даже перекусил – кто его знает, что там у сына с едой, хозяйка-то невестка так себе. Потом оделся, посмотрел на часы: начало четвертого. Успеет засветло – по темноте Санин ездить не любил.

Альбина зашла веселая, шумная, с кучей ярких пакетов.

– Я месяц работаю, а ты за день тратишь, – недовольно сказал Виктор Васильевич.

– Котик в плохом настроении, – засмеялась жена. – Давай я котика поцелую и все пройдет.

– Котику ехать пора, у него, между прочим, сын и внук

имеются.

У Альбины детей не было, и быть не могло, но ее это не очень расстраивало. И слова, которые могли обидеть иную женщину, она пропустила мимо ушей.

– Езжай, конечно, бабушка. Кстати, машину я заправила.

– Хоть что-то.

– Ну не ругайся. И, кстати, у меня вечером выступление.

Ты когда вернешься?

– Вечером. Поздно. Так что, вызывай такси. Потом заберу.

– Не волнуйся. За мной заедут.

– Кто? Завертайло?

Администрация жены Санин не переносил на дух и не скрывал этого. Считал человеком бесталанным и бессовестным прилипалой. Впрочем, Альбину это мало волновало.

– Скорее всего. Ну, только не ревнуй.

– Делать мне больше нечего, – Виктор Васильевич уже надевал дубленку. – Поехал я, там и поработаю.

Он взял сумку с ноутбуком, поцеловал жену и вышел из квартиры.

На улице холодало. По небу плыли свинцовые тучи. Санин посмотрел вверх, подумал, что возможно пойдет снег, ехать никуда не хотелось, но отношения с сыном поддерживать надо и, вздохнув, сел в машину. В салоне было тепло и приятно пахло хорошим парфюмом. Он слегка расслабился.

Ехать до загородного дома сына по хорошей дороге и без пробок было недолго – минут 30 от силы, но выехав со дво-

ра Санин понял, что доехать быстро может и не получиться: в четвертом часу количество машин на дороге увеличилось и хотя световой день далеко не закончился, было пасмурно и начал срываться мелкий снежок.

У него был отличный, хоть и не новый джип, но водителем Виктор Васильевич был суперосторожным: по городу не более шестидесяти с соблюдением всех правил. За городом максимум на десяток-полтора быстрее. И плевать на торопыг, которые хотят его обогнать – себе дороже. Но вот пробки его раздражали. А сейчас они были. Пусть и небольшие – не пробки, а так – заторы, но тем не менее. По городу он ехал в дерганом режиме. Чуть продвинулись и опять стоим. Внутренне Санин закипал, но пытался с этим бороться – все равно бесполезно, так что тратить нервные клетки ни к чему.

Наконец, он выбрался из города. Шоссе было не основное – довольно узкое, хотя дорога хорошая. Он влился в поток. Машин было не так уж и мало, но двигались они ровным строем. Ехать осталось не очень долго, когда с боковой дороги выехал рефрижератор. Виктор Васильевич про себя ругнулся, но делать нечего – пришлось пристраиваться в хвост. Сзади кто-то просигналил, но Санин проигнорировал. Сплошной не было, можно было попытаться обогнать по встречке, но Виктор Васильевич подобными фокусами не занимался. Так и продолжал ехать. А вот и его поворот. Он притормозил, поворачивая. Свернул на боковое ответвление, вдалеке из пелены появились силуэты домов за-

городного поселка. Неожиданно Санин заметил, что длинная черная машина подрезает его джип. Что за хрень!? Он затормозил и свернул на обочину.

Из машины вышли два темных силуэта и двинулись к нему. Виктор Васильевич сидел в машине и ждал, правой рукой нащупав в бардачке баллончик с перцовым газом.

– Слышь, мужик, открой дверь, ты чего прячешься? – парень в черной куртке и черной шапочке склонился над стеклом.

– В чем дело, мужики? – Санин недовольно сморщился.

– Давай, разговор есть.

– О чем?

– Выговор тебе сделаем и отпустим, – засмеялся второй, стоявший за спиной.

– Себе выговор объявляйте, – Виктор Васильевич вывернул руль и нажал педаль газа, намереваясь объехать черную машину по обочине. Маневр почти удался, парни отскочили от джипа, но в последний момент его бок скрежетнул по углу бампера. Санин услышал маты и увидел тени, бросившиеся ему наперерез.

– Бляха-муха..., – протянул он и потянулся к телефону. Ментов вызывать страшно не хотелось, но именно это надо было сделать сначала. А уж потом ставить в известность тех, кто должен был выручить его из этой ситуации. Таков был план действий, созревший у Санина в голове.

Глава двенадцатая

Ростислав Русаков проголодался. Он заехал в то же небольшое кафе, где встретил Оксану с ее пресс-службой. Там было тихо – обеденное время закончилось. Есть тоже было почти нечего. Ему сварили пельмени (Ростислав подозревал, что разогрели магазинные). Но он съел их, потом выпил кофе (наверняка, растворимое).

Русаков как раз вытирал губы салфеткой, когда зазвонил телефон. Беспокоил Катин.

– Как дела? Ты где вообще?

– В кафе перекусить зашел.

– Перекусишь – появляйся. Сверим часы.

Ростислав поднялся, оделся, сел за руль и поехал в администрацию. Катин смотрел в экран монитора.

– Ну что у тебя? Помог спец? – спросил он, не глядя на Русакова.

– Не очень. Хотя история любопытная вырисовалась.

Он вкратце рассказал Сергею Сергеевичу, с чем столкнулся сегодня днем.

– Да, интересно. И что думаешь?

– В мэрии надо покопаться.

– Надо, но только играть в Шерлок Холмса не стоит, – Катин поднял на него глаза. – Мне рассказали, что ты у поселка с девушкой лазил. Зачем?

– Хотели провести разведку на месте.

– Хорошо, что не разведку боем. Ростислав Романыч, ты не обижайся только. Ты парень ушлый, как я погляжу. Но да-

вай все разведывательные и силовые операции только с моего одобрения. Или хотя бы в известность что ли ставь. Пойдет?

– Ну, хорошо...

– И еще: что с кадрами? Кандидатов, полагаю, нет?

– Нет.

– А это твое направление. И что думаешь делать?

– В мэрии искать, – хмыкнул Русаков. – Подходы есть?

– А что, может и так. А подходы будут.

Ростислав встал:

– И еще одно. Раз просишь все согласовывать. Я тут сыскаря из Москвы приехать попросил. Бывшего. Одобришь?

– Погоди-ка. Присядь. Кого это? И зачем? – Катин опять поднял брови и внимательно посмотрел на Ростислава.

Тот послушно присел и поведал, что знал про Шкадова.

– Ладно, – сказал Сергей Сергеевич, задумчиво глядя в окно, – давай и такой ход сделаем. Хотя минусы есть, каждый москвич привлекает внимание. Значит, будет инкогнито.

– Из Санкт-Петербурга?

– Да, хоть из Владивостока. Но ты его о риске предупреди.

– Предупрежу. Только вот еще, – Ростислав слегка замаялся, – ему расходы надо бы как-то компенсировать.

– Решим, – Катин махнул рукой.

От Сергея Сергеевича Русаков пошел к Оксане. Та разговаривала по телефону. Увидев его, сделала знак, показав рукой на стул. Он терпеливо ждал. Наконец, она положила

трубку.

– Как дела? – спросил он.

– Тяжелый день, – ответила она. – Тут как тебя саму зовут, забудешь. Не каждый день руководители такого уровня умирают. Но сейчас уже полегче.

– Хорошо, – сказал Русаков, – А я в гости хотел поприсутствовать. С папой твоим познакомиться.

Оксана улыбнулась:

– Не рано ли? Или уже решил руку и сердце предложить?

– Идея хорошая, – он тоже улыбнулся, – тем более, события развиваются стремительно. Но ты мне обещала, что он может проконсультировать...

– Жаль, – она хмыкнула, – а все так хорошо начиналось...

Ладно, шучу я. Приезжай часам к восьми. Нормально?

Он кивнул.

– Адрес помнишь, я надеюсь. Квартира восемь.

– И еще один вопрос, – сказал Русаков. – Мэрия. Как к ней подступиться?

– Вот дома и поговорим, – ответила она. – Тем более, что до конца рабочего дня времени в обрез. С тебя торт.

Он встал.

Оксана подняла на него глаза:

– А знаешь, чем хорош Тонковидов? При нем мы не засиживаемся допоздна. Для прежнего совещание часов в восемь вечера нормой было.

– Значит, надо, чтоб его избрали, – улыбнулся Русаков.

– Ага, – Оксана кивнула. – Главное, чтобы все дожили до выборов.

Ростислав едва дошел до своего кабинета, как по внутреннему ему позвонил руководитель области.

– Целый день где-то болтаешься, – недовольно сказал Антон. – Зайди на пять минут.

Тонковидов был все в той же поре. На взводе, но держался.

– Что по кадрам? Изучаешь?

– Понемногу, – ответил Ростислав осторожно.

– В общем, фигня полная, – махнул рукой Антон. – События крутятся как в веретене. А я как белка. В колесе. Завтра похороны, поминки. Смотри в оба, заводи знакомства. Разбирайся в этом клубке. Но предупреждаю – день будет бешеный. Мы попали еще круче, чем я думал. Иди, я тебя сегодня не трогаю.

– А когда похороны?

– В одиннадцать прощание. А вообще зайди к Вилецкому, он тебе весь порядок расскажет.

Ростислав уточнил в приемной, где находится кабинет Вилецкого. Оказалось, что здесь же за углом, на втором этаже. Небольшая приемная, миловидная секретарша средних лет с пышной светлой прической. Ростислав не стал спрашивать разрешения, просто поздоровался и прошел в кабинет. Вилецкий поднял на него глаза. Худое лицо с большим лысеющим черепом, но взгляд под очками молодой, изучающий.

– Здравствуйте, Виталий Алексеевич, извините, что без стука.

– А... Ростислав... Романович, кажется. Что вас привело?

– Тонковидов сказал, что вы владеете информацией по завтрашнему дню.

– А... ну да, ну да... Прощание в одиннадцать в фойе администрации, перед большим залом. В час на кладбище. В три поминки – ресторан «Легенда». Антон Викторович сказал, что вы с ним, так что о транспорте не беспокойтесь.

– Спасибо.

– Обращайтесь, если что. Вы – человек новый. Надо будет, в чем помочь, да мало ли...

– Конечно, Виталий Алексеевич, до завтра...

Выходя, Русаков обернулся. Вилецкий смотрел ему вслед, но заметив его взгляд, опустил голову и потянулся к телефонной трубке.

Рабочий день был практически завершен. Ростислав вышел из администрации и сел в машину. Приехав на квартиру, он первым делом принял душ, потом немного посидел на диване с ноутбуком. Местные сайты продолжали обсуждать смерть Цветкова. Многие жалели его, меньшинство злорадовало. Обсуждение шло и на «Честном Ясноборске». Правда, новых вбросов здесь не было. Админы сайта выжидали или... просто не знали, что сказать. Впрочем, это вряд ли.

Русаков отложил в сторону ноутбук, надел свежую рубаш-

ку, костюм. Посмотрел на себя в зеркало. Взгляд серьезный – прямо жених, усмехнулся он про себя. Машину брать не стал. В ближайшем маленьком магазинчике взял торт и бутылку вина и тут же поймал такси. Ехать было недолго.

Оксана жила в обычном пятиэтажном панельном доме. Квартира на третьем этаже была тоже самой обычной. Русаков разделся в тесной прихожей, вручил Оксане торт и вино. Потом его словно стукнуло по голове: забыл про цветы. И тут же подумал, может и правильно сделал – иначе бы точно как жениха восприняли. В гостиной Оксана познакомила Ростислава с родителями. Мать Полина Семеновна – высокая строгая женщина и сейчас оставляла приятное впечатление: видно было, что за собой следила, и макияж в меру, и прическа – волосок к волоску, большие внимательные серые глаза. А муж ее Георгий Васильевич для Ростислава, считавшего себя специалистом – физиономистом высокого уровня в первые минуты показался закрытой книгой. Худощавый, немного вертлявый, не слишком серьезный темный чуб с большой проседью, и в то же время бегло оценивающий острый взгляд такого же цвета, как и у Оксаны – мягко карих, скорее бежевых. Подвели поздороваться и сына Оксаны – Артема, плотного темноглазого мальчика.

– Первокласник, – сказала мама, и Артем почти сразу скрылся в комнате.

Прошли в гостиную. Там стоял накрытый стол. И вроде особо изысканных разносолов не было, но Русаков почув-

чувствовал себя ужасно неудобно. «Словно жених на смотри-нах».

– Как-то я на застолье не очень рассчитывал, – улыбнулся он, когда все сели за стол. – Визит больше деловой.

– Ничего, – сказала Полина Семеновна. – Вы, как нам дочка сказала, у нас в командировке, значит, семейный ужин не помешает.

– Да, – улыбнулась, Оксана. – Набирайтесь сил, а то мало ли какие могут быть коллизии на нашей земле.

– Спасибо, – сказал Руслан. – Хороший ужин точно не помешает.

– А еще выпить за знакомство, – сказал хозяин и пояснил. – Я вообще-то не очень по этому делу, но раз случай представился.

– Хорошо, что не часто представляются, – засмеялась жена. – Как в отставку вышел.

Они выпили, немного поели, но Ростислав по-прежнему чувствовал себя не в своей тарелке. Чтобы выйти из этой ситуации, он решил перейти к делу:

– Георгий Васильевич, я вообще-то посоветоваться с вами хотел. Переговорить.

– Мне дочка говорила. Но сейчас еще по одной, да и перейдем...

Через несколько минут хозяин промокнул губы салфеткой и сказал:

– Ну, пойдем, пошепчемся. И ты, дочка с нами, будешь

посредником на переговорах.

– Да, – кивнула с серьезным видом Оксана. – Без меня вы никуда.

Они зашли в другую комнату. Ростислав понял, что это хозяйская спальня. Большая двуспальная кровать, трехстворчатый шкаф, тумбочки и большое кресло. Комната не слишком велика. Что поделаешь – так раньше строили. Русакову, как гостю предложили место в кресле, а отец с дочерью уселись на кровати.

– Вот, – начала Оксана. – Еще раз представляю. Это мой папа – Евсеев Георгий Васильевич, полковник МВД в отставке. Работал и в угрозыске, и в аппарате областного управления, и даже УБОП области возглавлял.

– Было такое, – кивнул Георгий Васильевич. – Только все в прошедшем времени. Чем я сейчас-то могу помочь?

– Понимаете, Георгий Васильевич, я представляю интересы исполняющего обязанности губернатора области Тонковидова. Проще говоря, хочу помочь ему стать губернатором. Но чувствую сильное противодействие со стороны местных элит. И хочу понять, кто этим процессом управляет. Видите, я открыт перед вами.

Русаков развел руки в стороны, будто показывая, что ничего в них не спрятал.

Евсеев хмыкнул:

– Предположим, так. Но почему я должен верить, что ты играешь, как говоришь, в открытую? Мало ли что у вас моск-

вичей на уме может быть....

Глава тринадцатая

Давно уже Виктор Васильевич Санин не чувствовал себя так отвратно. Его просто трясло. Он испугался, что поднимется давление и закончится это неизвестно чем. Санин вел здоровый образ жизни, не имел лишнего веса, и ужасно боялся проблем со здоровьем. И все же он смог собраться и попасть в нужные цифры.

– Полиция? На меня напали. Десятый километр Загородного шоссе, поворот на Осинкино. Я в машине, выйти не могу.

Он нажал сброс и набрал еще один номер, почувствовав, как его машину начали качать.

– Петр Борисович! На меня напали. Десятый километр Загородного, поворот на Осинкино. К сыну ехал. Сiju в машине. Только быстрее! Они что-то замышляют.

Парни, действительно, отошли в сторону и звонили куда-то по телефону. Санин сидел в машине и мечтал, что бы хоть кто-нибудь приехал и развел эту ситуацию. Конечно, из людей здравомыслящих.

Мимо пролетела какая-то машина. Естественно, не останавливаясь. Было сумрачно. Мимо окон пролетали снежинки.

– Слышь, мужик, – один из парней наклонился над стеклом, – последний раз говорим – вылезай по-хорошему. Расплатишься за ущерб, и поедешь, куда тебе надо.

Санин не реагировал, смотря вперед. Начало щемить сердце. А может быть, ему это только казалось.

Но, неужели, спасение? Полицейская машина выскочила из начавшей сгущаться серо-белой пелены. Двое полицейских не спеша вышли из автомобиля. Парни тоже увидели их: отвернулись от машины, сделали пару шагов в сторону. Один полицейский подошел к ним, другой – к внедорожнику Санина.

– Старший лейтенант Козин, – лениво козырнул он, – Это вы нам звонили? Выйдите, пожалуйста, из машины. И документы не забудьте.

Санин опасливо посмотрел на нападавших, но все же открыл дверь и вышел из своего импровизированного открытия.

– Напали на меня, по машине били, раскачивали, – начал он.

– Документики, будьте добры, – не очень даже слушая его, повторил старший лейтенант.

Санин протянул документы на машину, паспорт и до кучи к нему журналистское удостоверение, которое всегда возил с собой. При этом одним глазом он косил на парней, говоривших с другим полицейским.

– Вы журналист? – переспросил полицейский уже чуть с большей заинтересованностью. – Так что у вас случилось?

Санин открыл рот, но ничего не успел сказать, как к ним подошел второй полицейский.

– ДТП у них. Зацепил он их, – сказал он лениво, – Делать нам нечего тут. Вызывайте ГИБДД. Или аварийного комиссара.

– Так угрожали они мне, – сказал Санин нервно. – И подрезали меня. На дороге.

– Журналист он, – сказал старший лейтенант.

Второй полицейский, капитан, пожал плечами:

– Ну, тогда договаривайтесь. Удачи. Поехали, Козин.

– Погодите, – сказал Санин, – Я буду вашему начальству жаловаться. На ваше бездействие.

Полицейские замялись. Они отошли в сторону, о чем-то коротко переговорили, потом капитан начал кому-то звонить. Два парня в черных шапочках стояли чуть поодаль. На Санина от них веяло холодом.

Но тут он увидел еще одну машину. Кажется, это было, действительно, его спасение. И, действительно, черный «Опель» притормозил рядом. Из него вышел моложавый мужчина в черном пальто. На непокрытую его голову с темной шевелюрой падали снежинки. Санин знал его шапочно, но сразу понял – это тот, кто ему нужен. Мужчина подошел к полицейским, сказал что-то негромко, они откозыряли, сели в машину и уехали. Виктор Васильевич почувствовал смутную тревогу, но мужчина, видимо, заметив это, сделал в его сторону успокоительный жест рукой и подошел к парням, которые сделали пару шагов навстречу. Теперь они стояли ближе, и Санин слышал разговор, вернее, ответы парней, кото-

рые говорили громко в отличие от только что подъехавшего.

– Он нам мешал на дороге, а когда мы поговорить хотели... по хорошему... он нам бок поцарапал... и вообще таранить хотел.

– Ну и что? Пусть ущерб оплачивает, и мы уедем, а то будет с Господином дело иметь.

Санин, услышав это, слегка вздрогнул. Впрочем, именно слегка, поскольку практически был уже уверен в благополучном разрешении дела. Так оно и оказалось.

Мужчина в черном пальто что-то сказал парням, потом достал из бумажника визитку и пока те рассматривали бумажный прямоугольник, подошел к Санину:

– Давайте разворачивайтесь и поехали за мной.

– Спасибо вам, но я к внуку ехал. Меня сын попросил.

– Виктор Васильевич, вы извините, но меня попросили, чтобы я вас доставил куда следует, – мягко, но в то же время тоном, не терпящим возражений, ответил человек в черном пальто, – Петр Борисович ждет.

– Сыну-то можно позвонить? – недовольно спросил Санин, глядя на то, как уезжает другая черная машина.

– Звоните, – сказал мужчина и, отвернувшись от него, пошел к «Опелю».

– Я в ДТП попал, – сквозь зубы сказал в телефон полуправду Санин. – Извини, не смогу подъехать.

– Ты без ножа нас режешь, – недовольно ответил Иван. – И что нам теперь делать?

– А ты не спрашиваешь, жив ли отец, цел? – нервно сказал Санин, – Я что специально?

– Ладно, бывает, – Иван сбавил тон. – Цел?

– Да, машину только поцарапал. Попроси там кого-то пусть с Кириллом посидят.

– Кого? Я сам приеду, придется Катю одну оставлять. Вот бросит она меня и права будет.

– Ну, извини. Все, больше говорить не могу, – Санин увидел, что человек в пальто показывает на часы.

Ему было противно и неудобно. В конце концов, Ивана подводить не хотелось. Пусть порой и на подсознании, но эту связь Санин обрывать не хотел и боялся, что вдруг потеряет сына. Он был нужен ему, и для того, чтобы ощущать свою причастность к общечеловеческим семейным, родовым и прочим ценностям. Хотя до конца в этом Виктор Васильевич не признавался и сам себе.

Он сел в машину и поехал за «Опелем». Санин догадывался, куда они едут, но теоретически конечная точка могла быть и другой: например, загородный коттедж или высотный дом. Но хотя на улице уже темнело, времени до шести часов было достаточно – значит, рабочий день продолжался.

Они въехали в город и взяли вправо по боковой улице. Это была промышленная зона: базы, склады, конторы, небольшие предприятия. Машины свернули в тупичок. Прямо перед ними стояли металлические ворота в таком же металлическом заборе. Вывеска гласила ООО «Бумажно-кар-

тонный завод». Водитель «Опеля» просигналил, ворота открылись, и машины въехали на территорию предприятия.

Справа от входа чуть в глубине за несколькими соснами стоял двухэтажный административный корпус. Машины остановились синхронно. Человек из «Опеля» вышел первым и пошел к входу, Санин за ним. Догнал его у самого крыльца:

– Вас зовут-то, извините, как? Или это секрет.

– Секрета нет, – ответил тот, не оборачиваясь. – Евгений Артурович. Но не уверен, что вам пригодится.

Они поднялись на второй этаж. Евгений Артурович прошел по коридору, свернул за угол. Санин шел за ним, стараясь не отставать. Началась противная одышка. Впрочем, идти было недалеко. Он зашел в дверь с надписью «Приемная», улыбнулся пухлогубой розовощекой секретарше, постучал в дверь с надписью «Директор» и почти сразу толкнул ее.

В кресле за столом сидел худощавый мужчина в очках со впалыми щеками и стрижкой ежиком. На стуле у окна, откинув голову назад, другой – постарше, плотный, лысоватый с усталым выражением на отечном лице.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался Санин и протянул руку сначала тому, что развалился у окна. Но мужчина не ответил на попытку рукопожатия. Виктор Васильевич обидчиво поджал губы и сел к приставному столику, снял кепку и нервно постучал ей по столу.

– Васильич, какого хрена ты нас подставляешь? – с напо-

ром, но вкрадчиво сказал сидевший у окна.

– Петр Борисович, это случайность. Старик, ну сам подумай, зачем мне с какими-то гоблинами вязаться? Возраст уже не тот, – Санин даже попытался пошутить.

– Я не знаю, что за случайности у тебя. Это люди Господина. Толку от них чуть, но тронешь – вони не оберешься. Но мы о другом. Ты чего мотаешься по дорогам. Сейчас – горячая пора. Сиди дома и формируй общественное мнение. А тебя хрен по проселкам носит. Так, Василий Иванович? – он повернулся к мужчине за столом.

– Так, Борисыч, так, – тот кивнул головой, – На тебя, Витя, ставку делаем, а ты подводишь.

– Сын попросил с внуком посидеть, – хмуро сказал Санин. – Я б там и поработал.

– Важен результат, – сказал Петр Борисович. – В общем, езжай домой. Время у тебя до вечера.

– А может паузу выждать? – спросил вдруг Виктор Васильевич, подняв голову. – Похороны опять же.

– Вот и выложишь. Алиби будет. У всех, кроме тебя, – Петр Борисович скривился. – Верно, Иванович?

– Верно, – кивнул хозяин кабинета. – А то всем нам оправдываться придется. Не хотелось бы.

– Короче, свободен. И без самодеятельности, а то вы с женой в этом деле крупные спецы, – засмеялся Петр Борисович.

Санин кивнул и вышел из кабинета. Он был зол, весь день

насмарку и сын недоволен будет, а уж эти... Виктор Васильевич не любил прощать обиды, но чувствовал, что в данном случае ответить той же монетой ему будет сложновато. Или можно стерпеть? Ради монет...

Глава четырнадцатая.

Никита Брагин перед встречей с Алиной очень волновался. Настолько, что прибрал квартиру так тщательно, как не делал это уже давно. Потом собрался и все же выскочил на улицу. Чувствовал он себя не очень хорошо, поэтому сперва зашел в аптеку и купил каких-то таблеток, снимающих симптомы простуды и минералки. Выпил за углом, запивая пузырящейся водой из бутылки. На улице было холодно, и он кутался в воротник, злясь на себя, что забыл взять шарф. В магазине купил бутылку чилийского вина (Алина любила такое), бананов и апельсинов, потом постоял, ожидая, когда приготовят пиццу. Шел снег, дул ветер, но таблетки начали, очевидно, действовать, и домой он шел бодрее.

Он успел переодеться, надел чистые джинсы и глаженую клетчатую рубашку, потом посмотрел в зеркало: вид вполне презентабельный, только глаза светились нездоровым блеском.

Когда Алина позвонила в домофон, Никита чувствовал себя почти хорошо. Он был бодр и, если это выражение подходит для данной ситуации, рвался в бой. Алина вошла стремительно. Она сбросила шубку ему на руки, сняла сапоги, вышла на середину помещения и осмотрелась. А Никита

смотрел на нее. Алина была в голубых джинсах и красном свитере. Все это очень шло к ее темным глазам и каштановым волосам.

– Я смотрю, одиночество пошло тебе на пользу, – сказала она, оглядев пространство, – По крайней мере, все чисто и практически убрано. Для тебя близко к идеальному. Или я ошиблась и ты не одинок?

– Нет, не ошиблась, – сказал Никита, садясь на диван, – Я один, но сейчас в отпуске и могу позволить себе наводить порядок. Вернее, для этого есть время.

Она уселась рядом, положила руку между ними. Никита испытывал некоторую внешнюю дрожь, но внешне никак это не показывал, чувствовал, что мышцы на лице словно окаменели.

– Как у тебя дела? Как учеба?

Алина заканчивала юрфак университета.

– Все хорошо, – сказала она. – Выхожу на последнюю сессию. Уже устроилась в одну контору. Но это так, для начала.

– Молодец, – ответил Брагин. – Рад за тебя.

– А еще купила машину. Пока небольшую. Тоже для начала.

– Сама? – удивился Никита, помнивший, что лишние деньги у Алины никогда не водились.

– Не совсем, – ответила она. – Родители помогли. Богатого папика у меня нет, если ты об этом.

– Нет, я вообще, – слегка смешался он. – Выпить хочешь?

У меня есть вино, твое любимое.

– Пока нет, – улыбнулась Алина. – Я же за рулем.

Никита сразу расстроился, он понял, что оставаться она не собирается. Хотя сам еще твердо не решил, насколько сильно этого хочет. А Алина продолжила:

– Ты знаешь, у меня есть одно желание. Хочу, чтобы ты сварил мне кофе. Кофеварка жива еще?

Теперь Никита расстроился. Кофеварка была жива, но пользовался он ей редко, кофе пил растворимый, а молотого в доме точно не было. В чем он и признался Алине.

– Что ж, – развела она руками. – Будем сидеть на сухую. По крайней мере, до того момента, пока я не плюну на все и выпью вина. Хотя замерзла и такое странное желание к тому же имею.

Последняя фраза прозвучала несколько двусмысленно, но Никита поднялся с дивана и решительно сказал:

– Магазин недалеко, сбегая и куплю кофе. Тут у нас, выбор неплохой, кстати.

– Я помню, – Алина улыбнулась. – Но к чему такие жертвы?

– Не люблю разговоры на сухую. Короче, возражения не принимаются. Жди.

Никита решительно встал и начал быстро одеваться. Куртка, ботинки, шапка. О том, что опять забыл шарф, вспомнил лишь в лифте. На улице похолодало, ветер усилился и швырял в лицо холодные снежинки. Магазин и правда был

рядом, за углом, но сначала надо было выйти с огороженной территории, потом обогнуть двор и дом, и только потом, перейдя еще одну дорогу, ведущую к соседним домам, можно было оказаться у магазинной двери. В супермаркете Никита взял две пачки разных сортов кофе, немного постоял в очереди и двинулся к выходу. По улице он практически бежал, было холодно и неуютно и хотелось скорее вернуться домой. Или к Алине?

В подъезде возле лифта он увидел спины двух мужчин, уже нажавших кнопку вызова. Вообще-то здесь было два лифта, но второй хронически не работал. Никита на всякий случай бросил взгляд на него: кнопка не горела, значит надо успеть и ехать в кабинке втроем. Впрочем, это мелочи. Лифт, вероятнее всего, шел с верхних этажей, поэтому Брагин успел спокойно встать за спинами мужчин и даже чуть-чуть отдышаться. Впрочем, не до конца. Дыхание еще оставалось прерывистым. Кабинка, наконец, приехала. И все трое зашли в лифт.

– Вам какой? – спросил один из попутчиков высоким неприятным голосом и повернулся к Никите.

Высокий плотный темноволосый с черными глазами и такой же бородкой. Брагин почти моментально вспомнил о том, что говорил ему Русаков. Его даже в жар бросило. Надо узнать, кто они, в какой квартире живут, пронеслось у него в голове. В этот момент Никита даже не думал, зачем ему это надо.

– Последний, – хрипло выдохнул он. – А вам?

– Десятый, – ответил мужчина и нажал кнопку. В этот момент и второй молча повернулся к Никите. Тоже высокий, приятной внешности с русыми волнистыми волосами, гладко выбритый. Брагин лихорадочно размышлял, что ему делать. Между тем лифт пополз вверх. Никита лихорадочно задышал и начал оседать по стенке.

– Что с вами? – встревоженно сказал бритый. – Вам плохо?

Никита выждал паузу как раз до того момента, когда лифт затормозил.

– Ничего, пройдет ..., наверно..., воды, если можно....

Створки распахнулись, спутники уже вдвоем с тревогой смотрели на Никиту:

– Идти можете?

– Да, – прошептал он и отлип от стенки, шагнув на лестничную клетку.

Они вышли за ним.

– Сейчас, пойдемте с нами, – бородатый показал вперед и достал ключи. Они подошли к двери, и Брагин сфотографировал в голове номер квартиры – 53.

Он открыл дверь. Они вошли и Никита, не спрашивая разрешения, шагнул за ними. Щелкнул выключатель, перед его глазами предстала довольно большая почти пустая прихожая с встроенными шкафами. Возле входа стоял пуфик.

– Присядьте здесь, – сказал бородатый. – Вам не лучше?

Может отвезти вас в больницу?

– Нет, дайте воды, и я доберусь... я ж здесь живу.

Бритый тем временем прошел на кухню и принес Никите чашку воды. С кухни через коридор проникал свет. Дверь еще в одну комнату была приоткрыта, и Брагин заметил неясный отблеск от включенного монитора. Он выпил стакан воды, чувствуя, что ему, правда, жарко и хочется пить.

– Спасибо, лучше уже, – сказал Никита, – Я болел недавно, и вот слабость осталась. Случается. Пойду я.

– Вы уж берегите себя, – сказал, хмыкнув бородатый. – Долечивайтесь.

– Спасибо еще раз, – Брагин поднялся и пошел к двери.

Оставшиеся четыре этажа он прошел пешком. Не торопясь, восстанавливая дыхание. Ключ в двери провернулся почти не слышно. Он толкнул дверь. Алина сидела за одним из его компьютеров и всматривалась в какой-то текст.

– Я вернулся. А ты поработать решила? – громко сказал он.

Алина вздрогнула и резко нажала мышкой на крестик. Текст исчез.

– Нет, – сказала она. – Просто в Интернет захотела зайти, новости посмотреть.

– Посмотрела?

– Нет. Передумала. Никита, ты извини, я пойду.

– А кофе? – он сам почувствовал, насколько глупо прозвучал вопрос.

– В другой раз, – ответила Алина и пошла к двери.

Глава пятнадцатая

– Давайте начистоту, – сказал Русаков. – Да, я приглашен Тонковидовым, чтобы помочь ему выиграть выборы и стать губернатором. Не знаю, если честно, насколько хорошим или полезным для области губернатором он будет. Он мне платит, да, но дело не в этом – он мой школьный товарищ, ему нелегко, и я хочу ему помочь. Еще могу сказать, что государственный интерес есть в том, чтобы именно он стал губернатором. Это для вашего или моего успокоения. Все. Больше мне сказать нечего.

Евсеев усмехнулся, откинулся спиной и прижался к стенке, слегка прищутив глаза. Начал говорить после паузы:

– Вижу, что ты честен со мной. Вернее, откровенен. Мне, если честно терять нечего. От дел отошел, а от политики всегда надо подальше держаться. Так что, с одной стороны, зачем мне все это надо. А с другой... дочка вот говорит, что ты хороший человек и тебе надо помочь. Так?

– Да, – Оксана кивнула. – Ты можешь.

– Детям свойственно преувеличивать возможности родителей, – продолжил Евсеев. – Ну, ладно, давай поговорим, что ли. Так, что тебя интересует?

– Местные элиты, – сказал Ростислав.

– Сложно говоришь, – Евсеев опять хмыкнул. – Короче говоря, есть группа лиц, которые хотят этой элитой быть. Тот же губернатор бывший Данилов Григорий Иванович, хозяй-

ственник крепкий. Так их называют. Мой ровесник, кстати. Шестьдесят пять ему, а на пенсию отправили. Обидно. Но думаю, подставили его – капнули, что он родственника своего, Цветкова, выдвигает. Покойного. А сейчас Цветкова нет, и он опять может вернуться, Григорий Иванович-то. Как тебе моя версия?

Евсеев засмеялся.

– Вы это о чем, Георгий Васильевич? – спросил Русаков, хотя прекрасно понял, на что намекает его собеседник.

– Да, слухи ходят разные. Но продолжим. Ты мэрией интересовался. Так вот, мэр наш Сакуляк вроде как хозяйственник, таких сейчас любят. В системе ЖКХ долго был, потом выдвинули. Но кто его знает. Дело в том, что мужик он амбициозный. Это раз. И понемногу своих людей везде ставит. Он вроде с губернатором бывшим и дружил, в контрах не был, но все равно это второй полюс. Хотя есть люди, которые и там и тут успевают. И еще важный момент – с Ветровым он дружит. Слышал о таком?

– Нет.

– Видишь, как много ты еще у нас не знаешь, – Евсеев опять хмыкнул, – Есть такой Ветров Виктор Геннадиевич. Бывший криминальный авторитет, потом депутат, потом владелец гостиниц и ресторанов. Умный мужик и осторожный. Но бандит...

– Это как?

– Да вот случается у нас такое в России. А еще есть Гос-

подин. Он с Ветровым вроде сферы влияния поделил, не девяностые, но это внешне.

– Что за Господин? – удивленно спросил Ростислав.

– Господарев Виктор Иванович. Рожа еще та, скажу я тебе. Тоже из бывших. Ныне у него Центральный рынок и еще кое-что по мелочи. Но... если Ветров хотя бы внешне – почти джентльмен, то этот примороженный слегка. Сдерживается, но до поры до времени. Когда-нибудь бандитское мурло точно вылезет.

Евсеев замолчал, вздохнул, вытер со лба воображаемый пот и сказал:

– Утомился я, пойдем, может по сто граммук?

– Только еще один вопрос. А что за люди у Данилова дома собираются? Такое «тайное общество»...

– В основном, промышленники, директора. Хотя есть, например, начальник управления культуры. Развлекает их, наверно. Иногда с женами, иногда без. Ну, все, все, может, потом продолжим, – Георгий Васильевич встал. – Да и ты информацию перевари.

– Хорошо, папа, спасибо, – сказала молча слушавшая его рассказ Оксана. – Ты настоящий кладезь.

– Скоро совсем отстану от жизни. Пока еще знаю что-то, – махнул рукой отец.

В это время у Русакова зазвонил телефон. Он посмотрел на экран. Жена. Умный аппаратик сразу подсказал варианты ответов и Ростислав послал то, что первым пришло в голову

«Занят. Перезвоню». Он встал и вслед за Оксаной и Георгием Васильевичем пошел в гостиную.

За столом, впрочем, спокойно сидеть не пришлось. Опять зазвонил телефон Ростислава. Это был Никита Брагин. Что-то важное? Просто так он звонить не будет, подумал Ростислав, извинился и нажал на кнопку ответа.

– Ростислав Романович, тот человек и еще один они зашли в квартиру 53. Вы поняли о ком я?

– Да, спасибо.

– Тогда все.

Русаков на минутку задумался, потом еще раз извинился и вышел в прихожую. Он набрал телефон Катина. Тот ответил не сразу.

– Занят?

– Да нет, ничего. Я тут по хозяйству, – туманно ответил Сергей Сергеевич.

– Можно узнать, кто зарегистрирован? Улица Льва Толстого, четыре, квартира 53. Это те люди, что я говорил.

– Попробую. Хотя не уверен, что это что-то даст.

– А вдруг? Спасибо.

– Да не за что.

Когда он вернулся, то увидел, что Полины Семеновны с внуком в комнате нет.

– Чай пошли ставить, – пояснила Оксана. – И торт резать.

Русаков кивнул и повернулся к Георгию Васильевичу:

– Просьба у меня еще. Не можете ли вы мне человека из

органов порекомендовать. Надежного.

Тот кивнул:

– Оксана мне говорила. Она тебя сведет. Хотя, конечно, у меня тоже просьба есть, ты ее в свои дела не путай. Она девушка боевая, иногда даже слишком. Но не надо... Координаты тебе даст и все.

Ростислав посмотрел на Оксану и кивнул. Она чуть заметно улыбнулась. Одними уголками губ.

– Хорошо, – сказал Георгий Васильевич. – Договорились. А вот и чай с тортом.

В комнату вошли Артем с Полиной Семеновной.

После чая Русаков попрощался с хозяевами. Оксана вышла провожать его в прихожую.

– Отец еще много чего мог рассказать, но не захотел, да и времени много бы это потребовало, – сказала она.

– Ничего, немного ввел в курс дело, – улыбнулся Ростислав.

– И еще – он все же от дел отошел немного, поэтому чего-то может не знать.

– И не надо забывать, что просил тебя беречь.

– Ага, – она скорчила смешную рожицу, – Я уж как-нибудь сама решу. Только контакта тебе подождать придется. Завтра тяжелый день – похороны. Так что иди. Отдохни.

– Ты тоже, – кивнул Ростислав, которому совсем не хотелось в этот момент уходить. – Поцеловать тебя можно?

– Нет, – решительно сказала она, – Ты лучше вернись на

грешную землю. Такси-то не вызвал?

– Точно, – он засмеялся, – Сейчас наберу.

Машина пришла буквально через две минуты. У подъезда он вышел и огляделся: снег прекратился, но успел накрыть землю не слишком толстым, но все же сплошным белым покрывалом. Вечер казался совсем не темным, даже дышать стало легче. Ростислав несколько раз глубоко вздохнул и поднялся в квартиру. Разделся, прошел в комнату, сел на диван и набрал номер жены. Говорить с ней ему в эту минуту совсем не хотелось, но и оставлять звонок без ответа он посчитал неправильным.

Людмила выглядела нерадостной:

– Спасибо, что позвонил. Соизволил.

– Был занят. Я ж работаю здесь. Как у вас дела? Как дети?

– Нормально. Растут без отца.

– Не драматизируй. Обычная командировка.

– Ага. Непонятно насколько.

– Буду знать, позвоню, – попытался отшутиться Ростислав.

– В выходные-то приедешь? – жена тон не поддержала.

– Позвоню, когда узнаю.

Русаков отключился и подумал: а будут ли они, эти выходные?

Он поднялся в квартиру, принял душ и пошел спать. День завтрашний и, правда, обещал быть трудным. Заснул он не сразу, поворочался на широкой кровати, ища точку опоры,

но потом все же усталость дала о себе знать.

Глава шестнадцатая.

Виктор Васильевич Санин возвращался домой с тяжелым сердцем. С сыном отношения испортил. Работодатели (щедрые, кстати) тоже озлились. Санин жил в старом панельном доме, но особенно его это не беспокоило. Квартира хорошая, отделанная, утепленная, шумоизоляцию тоже сделали. Лифт, хоть и скрипучий, но работал исправно, так что на свой пятый этаж девятиэтажки добирался Виктор Васильевич без проблем. Короче, мой дом – моя крепость.

Однако в этот день звезды ему явно изменили. Лифт не работал. Кнопочка не светилась и на все нажатия никак не реагировала. Кряхтя и тихо матерясь, Санин побрел на свой пятый этаж. К счастью, по дороге никто не встретился. Возле двери он остановился, хотел позвонить, но потом подумал, что вероятнее всего Арина уже укатила на свой концерт. Он достал ключ и повернул его в замке. В прихожей щелкнул выключателем, и луч света моментально выхватил мужскую кожаную дубленку и тяжелые ботинки. Со стороны спальни раздались какие-то звуки. Виктор Васильевич, не раздеваясь, с прытью, которую трудно было заподозрить у шестидесятивосьмилетнего мужчины, бросился туда.

Они его тоже услышали. Крупный мужчина с гривой темных волос и с большими выпученными глазами, путаясь в штанинах, натягивал брюки. Любимая жена Санина, Альбина, успела набросить на себя халат и стояла у дальней стен-

ки, отгороженная от дверей широкой супружеской кроватью. Администратор Альбины Завертайло (а это был он), был выше и крупнее Санина, но известного блогера это не смутило. Он с лету врезал Завертайло в подбородок. Администратор крутнулся волчком, но устоял, и мимо Санина опростью выскочил в коридор. Тот бросился за ним. Сзади что-то визжала Альбина.

Завертайло, проявляя чудеса ловкости, схватил дубленку и ботинки и рванул в сторону двери. Один ботинок попал под ноги Санину, и Виктор Васильевич, теряя драгоценные секунды, пнул его в сторону выхода. Завертайло успел открыть дверь и выскочил в проем. Ботинок последовал следом за ним. Любовник пробежал один проем вниз, приостановился и громко крикнул в сторону открытой двери:

– Сумасшедший! Пошел в... задницу!

Санин не преследовал его. Виктору Васильевичу стало тяжело дышать, и он вернулся в квартиру:

Альбина снова уселась на кровать, и, как показалось Санину, смотрела на него совершенно бесстыже.

– Что уставилась? – сказал он, пытаясь успокоить одышку. – Собирай манатки и вали отсюда.

– Чего ради? – ответила она. – Я здесь прописана.

– Ну и что? – сказал Санин. – Я тебя на улице подобрал и привел в свою квартиру. Так что, больше терпеть тебя здесь не хочу.

– Это я из тебя человека сделала, – зло парировала Альби-

на. – Вспомни, каким ты был? Грязным, измученным, жить не хотел. Поэтому мой тебе совет: не пори горячку, херней не страдай из-за ерунды. Обсудим все и продолжим жить. Я ведь знаю, что ты не дурак, а мужчина продуманный.

– Я – мужчина!!! – взревел Санин. – И не позволю так над собой издеваться. Не уходишь – я уйду. А разговаривать будем через юриста, а не успокоишься – через полицию.

Он развернулся и вышел из квартиры. Санин пешком спустился вниз, где понял, что погорячился. Но гордость и кипучий нрав вырвались наружу впервые за долгие годы, и Санин был, с другой стороны, даже горд тем, что так смело повел себя. И все же, все же...

Он остановился и задумался. Ехать ему было особо некуда. Разве что к сыну, но после сегодняшнего инцидента делать это явно не хотелось. Может вернуться – мелькнула позорная мыслишка и сразу же исчезла. Показывать слабость перед женой ему не хотелось. Близких друзей у Виктора Васильевича не было. Спать в машине было не с руки.

На улице между тем окончательно стемнело. Санину захотелось есть. Он решил пройтись до ближайшего магазина, тем более, что мозги на морозце не мешало проветрить. Срывался мелкий снег. Он повернул за угол. Продавщицы здесь знали его, он любил позубоскалить с ними. Но брать хлеб, колбасную нарезку и, к примеру, минералку ему совсем не хотелось. Поехать что ли в ресторан? От этих мыслей у него разболелась голова, он прошел еще дальше – до угла следу-

ющего дома и зашел в аптеку. Купил таблетки и поллитровку «Нарзана». Мысль посмотреть таблетки в бардачке машины даже не пришла к нему в голову. Виктор Васильевич свернул за угол соседнего дома и прошел к беседке, стоявшей в глубине двора, уселся на скамейку и выковырнул таблетку. Кинул ее в рот и запил «Нарзаном» из горлышка. Откинул голову назад и сделал еще один глоток.

Тени появились откуда-то сбоку.

– Дядя, закурить не найдется?

– Не курю и никому не советую, – зло ответил Санин, не поворачивая голову.

– А дядя-то грубиян, – сказал совсем тонкий мальчишеский голос и Виктор Васильевич, наконец, обернулся. Их было трое. Двое совсем мелких, а третий худой и повыше. Санин с грустью понял, что нынче с ними он уже никак не справится. Эх, вернуть бы хоть лет с десятков.

Он постарался быть максимально миролюбивым, хотя внутри все клокотало. Надо бы их запомнить, а потом найти, мелькнуло у него в голове. Он встал, сжимая бутылку за спиной:

– Да, нет, я ничего. Я уже ухожу.

– Ну, давай пятеру и уходи себе, – ответил высокий.

Санин шагнул из беседки и почувствовал удар по голове. Вязаная шапочка была слабой защитой, он упал практически сразу, а перед глазами запрыгали разноцветные искорки. Ему еще пару раз досталось по ребрам, и Виктор Васи-

льевич скрючился, выронив на снег стеклянную бутылку. У него торопливо обшарили карманы, и, видно, успокоились, вытащив портмоне с несколькими сотнями и мелочью. (Карточки и крупные купюры предусмотрительный Санин прятал глубоко). Парни быстро удалились, а Санин попытался распрямиться, болели ребра, сильно заныла голова. Но он все же смог достать телефон и сделать вызов:

– Что? Проблемы с написанием?

– Нет... на меня напали, – с трудом сказал Виктор Васильевич.

– Что? Опять? Уже неоригинально. Работай, Васильич, мы ждем.

В телефоне слышались гудки. Санин с трудом поднялся, но доковылять смог лишь до ближайшего подъезда. Его начало тошнить, и он присел на лавочке.

Мимо проходила молодая пара. Видно, торопились домой.

– Опять пьяный, – сказала женщина, не останавливаясь.

Виктор Васильевич нашел в себе силы поднять голову:

– Вызовите, если можно, скорую. Я – не пьяный, на меня напали.

Глава семнадцатая.

Утром Русаков проснулся в боевом настроении. Вообще-то настроение было обычным, но он заставил его встать в стойку, принял прохладный душ, сделал кофе покрепче. Потом глянул за окно, там за ночь подвалило снежка. Опять же

настроение улучшилось. Чтобы уж совсем не впасть в раж, он подумал о первом, что предстоит сегодня. Похороны. И хоть не был ему Цветков ни сватом, ни братом, мероприятие это в любом случае неприятное. Но... надо работать, отрабатывать, наконец, обещанное ему Тонковидовым, по полной программе. Значит, и похороны – работа. Он оделся и спустился вниз. Легкий морозец никак не сказался на скромном автомобильчике. Машина завелась с пол-оборота. Не обманул гаишник.

Дорога заняла немного времени. Без десяти десять он был уже в своем кабинете. Сразу же зазвонил телефон. Тонковидов.

– Зайди, Слава.

Исполняющий обязанности выглядел неважно. То ли приболел, то ли перебрал вчера. Спрашивать его Ростислав не стал. Антон заговорил сам:

– Не люблю я такие мероприятия. Прямо растекаюсь и спрятаться хочу. С детства еще, когда бабушка умерла.

Тонковидов сморщился и его прямо передернуло. Русаков даже слегка испугался за своего шефа.

– Может успокоительного накапать? – спросил он.

– Принял уже, – махнул рукой тот. Потом поднял глаза на собеседника. – Не спиртного, серьезно, валерьянки с чем-то там. Со спиртным поосторожней надо. А ты что подумал?

– Ничего, – помотал головой Ростислав.

– Ладно, все равно работать нам надо. По кадрам давай

разбирайся. День сегодня не лучший для этого, но деваться нам некуда.

Русаков вернулся к себе в кабинет, посмотрел на часы – девять уже, и набрал Оксану.

– Сейчас зайду, – ответила она. – Но только быстро, никаких лишних разговоров, не относящихся к делу.

Он положил трубку внутреннего телефона и хмыкнул. Именно сейчас было не до флирта.

Оксана зашла через несколько минут. Действительно, была настроена по-деловому, правда, извинилась, мол, сами понимаете, день такой. Тяжелый.

– Вот, – сказала она, сунув ему в руку бумажку. – Свяжитесь. Он поможет, если что.

И ушла. Русаков, не глядя засунул бумажку в карман, посидел молча несколько минут, потом позвонил Катину.

– Заходи, – отреагировал тот. – По-быстрому. Сам понимаешь.

Да, день тяжелый, думал Русаков, проходя недалекий путь по коридору. Еще недавно ему было тяжело находиться в Москве, в собственной квартире, а сейчас он не дома и положение вообще непонятное. Впрочем, не хуже губернаторского, усмехнулся он про себя.

– Короче, пробили твоего жителя нехорошей квартиры. Вернее, владельца. Действительно, может быть интересно. Смирных Эдуард Павлович, руководитель аппарата главы города. Живет он там или нет, не знаю. У него в собственности

еще домик за городом. Коттеджик.

– Что за человек?

– Не знаю. Сорок пять лет. Русский. Не судим. Больше пока не знаю.

– Значит, мэрия? – спросил Ростислав.

– Мэрия – не мэрия, – Сергей Сергеевич скривился. – Не строй из себя детектива. Посмотрим. Кстати, парень твой из столицы когда приезжает?

– Сегодня днем. Скоро уже, – Русаков посмотрел на часы.

– Спрячь его у себя на квартире. Как только момент выдаться – пообщаемся.

– Ага. – Ростислав встал и уже от двери задал вопрос. – Чуть не забыл. Эксперты дали заключение о смерти Цветкова?

Катин внимательно посмотрел на него:

– Даже два.

– И что?

– Какое правдивое, хочешь спросить? Оба....Отравили его. Только пока никому об этом. Вообще никому.

В одиннадцать началось прощание с Цветковым. Ростислав сидел в кабинете и ждал звонка от Антона. Но первым позвонил Шкадов.

– Приехал я. Что дальше?

– Привет. Сейчас я отдам ключи охране. Скажешь, свою фамилию, ключи заберешь и езжай ко мне на квартиру. Там жди. Адрес напишу. Администрацию области найдешь?

– Обижаетесь. Я сыщик все же, какой никакой.

Русаков успел только отдать охране ключи и записку, поднялся к себе, как зазвонил внутренний.

Помощник Тонковидова пригласил его в приемную.

Там уже были замы губернатора. Ростислав только успел поздороваться, как из кабинета вышел Антон. С грустным лицом, поджатыми губами. Исполняющий обязанности натянул на себя маску скорби. Он оглядел собравшихся и на выдохе произнес:

– Ну что ж, пойдете...

Все гуськом вслед за ним вышли из приемной. Ростислав шел в хвосте цепочки. Уже в коридоре к ним присоединился Катин. Так процессия проследовала длинными коридорами в большой зал, по центру освобожденный от стульев. Посредине в открытом гробу лежал Цветков. Ростиславу никогда не доставляло удовольствие рассматривать мертвых, поэтому он больше рассматривал окружающих. А Тонковидов вообще стал меньше ростом и как-то сморщился. Чувствовалось, как тяжело дается ему эта церемония.

И все же он взял себя в руки, подошел к вдове, что-то сочувственно говорил ей и детям покойного, еще каким-то родственникам. Через несколько минут начались речи. Опять выступил Тонковидов, затем бывший губернатор Данилов – большой мужчина с седой головой и густыми кустистыми бровями, затем худощавый и даже изящный в очках с золотой оправой мэр Сакуляк. Русаков оказался в пер-

вом ряду и поэтому не смог толком рассмотреть всех людей, пришедших на церемонию прощания. Изредка он скашивал глаза и видел только людской монолит из темных костюмов.

Говорили о том, как много покойный сделал для области, о том, каким прекрасным семьянином он был. Ни одного слова, ни одного намека на какой-то криминальный характер случившегося произнесено не было.

На кладбище было очень холодно, и Ростислав не мог понять, то ли так похолодало, то ли это особенность всех кладбищ в зимний период, независимо от их местонахождения. А в ресторане было столько людей, что он просто не мог уследить за всеми. Русаков плюнул на все и опрокинул пару рюмок водки. Его немного отпустило, но в то же время он почувствовал усталость. «Слабак! – подумал он, – Какой же я слабак!». Потом он вспомнил, что на квартире его ждет Шкадов и посмотрел на часы. Было уже почти три. Он подумал, что надо ехать общаться с Дмитрием, хотя больше всего хотелось спать. Потом посмотрел на Тонковидова, сидящего наискосок от него. Видно было плохо, но Ростиславу показалось, что тот тоже очень устал. Русаков выбрал момент, встал и направился к Катину. Тот вообще сидел в другом конце стола. Ростислав наклонился к нему:

– Сергеич, мне ехать надо. Меня человек ждет.

Тот поднял голову:

– Выпил?

– Самую малость.

– Я к тому, что за руль тебе не надо. Отвез бы тебя, но пока мне тут побыть надо. Водители в соседнем зале. Найди там Дамира, он тебя отвезет. Я позже подъеду. Дождитесь.

Шкадов в спортивном костюме, развалясь на диване, смотрел телевизор.

– Интересное что-то? – поинтересовался Ростислав.

Дмитрий поднял голову:

– Нет. Нашел местный канал, полная дребедень, новости вчерашние, фильмы советских времен.

– Ну, у нас тут кино поинтересней, – сказал Русаков, усталю усаживаясь в кресло. – Не соскучишься. Есть хочешь?

– Нет, – Шкадов махнул головой. – Ты уж извини, я немного в твоём холодильнике пошарил. Могу сделать комплимент: для холостяка неплохо.

– Стараюсь. А выпить не хочешь? Я б, например, не отказался. Замерз. Или нервное просто.

– Нет, – Дмитрий опять махнул головой. – Давай сначала по делу. А потом разберемся.

– Ладно. Слушай нашу историю.

Ростислав начал рассказывать, стараясь, как можно подробнее описать все местные придворные интриги. В какой-то момент ему показалось, что он начинает путаться.

– Слушай, Дима, ты не записываешь ничего. Тебе все понятно? – спросил он, подходя к концу своего повествования.

– Ну да, на память не жалуясь. Все понятно, кроме главного...

– А что главное? – переспросил Русаков.

– Главное, кто убийца, – засмеялся Шкадов. – Ты, что детективы не читаешь?

– Нет, я тупой. Только сериалы смотрю, – раздраженно ответил Ростислав. – Главное понять, кто кукловод здесь, кто за ниточки дергает. А это сложно, потому что все очень запутанно.

– Ты понимаешь, – задумчиво сказал Шкадов. – Я сыщик, детектив. Искать убийцу могу. А в политических делах... тут сложнее. Хотя кто знает, как оно обернется.

– Ладно, – подумав, согласился Ростислав, – Понимаю я тебя. Но... вот сейчас человек один появится, может вы быстрее общий язык найдете. Профессиональный. А я бы выпил все же. Хоть чуть-чуть расслабиться.

Он почти умоляюще посмотрел на Дмитрия. Но тут раздался звонок домофона. Приехал Катин. Шкадов вопросительно посмотрел на Ростислава.

– Спец приехал, – сказал тот, поймав взгляд, – Возможно, с ним-то мы и выпьем.

– Сопьешься ты здесь, – засмеялся Дмитрий.

– Не получится, – Русаков скривился и пошел открывать дверь.

– Рад познакомиться, – сказал Сергей Сергеевич, пожимая руку Шкадову. – Нам сейчас лишние штыки нужны.

Он выглядел устало, и поэтому, наверно, сбросил защитную реакцию, состоявшуюся из смеси иронии, напряженно-

сти и нежелания говорить лишнее.

– Ситуация, может быть и не такая жуткая, как ее преподносит наш общий друг Русаков, – продолжил он, усевшись в кресло напротив Дмитрия и глядя прямо на него. – Но запутанная. Людей-то понять можно, жили они жили, разыгрывали свои игры, а тут приехали какие-то чужаки и хотят забрать большой кусок пирога. Но мы люди государевы и должны выполнять свои дела. И без сантиментов. Так?

Он неожиданно в упор посмотрел на Ростислава.

Тот даже слегка растерялся, сделал паузу и сказал:

– Ну, конечно... другого выхода нет.

– Выход есть всегда, – усмехнулся Катин. – Но дело не в этом. Работаем по сценарию и вбок не уходим.

Он опять повернулся всем телом к Шкадову.

– Дмитрий... как вас по отчеству?

– Андреевич. Можно просто Дмитрий. Или Дима.

– Так вот... Дима. Не будем расплываться. На тебе, как на спеце, главное дело такое – попробовать отыскать того, кто отравил Цветкова. Ты в курсе, кто это?

– Ну да, Ростислав рассказал. Первый вице-губернатор. Бывший. Работать, конечно, на чужом поле сложно.

– Отходные пути готовишь? – Катин поднял на него голову.

Шкадов хмыкнул:

– Я же сказал сложно. Но не сказал: нельзя.

– У нас, кстати, есть человек, который нам поможет, –

вмешался Русаков. Только сейчас он вспомнил про бумажку, которую дала ему Оксана. Он встал, залез в карман пиджака и извлек ее.

– Растешь, – улыбнулся Сергей Сергеевич. – Собственные методы.

– Собственные связи, – ответил Ростислав.

– Это хорошо, с одной стороны, а с другой...не в свою сферу лезешь. Ладно, что за человек? Говори и давайте запомним, что доверять ему все равно на все сто нельзя и что знать его имя должны пока только мы трое.

– Со вторым пунктом согласен, а почему доверять нельзя? Мне его человек вроде проверенный дал.

– Штампы, – отрезал Катин. – Никого не ты, ни я тут толком не проверяли. По минному полю ходим.

Он немного помолчал, а потом добавил:

– Ну, деваться нам особо некогда, будем работать с теми, кто есть. Пусть он постарается дать список тех, кто был тогда в доме у Данилова. Надо будет их отработать. Займешься, Дима?

– Конечно, – Шкадов кивнул.

– Ладно, заболтались мы тут. По сто грамм что ли? – спросил Катин.

Русаков выдохнул, там ему захотелось выпить. С трудом произнес:

– Не откажусь. Дима, ты как?

Шкадов пожал плечами.

– Короче, у меня есть. Расслабимся и согреемся, – сказал Сергей Сергеевич, и лицо его в момент разгладилось, он как бы сбросил напряжение и стал немного другим человеком. Русаков уже не раз замечал за ним подобную метаморфозу.

Глава восемнадцатая

Тонковидов чувствовал себя ужасно. Он понимал, что ему необходимо перебарывать это чувство, и старался делать так постоянно. Происходящее с ним сейчас напоминало Антону школьные годы. Тогда он тоже не знал, кто из учителей вызовет его к доске, а кто из одноклассников или ребят из другого класса на перемене толкнет его и сделает вид, что поступил так нечаянно, а потом будет смеяться за его спиной. Тонковидов пытался убедить себя в том, что он серьезная фигура, серьезнее всех в этом Задрищенске, то есть Ясноборске, что за ним серьезная поддержка. На людях он держался, а одному было совсем хреново. После похорон, которые он на дух не переносил еще с детства, они с Катиным заехали в администрацию, посидели в кабинете, наметили план действий. Вернее, Катин докладывал, а Антон с трудом сдерживал раздражение. Ему не нравилось ничего из того, что предлагал Катин. А еще больше раздражал в этот момент его старый друг Слава и его идеи. Зачем-то вызвал из Москвы частного сыщика, затеял какое-то свое расследование. Для чего заниматься тем, в чем ты не специалист? Есть тут свои следователи и сыщики, да еще и москвичи курируют расследование. Но это официально. А что делается неофициально и сам

Тонковидов до конца не понимал. Озвученная версия смерти Цветкова – сердечный приступ. То, что произошло на самом деле в столице тоже прекрасно известно. Но связывают ли они случившееся с ним, с его деятельностью на посту и.о. губернатора, Антон не знал. Для себя он решил, что вечером наберет своего куратора и задаст ему все эти вопросы.

Скрепя сердце, Тонковидов отпустил Катина и вызвал машину. На улице было холодно и сыро. Выпавший накануне снег в центре города уже успел посереть и не радовал глаз. На улочке, где жил Антон, вообще было темно. Все фонари почему-то не горели. Антон успел подумать, что завтра он сделает нагоняй мэру, как вдруг противно закрипели тормоза и голова резко дернулась вперед. Хорошо еще, что на узенькой улочке машина ехала небыстро, тем более, что котедж был от них в десятке метров.

– Что ты творишь? – недовольно успел процедить Антон водителю, и в свете фар заметил девушку в светлой шубке, лежащую перед машиной.

– Бросилась сама. Откуда она взялась только, – успел сказать водитель, выскакивая из машины.

Тонковидов выскочил за ним следом.

Девушка приподнималась на локтях. Антон рассмотрел аккуратную темную прическу.

– Жива? – спросил водитель, наклоняясь перед ней.

– Да-да, – пострадавшая подняла голову.

– Встать можешь? – спросил Антон.

– Да-да, все в порядке, – немного заторможено повторяла девушка. – Помогите мне, если не трудно.

Она протянула руку в направлении Антона, и он автоматически взял ее. Она схватилась за его руку и второй и встала на ноги. Тонковидов увидел ее лицо с большими, наверно, напуганными глазами. На каблуках она была примерно одного роста с ним.

– Цела? – облегченно-вопросительно выдохнул водитель.

– Наверно. Вроде не сломала ничего, – медленно выдохнула девушка.

– Вас отвезти куда-то? – спросил Тонковидов, понимая, что, к счастью, все обошлось.

– Сейчас. Пять минут, – ответила она рассеянно.

– Может врача нужно? – спросил уже водитель.

Антон недовольно зыркнул на него. Еще скандала ему не хватало. «Глава области сбил пешехода». Решение пришло быстро.

– Я живу здесь, – он показал на калитку в десятке метров от них. – Давайте, зайдем. Вы умоетесь, передохнете. А если понадобится врач, я позвоню и вызову.

Позвоню Катину, он что-нибудь, сообразит, подумал Тонковидов.

– Ну, хорошо, – нерешительно сказала девушка. – Вы извините, тут темно, а я с тротуара, наверно, сошла.

– Это вы нас извините, – чуть успокоившись, сказал Антон. – Ездим, вперед не смотрим.

Он опять недовольно посмотрел на водителя:

– Иди, звони, пусть Ильич выходит. А ты на дорогу смотри, а не мечтай.

Водитель позвонил и буквально через несколько секунд дверь распахнулась. Видно, Семен Ильич ждал хозяина.

– Ой-ой, – запричитал он, увидев девушку. – Что с вами? Помощь нужна? Сейчас Дарью Петровну позову.

– Не надо никого звать, – недовольно сказал Тонковидов. – Если надо, я сам вас позову.

– Пойдемте в дом, – сказал он девушке. – А вы пока что свободны.

Они зашли в коттедж. Девушка сняла шубку, и Антон пристроил ее на вешалку, потом оценивающе взглянул на девушку. Короткое черное платье. Колготки на коленях в снегу. То ли сбиты, то ли нет. Темные волосы слегка встрепаны. Больше никаких отклонений он не обнаружил. Впрочем, помада на лице тоже чуть смазана.

– Зовут-то вас как? – спросил Тонковидов.

– Алина. А вас?

– Антон... Викторович. Вы пройдите в ванную, вон там. Умойтесь.

Она кивнула и послушно пошла в ванную. Антон разделся и прошел в гостиную. Он расстегнул пиджак, приспустил узел галстука. Слегка кружилась голова, и во рту ощущался противный вкус поминального обеда. Он хотел раздеться, сбросить с себя официальную униформу, но присутствие го-

стыи не давало ему сделать это.

Алина появилась достаточно быстро. Видимо, она успела слегка поправить макияж, и лицо сразу посвежелело, на нем даже появилась смущенная улыбка.

– Все в порядке? – спросил Антон.

– Да, – ответила она, – Отделалась легким испугом. Шубка вот только запачкалась, наверно.

– Надо почистить? – спросил Тонковидов. – Я попрошу.

– Не надо, – опять смущенно улыбнулась Алина и присела на краешек дивана. – Потом.

Антон посмотрел ей в лицо, потом на колени, прикрытые тонкими колготками, и почувствовал, как где-то в животе у него начинается непонятное движение. Он попытался спрятать его вглубь и овладеть собой.

– Что-нибудь поесть? – спросил он. – Или выпить?

– Нет, я не голодна, – ответила Алина, – А выпить? Только самую малость. На доньшке.

Тонковидов встал и достал из бара початую бутылку коньяка. Плеснул в два бокала. Действительно, понемногу.

– Ну, давайте за знакомство, – сказал он, поднимая бокал.

– Давайте, – Алина опять улыбнулась и взяла двумя пальчиками ножку бокала, чуть покачала его. И Антон опять начал испытывать волнение. Они чокнулись, и он побыстрее опрокинул коньяк в рот. Получилось некрасиво, но ему не хотелось сидеть с бокалом в руках, да и коньяк как-то не пошел. Впрочем, уже через мгновение внутри у него потепле-

ло, и он смог изобразить на лице улыбку.

– Что ж, вы по темноте ходите, – сказал он, сокрушенно покачав головой. – Опасно. Неизвестно, что выскочит или выедет.

– Шла от подруги, – ответила Алина. – Выпили чуть-чуть, так что за руль не села. Но я живу неподалеку, десять минут прогуляться. Я ж не думала, что свет выключат.

– Я с ними поговорю, с выключателями этими, – сердито сказал Антон. – Seriously.

– А у вас большие возможности? – Алина чуть притворно распахнула глаза.

– Да так, средние, – неопределенно ответил Антон. – А вы чем занимаетесь?

– Студентка, – ответила она, – Пятого курса уже.

– Ого, – засмеялся Антон, – Seriously.

– Вы знаете, я пойду, наверно. Родители ждут. Спасибо вам за приют. Было приятно познакомиться.

Тонковидову вдруг захотелось, чтобы она осталась у него. Он внезапно оробел и замолчал. Но это длилось считанные секунды.

– А родители вам не разрешают задерживаться подольше? – поинтересовался он, глядя на Алину в упор и слегка сощуриив глаза. – У подружки, например.

Она засмеялась:

– Но вы же не подружка... Хотя, если честно, у вас уютно.

– Ну вот...

– Извините, я пойду все же.

– Конечно, только две просьбы, если можно.

– Какие?

– Я вас провожу, и еще... дайте мне номер вашего телефона.

– Хорошо, я дам номер. А провожать меня не надо. Думаю, что свет уже включили. Мне недалеко совсем. Я буду осторожно.

Она встала, показывая, что настроена решительно, впрочем, опять улыбаясь и лукаво глядя на него. Тонковидов опять в очередной раз понял, что ничего не понимает в женщинах и лишь произнес грустно:

– А номер?

Она засмеялась:

– Почему так невесело. Пишите.

Он забил номер в свой смартфон. Алина вышла в холл. Тонковидов помог надеть шубку, на секунду прижимаясь к мягкому меху:

– Свет-то включили?

– Сейчас увидим.

Он открыл дверь и увидел, что все фонари на улице опять горят.

Алина засмеялась:

– Видите, а вы не верили.

Он пожал плечами:

– Верил, но надеялся...

– На что?

– Хорошо, – сказал Антон невпопад и добавил, – я позво-
ню.

– Обязательно, – кивнула девушка.

Он проводил ее до калитки, немного посмотрел вслед и
вернулся в дом. Здесь Антон сбросил пиджак, сорвал гал-
стук, долил в фужер еще коньяк и залпом выпил. В голове
застучало. В это время у него зазвонил телефон. Тонковидов
посмотрел на номер: звонил его московский куратор.

– Да, – сказал он, изо всех сил пытаясь собраться.

– Здравствуйте, Антон Викторович.

– Здравствуйте, Юрий Иванович.

– Как у вас дела?

– Похороны. Невесело. И непонятно, кому мешал Цвет-
ков. Хотелось бы выяснить. Или я мешаю.

– Не нервничайте. Выясним. Вы в это дело не лезьте. Ра-
ботайте. Скоро мы вам еще человека пришлем. Он вам по-
может.

– Хорошо.

– И еще: завтра к вам приедет один бизнесмен. Он хочет
вложиться в вашу область. И местных подтянуть. Они завтра
к вам подойдут.

– Они?

– Да. Он и ваш банкир. Фамилия бизнесмена Кулаков. Он
вам позвонит. Примите, поговорите. Надо вам инвестиции
подтягивать.

– Да, приму.

– Ну и хорошо. Мы на вас рассчитываем. Всего доброго.

– До свидания.

Тонковидов отключился и посмотрел на дисплей. Наступило какое-то отупение. Он понял, что ему надо срочно поспать. Антон подумал об Алине. Жаль, что она ушла. А с другой стороны, он не был уверен, что сейчас на многое способен, как мужчина. И возможный щелчок по самолюбию ему бы не пошел на пользу. Ну, ничего, сейчас выспится и все будет в порядке. Антон усилием воли заставил себя пойти в ванную. Умыться и спать, спать, спать...

Глава восемнадцатая

Виктор Васильевич Санин лежал на больничной койке и старался не шевелиться. Потом все же повернул голову и осмотрелся. Наступило сумрачное январское утро. За окном было противно и тускло. Но все же даже этого света хватило, чтобы разглядеть палату. Впрочем, ничего особенного в ней не было. Еще три койки. Тумбочки, стулья, зеленоватые стены. Больница – она и есть больница. Одна кровать была пустой, на двух других спали мужчины. Один из них слегка похрапывал. Пахло казенщиной и еще, совсем слегка, какими-то лекарствами. Санин дотронулся до головы, почувствовал повязку. Болело, но терпимо. Он вспомнил о событиях вчерашнего вечера и едва не заскрежетал зубами от злости.

Скорая приехала довольно быстро. Повезло, что не прохожие, ни врач с фельдшером не посчитали его за какого-ни-

будь бродягу. Первые вызвали неотложку, вторые привезли в больницу. Его осмотрел дежурный доктор, потом сделал рентген. Санин пожаловался на головокружение и боль в ребрах, медсестра сделала ему какой-то укол. Стало полегче. Врач долго изучал снимки, потом сказал Виктору Васильевичу, что ему повезло, никаких серьезных повреждений нет. Ссадину на голове промыли, наложили повязку. Сил ехать домой или куда-нибудь еще не было, и Санин даже обрадовался, когда доктор сказал, что лучше бы ему было полежать в больнице хоть пару дней. Он кое-как добрался до палаты, переделся в застиранный халат и лег в кровать с хрустящим и свежеспахнувшим бельем. Виктор Васильевич терпеть не мог такие казенные учреждения, но силы быстро оставили его, и он заснул.

Утром он чувствовал себя лучше и уже мог наблюдать за обстановкой. Она Санина раздражала. Пришла сестра, соседи заворочались, потом проснулись. Один, совсем пожилой, с изрезанным морщинами лицом, другой молодой с красной физиономией. Оба с перевязанными головами. Молодой пытался шутить с медсестрой, но она особо не реагировала. Померила всем температуру, раздала таблетки. Санин скривил гримасу, таблетки принимать не стал. Медсестра не обратила на это никакого внимания. Когда она ушла, Виктор Васильевич почувствовал, что хочет в туалет. Сам вышел в коридор, там было тихо и сумрачно, горели тусклые лампочки. Свет был только из окон в дальних концах коридора. Вда-

ли на посту кто-то приглушенно разговаривал. Виктор Васильевич туалет нашел быстро. Потом умылся и медленно вернулся в палату. Голова слегка покруживалась, начало ныть ребро, но в целом состояние было терпимым.

Когда он вошел, соседи окончательно проснулись.

– Добрый вам денек, – хрипло сказал пожилой. – Ночью доставили?

– Ночью, – кивнул Санин, не испытывая желания разговаривать.

– Меня Степан Иванович зовут, а его Лехой. А вас?

– Виктор, – сказал Санин и прилег на постель.

– А по бабушке?

– Да, что вам мой бабушка, – Виктор Васильевич отвернулся, всем своим видом показывая, что разговаривать не расположен.

Соседи что-то тихо обсудили между собой, скорее всего, говорили про нового сопалатника, но Санин их не слушал. Принесли завтрак. Он посмотрел на еду, скривился, и ничего есть не стал. Выглядело противно и неаппетитно. Да и вообще организм принимать пищу пока не хотел. Через некоторое время в сопровождении той же медсестры пришел врач. Уже другой, не тот, что принимал его ночью. Лет тридцати пяти с бородкой с умными и внимательными глазами.

– Не волнуйтесь, Виктор Васильевич, – сказал он успокаивающе. – Ничего страшного. Небольшое сотрясение есть, поэтому лучше полежать денек, понаблюдаем за вами. А зав-

тра, если все будет нормально – отпустим домой. Там вам посподручней будет. Еще недельку покоя, без нервотрепки, лишних движений и будете как новый.

Санин выслушал его без эмоций и спросил:

– А нельзя ли в отдельную палату?

– Я эти вопросы не решаю, – улыбнулся врач. – Но, не думаю, что это возможно. Много пациентов.

После того, как он ушел, Санин позвонил Ивану. Тот сначала разговаривал с ним не очень радостно, но услышав про то, что случилось с отцом, немного подобрел.

– Что-то надо? – спросил он.

– Да. Одежду какую-то. Хоть костюм спортивный. И пожрать что-нибудь, а то здесь баланду разносят. И еще: попробуй узнать через кого-нибудь, нельзя ли отдельную палату устроить.

– Это вряд ли. А еду и костюм привезу. Альбина дома?

– Зачем она тебе?

– Ну, костюм взять, – пояснил сын.

– Не надо. Свой какой-нибудь привези. И зарядку от телефона захвати.

– Ну, ладно, – Иван озадаченно согласился.

Стоило Санину только отключиться, как к нему в палату в сопровождении медсестры пришел молодой парень. Показал какую-то книжечку и начал расспрашивать о том, кто напал, да почему.

– Гопники,наверно, – зло ответил Виктор Васильевич. –

Не запомнил я их. Мало ли алкашни по дворам лазит.

Следователь или дознаватель, или как его там, остался не слишком удовлетворен ответами, но лишь пожал плечами, дал подписать какие-то бумаги и ушел.

Виктор Васильевич посмотрел на телефон. Ощутимо селся, но на пару-тройку звонков точно хватит. Он набрал еще один номер. Ответили не сразу. Потом в телефоне раздалось недовольное:

– Ну что еще? Что в этот раз стряслось?

– Петр Борисович, истинная правда, – Санин нервничал и привычное спокойствие снова покидало его. – Ударили по голове меня. Вчера вечером. Я в больнице.

На том конце повисла пауза.

– В какой?

– Первой. В пятом корпусе.

– И надолго?

– Нет, сказали, что малость полежу и отпустят. Может завтра.

– Ну, лежи.

– Петр Борисович, еще просьба. Можно, чтоб меня в отдельную палату перевели. Посодействуйте.

Опять пауза.

– Посмотрим.

После разговоров Санин почувствовал усталость и обиду. Выходило так, что он никому особо не нужен. Жене – точно. Сыну – постольку-поскольку. А этим... Ну, нужен, наверно.

Свою работу для них он выполняет. И не факт, что кто-то из молодых, да ранних способен сделать ее, так как он – быстро и качественно. А то блогеров этих сопливых развелось и постов у них – хоть ложкой ешь, а как до дела, то ничего не поручишь.

Скоро пришел Иван. Посокрушался, посоветовал обратиться в полицию. Виктор Васильевич только посмеялся. Не любил он эти советы. А вот с остальным сын справился. Санин переоделся, поел, тем более что наконец-то к нему вернулся аппетит. Иван ушел, и Санин захотел вскоре поспать, тем более что слабость его не оставляла, а любое напряжение вызывало легкое головокружение. Но тут появился еще один визитер. Евгений Артурович был сух и внимательно смотрел по сторонам. Говорил негромко:

– Как вас угораздило?

– Да, я ж говорил уже – ударили. Избили вернее. Дали по голове и еще ногами по ребрам.

– Что за люди? Думаете, ждали вас?

– Нет. Гопники местные. Карманы почистить хотели.

– Вы уверены?

– Да, – и добавил, не удержавшись, – а вы говорили, что мы с вами больше не встретимся.

На лице гостя не дрогнул ни один мускул.

– Не так я говорил. Хотя это значения не имеет. Главврачу позвонят – переведут вас в отдельную палату. Хотя смысла-то нет особого, если вас завтра выпишут.

– Но вы же видите? – Санин сказал это полупшепотом и повел рукой.

Евгений Артурович ничего не ответил, оставил пакет с апельсинами и ушел.

Санина перевели в одноместную палату уже во вторую половину дня. Соседи проводили его неодобрительными взглядами. Здесь было ненамного лучше – так же скучно и казенно. Кровать, тумбочка, стул, кресло, небольшой столик, платяной шкаф и маленький телевизор на столе. Зачем-то стоял городской телефон и рядом с ним на стене кнопка вызова врача. Зато был отдельный санузел. Все это походило на номер затрапезной гостиницы в районном центре. Но хоть никто не мешал. Санин заснул и проспал до вечера. Потом доел то, что принес Иван. Дважды звонила Арина, но он не стал отвечать. Хотел посмотреть телевизор, но от мельтешения экрана, у него опять начала кружиться голова. Виктор Васильевич снова лег в кровать и, отвернувшись к стенке, вновь не заметив, как провалился в сон. Разбудила его медсестра. Не та, что была утром, другая – крупная женщина с незапоминающимся лицом. Принесла таблетки и стакан воды. Санин хотел проигнорировать прием, но медсестра настояла, чтобы он выпил.

– А то спать плохо будете, – сказала она.

Санин пожал плечами и выпил.

Она ушла, а его через некоторое время опять сморил сон. Он не знал, сколько времени, даже не смотрел на часы, но

в коридоре было тихо. Впрочем, звукоизоляция здесь была хорошая.

А среди ночи Виктор Васильевич проснулся от того, что ему резко стало плохо. Он задыхался, лоб покрылся испариной, во рту стало сухо, сердце истступленно колотилось. Санин хотел взять с тумбочки бутылку с водой, но тяжесть вдавила его в кровать. Каким-то нечеловеческим усилием он дотянулся до кнопки вызова врача и вдавил ее до упора.

Глава двадцатая.

Утром Шкадов чувствовал себя не очень хорошо. Накануне вечером, как пожелали Катин и Русаков, они согрелись и расслабились. Дмитрий пить не очень хотел, но все же составил им компанию. Потом Катин уехал, а они с Ростиславом легли спать, надеясь на то, что хороший сон поможет быстро вернуться в рабочее русло. Помогло не слишком. Ростислав выпил несколько чашек кофе, принял контрастный душ и в не очень приятном настроении отправился на работу. Дмитрий еще повалялся в постели, но потом пошел по пути товарища и постарался привести себя в рабочее состояние. Когда почувствовал себя более или менее в порядке, набрал номер на бумажке, который дал ему Русаков. Ответили не сразу. Потом хриплый голос произнес:

– Слушаю.

– Здравствуйте, я от Славы, – сказал Шкадов. – Хотел бы встретиться.

– Кто такой Слава? – услышал он в ответ.

– Он от Оксаны, – пояснил Дмитрий, вспомнив то, что накануне говорил ему Русаков.

Повисла пауза. Потом Шкадов услышал:

– Хорошо. Через час на стоянке у торгового центра «Глобус». Я вас наберу.

Дмитрий заставил себя съесть бутерброд, потом выпил еще одну чашечку кофе, не спеша оделся и вышел на улицу. Он прошелся вперед, потом повернул за угол на более оживленную, подошел к группе подростков:

– Ребята, а до «Глобуса» далеко?

– Нет, не очень, – ответил один из них. – Прямо вверх, там увидите на другой стороне. Он круглый такой.

– И долго идти?

– Минут двадцать, наверно. Или на маршрутке можно.

– Спасибо, – Шкадов посмотрел на часы. Время у него было, и он решил прогуляться. Шел не быстро, разглядывал людей, город. Дорога становилась оживленной, становилось больше машин, людей. Он приближался к центру. А вот и главный проспект. Дмитрий пересек его, терпеливо переждав на светофоре сплошной поток машин. Прошел еще немного и действительно увидел слева большой шар на здании с названием «Глобус». Несмотря на утро и рабочий день, машин на стоянке было немало.

На улице было холодновато. Стандартный зимний день – пасмурный, серый, с мрачным, но бесснежным небом. Дмитрий зашел в магазин. Обычный торговый центр. Впереди –

продуктовый супермаркет. Возле входа – слева и справа двери в стеклянные клетушки магазинчиков, чудь дальше эскалатор наверх. Людей немного. Даже в продуктовом. «Интересно, – мелькнула в голове мысль, – А чьи тогда машины на парковке? Сотрудников? Или жителей соседних домов?». Зазвонил телефон.

– Вы уже здесь?

– Да. В магазин зашел. Погреться.

– Ну, выходите тогда. Справа от входа во втором ряду чернйй «Фольксваген». Номер 543.

Дмитрий вышел на улицу. Огляделся и почти сразу заметил машину, о которой ему говорил пока неизвестный собеседник. Подошел, аккуратно постучал костяшками пальцев о стекло. Дверь открылась.

– Заходите.

За рулем сидел мужчина средних лет в темной куртке. Никаких особых примет – короткая стрижка, небольшие спокойные, даже равнодушные глаза, темные брови, слегка впалые щеки.

– Дмитрий, – сказал Шкадов, протягивая руку.

Тот пожал, чуть помедлив с ответом, потом негромко сказал:

– Называйте меня Семеном.

– Хорошо, – Шкадов кивнул.

– Итак, что бы вы хотели узнать?

– Меня интересует вопрос гибели Цветкова. Кто был на

встрече? Что думает следствие? Есть ли подозреваемые? Кто был заинтересован?

– Очень много вопросов, – Семен чуть заметно хмыкнул. – Что думает следствие – я не знаю. Подозреваемых, насколько я знаю, нет. Список я вам подготовил.

– Уже? – удивился Дмитрий.

– Да. Меня предупреждали, что вам может понадобится. Только хочу сказать, что в это гнездо лезть рискованно.

– И что, у вас никто не лезет?

– Лезут. Но очень деликатно.

– А кто ведет расследование?

– Мы, – неопределенно сказал Семен. – Москва только курирует.

– Ясно. Все и никто, – улыбнулся Шкадов.

– Нет, – ответил его собеседник, – дело надо раскрывать. Если там – убийство.

– А что? Есть сомнения?

– Они есть всегда. Возьмите флэшку, там все данные о тех, кто был в доме. Удачи! Если что обращайтесь.

Дмитрий понял, что разговор на сегодня закончен. Он взял флэшку и аккуратно спрятал ее во внутренний карман. Пожал Семену руку и молча вышел из машины.

Потом пошел по улице вниз. У него была хорошая зрительная память, и он вполне уверенно запомнил дорогу. Только жалел, что не на колесах. Его машина забарахлила в неподходящий момент, и ее пришлось оставить в столичном

сервисе. Пока можно было обходиться без нее, но Дмитрий чувствовал, что скоро ему понадобится ездить куда больше. Он набрал номер Русакова.

– Слушай, у вас тут какой-нибудь каршеринг есть?

– У вас? – Дмитрий почувствовал в голосе улыбку Ростислава.

– Ну, у них.

– Представления не имею. Сейчас узнаю и перезвоню.

Ждать пришлось минут пять, Дмитрий успел пройти пару кварталов вниз по улице.

– Я тебе сейчас телефон пришлю. Позвонишь, они скажут, откуда машину забрать. Об оплате не заморачивайся. Как у тебя дела?

– Со списком буду работать. Может выцеплю кого-то.

– Удачи.

С машиной вышло довольно удачно, правда, Шкадову пришлось возвращаться – контора и стоянка располагалась прямо рядом с «Глобусом».

Дмитрий сел в синий «Киа Рио», включил разогреться мотор, потом достал смартфон и набрал в поисковике «тихое кафе в центре Ясноборска». Одно из них ему понравилось больше всего. Уютный интерьер, мягкие диванчики и многочисленные зеленые насаждения, то ли настоящие, то ли искусственные. Он вырулил со стоянки и поехал по главной улице. Миновал центральную площадь, проехал несколько кварталов и свернул в небольшой переулок. Кафе называ-

лось «Бриз». Оно было почти пустым. Есть не хотелось, поэтому Дмитрий заказал кофе и пирожное, занял самый дальний столик, сел лицом к залу и достал ноутбук. Содержимое флэшки его вполне удовлетворило. Фамилия, имя и отчество, место работы, должность, телефоны. Семен сделал все, о чем его просили вполне качественно, только вот ко всем ли этим людям есть возможность подступиться?

Солидные люди с супругами. Данилов – ректор сельхозакадемии, в скобках – бывший губернатор, покойный Цветков, бизнесмен Ветров (почему-то без супруги), банкир Шилов, директор «Промбытхима» Коцера, еще один бизнесмен Чигарев, адвокат Егорович (с этим точно лучше не связываться), главврач облбольницы Пласковский...

И что ему это дает? Тут Шкадов призадумался. Искать выходы, копать под каждого ... Тут целая следственная бригада нужна. Она, впрочем, есть. Но нужна ли ей истина? Вопрос. Впрочем, в том, что всех уже допросили – он не сомневался. Насколько дотошно, имея в виду их вес в местных кругах, неизвестно.

Он снова обратился к списку. Бережкова Анна Кузьминична, повар. Постоянно работает у Данилова. Тоже вряд ли что-то скажет. Хотя повар, учитывая версию отравления, среди подозреваемых. Салатов Артур Арнольдович, официант ресторана «Лотос». А вот это любопытно. Официант из ресторана. Конечно, он может быть постоянным и доверенным лицом из obsługi на подобных мероприятиях. И в та-

ком случае дерни сейчас за эту ниточку Шкадов, он может предупредить кого-то из своих работодателей. Что тогда? Как минимум, они будут знать, что есть такой человек, который интересуется ими. Конечно, есть еще вариант, что официант не при чем и вообще человек случайный. Но вероятность этого десять процентов. Или его использовали втемную. Но надо с чего-то начинать, и, следовательно, надо рисковать. Он набрал номер.

– Да, – произнес то ли усталый, то ли заспанный голос.

– Артур Арнольдович?

– Да.

– Вы, почему не забираете свой приз?

– Какой, на фиг, приз?

– Путевку в Эмираты. Сегодня последний день.

– Что за тупой развод?

– Артур Арнольдович, вы нам портите все показатели. Мы сегодня должны отчитаться, иначе без премии останемся. А вы без путевки, ну или без денежного эквивалента.

– Какая путевка?

– Вы покупали ведь товары в торговом центре «Глобус»? – Дмитрий говорил первое, что приходило в голову.

– Ну да, наверно.

– И ваша покупка оказалась счастливой. Только вот адреса вашего почему-то нет. Но вы же Салатов Артур Арнольдович? И телефон ваш?

– Ну да.

Шкадов тяжело вздохнул:

– Времени у нас нет. Мы сами к вам приедем и выигрыш оформим.

– Да, не нужна мне путевка.

– Тогда денежный эквивалент... Девяносто три тысячи семьсот рублей.

– Деньги, да... деньги можно.

– Записываю адрес.

– Садовый переулок, дом один, квартира 35.

– Ждите, выезжаем. Паспорт приготовьте.

Шкадов допил кофе, доел пирожное. Потом посмотрел, где находится этот самый переулок, прикинул как туда лучше добраться и захлопнул крышку ноутбука.

Глава двадцать первая.

Ростислав ощущал свою бесполезность. Вернее, он понимал свою задачу, но считал, что выполняет ее, можно сказать, на двойку с большим минусом. Утром он приехал на работу без особого настроения. По дороге ему позвонила жена, напомнившая, что сегодня пятница и было бы неплохо, если на выходные он заехал домой. Русаков не хотел ехать в Москву, еще он не хотел терять даром эти дни, но толком не знал, чем заняться. Придя в кабинет, он первым делом сделал себе кофе, чтобы разогнать мозги и утихомирить начинающуюся головную боль. Стало чуть легче. Позвонил Тонковидов.

– Зайди.

Антон тоже выглядел неважно. Щеки ввалились, под глазами мешки. «И где тот пухлогубый мальчик?» – подумал Ростислав и попытался усмехнуться про себя. Но даже так получалось не очень. У Тонковидова уже сидел Катин. Вот он-то выглядел молодцом. Будто и не выпивали накануне, а проблемы висели только на одном Русакове.

– Докладывайте, – сказал врио губернатора.

– Работаем, – сказал Катин. – По Цветкову целая группа. Пытаюсь координировать.

– Что значит пытаешься?

– Все под контролем, Антон Викторович. А пытаюсь, потому что много носов пытаются вынюхать. Но от нас не уйдешь.

– А ты что думаешь? – спросил Антон у Русакова.

Ростислав не захотел пока говорить о Шкадове, если что Катин доложит. Но ему в голову пришла другая идея.

– Хочу с творческой интеллигенцией пообщаться, в журналистской среде покрутиться.

– Давно пора. Может, хоть здесь сдвинешься. Я понимаю, что времени всего-ничего прошло и события внеплановые. Но надо все равно торопиться, понимаешь, Слава? – сказал он примирительно.

Ростислав кивнул.

– Ну, а у меня встреча с каким-то денежным мешком, а потом поездка по области. – Тонковидов посмотрел за окно, – Хотя погода не очень.

Русаков тоже автоматически взглянул на небо. Обычное, серое, зимнее.

– И еще, – Тонковидов привстал, желая дать понять, что короткое совещание завершается. – Из Москвы должен еще человек подъехать. Полегче будет.

Придя к себе, Русаков позвонил Оксане. Набирая короткий внутренний номер, чувствовал себя как-то неудобно: звонил только, когда что-нибудь было надо. И вроде никаких обязательств они друг другу не давали, но чувство смущения и непонятности последующего поведения Ростислава не оставляли.

– Добрый день, – сказал он, когда она ответила на звонок. – Как дела?

– Добрый. Нормально. А с чего такой вопрос?

Русаков немного стушевался, сделал паузу, но потом все же собрался и продолжил:

– Хотелось бы с местной журналистской элитой познакомиться, пообщаться. Как бы это можно было сделать?

– Собрать как Воланд, москвичей в одном месте? – она засмеялась, но потом посерьезнела. – Не вопрос. Сегодня открытие выставки нашего модного художника – Старикова-младшего. Многие придут. В пять часов в Доме художника. Не совсем мое мероприятие, но, я думаю, вырвусь.

– А почему младший?

– Есть еще старший, его папа Алексей Иванович, а это его сын – Никифор.

– Договорились. Заберешь меня и вместе поедем. Хорошо?

– Слушаюсь, ваше величество, – она засмеялась и повесила трубку.

Время до конца дня тянулось медленно. Пару раз звонил Шкадов. Сначала попросил помочь с машиной, потом сообщил, что договорился о встрече с официантом, который был в день гибели Цветкова в коттедже у Данилова. Оба раза после этого Ростислав связывался с Катиным. Сначала насчет транспорта, потом сообщил о том, куда и к кому поехал Дмитрий. Русаков считал, что такую информацию нужно доводить до сведения каждого члена их маленькой команды. Про себя он стал называть их «второе тайное общество».

Открыл «Честный Ясноборск». Там было тихо, никаких новых сообщений. После обеда зашел снова. Так, на всякий случай. Теперь здесь появился новый пост. Назывался он громко «Пляски у гроба». Но написан был весьма скучно и уныло. Речь шла о том, что Цветкова с помпой похоронили, а никто даже не задается вопросом, почему он умер, и кому это было выгодно. Текст совершенно не цеплял. Русаков пожал плечами и нажал на крестик. Тут же раздался звонок. Звонил Катин.

– Читал? Зайди, если не трудно.

Ростиславу было нетрудно.

– Ну что скажешь? – Сергей Сергеевич удобно откинулся в офисном кресле.

– Тухло как-то. Без задора. Другой автор, что ли?

Катин кивнул:

– В корень глядишь. Стилль другой. И фактов мало. Ничего, кроме общеизвестного. Наспех лепили. И какие выводы можно сделать?

– Может быть, у них разные авторы, может сменить реши-ли перо, так сказать.

– Может, – Сергей Сергеевич опять кивнул. – А может у них форс-мажор какой. Ну, а мы даже не знаем, кто они.

– Ага. Точнее, я не знаю.

– Мы, – Катин поправил его. – Надо как-то двигаться. Понимаю, что времени мало прошло, но его и вообще не так уж много.

Он с хрустом потянулся и посмотрел в окно.

– Я сегодня иду на открытие выставки, хочу с журналистами пообщаться местными. Возможно, из этого болота ноги растут, – сообщил Ростислав.

– Из болота, скорее, ласты, – хмыкнул Катин. – Давай, держи в курсе.

Ростислав вернулся к себе. По пути задумался: вот, он Катину обо всех своих ходах докладывает, а тот не особо распространяется. Почему так? Может здесь совсем никому нельзя доверять? Но тут же и внутренне одернул себя: «хватит видеть везде врагов, так недолго и настоящим параноиком стать».

Время приближалось к пяти, он позвонил Оксане.

– Да, спускаюсь, – сказала она.

– Едем на моей, – уточнил Ростислав.

– А если выпивать придется? Они ж так просто разговаривать не будут, – засмеялась Оксана.

– Разберемся. Не самая большая проблема, – ответил Русаков.

Он оделся, зашел в приемную, поинтересовался, не вернулся ли Тонковидов. Оказалось, нет. Ростислав предупредил секретаря, что уехал и сбежал вниз.

Оксана уже ждала его у выхода. Короткая светлая куртка с капюшоном, юбка чуть выше колен, тщательно уложенная прическа. Ростислав почувствовал, что на него накатывает теплая волна и даже рассердился на себя: что за мальчишество?

– Ну, вперед, – сказал он. – Командуйте, мой капитан.

Она только засмеялась. Они дошли до машины. На улице стало холодать, поднялся неприятный ветер. Русаков инстинктивно съежился, пряча голову в воротник пальто. Но потом все же смог усилием воли снова принять гордую осанку. Впрочем, идти до машины было недалеко.

– Куда едем? – спросил он, заводя мотор.

– Совсем недалеко. Тут в центре все близко. Провинция.

Они выехали на центральный проспект, проехали квартала три и свернули по команде Оксаны к небольшому трехэтажному особняку с колоннами.

– Вот, – она показала рукой на здание, стоящее в малень-

ком скверике, чуть в глубине проспекта – Место сбора нашей, простите за выражение, творческой интеллигенции.

Машин возле Дома художника было немного, поэтому припарковались они без труда. Впрочем, на одну машину Оксана обратила его внимание.

– Видишь серую «Тойоту». Мельник – наш начальник управления культуры, самый культурный человек в городе и области, – хмыкнула она. – Приехал.

– И что это значит?

– То, что тусовке придается некое значение. И то, что будут разные журналисты. Но, в основном не очень интересные.

Они разделись в гардеробе на первом этаже и по широкой лестнице поднялись наверх в зал. Русаков обратил внимание на то, с каким радушием, непонятно искренним или показным, встречают их разные люди. От простых технических служащих до солидных тет в красивых платьях. Ростислав также не слишком представлял, кто это такие, вероятно, действительно, какая-то местная творческая и около творческая интеллигенция. В зале было уже немало людей. Не сказать, чтобы битком, но возле небольшой трибуны с микрофоном было тесновато. Оксана подвела его Русакова к плотному улыбчивому мужчине в очках. При виде нее он расцвел:

– О, Оксаночка, безумно рад вас видеть! – сказал он, склоняясь к ее руке.

– Познакомьтесь, – она только улыбнулась, вытаскивая пальцы из руки мужчины, явно не желавшего с ними расставаться. – Русаков Ростислав Романович, советник господина Тонковидова. А это самый культурный человек нашей области – Борис Борисович Мельник.

– Очень приятно, – сказал Мельник, пожимая Ростиславу руку. – А Оксаночка у нас все шутит. Я – чиновник, хотя естественно ничто прекрасное мне не чуждо.

– А это виновник сегодняшнего вечера – художник Никифор Стариков. – Оксана протянула руку к вертевшемуся рядом худощавому пареньку с прямыми русыми длинными волосами, не испорченными влиянием шампуня.

– Здравствуйте, – несколько смущенно произнес художник. – Рад вас видеть.

– А где же папа с мамой? – поинтересовалась Оксана.

– В зале, в зале, смотрят. Хотя что, им тут смотреть, – немного сморщился Никифор. – Сейчас начнется, куда уж без них.

И, действительно, открытие выставки началось буквально через минуту. Больше никого представить Русакову Оксана не успела.

Открытие было самым обычным и протокольным. Выступил «самый культурный человек области», потом отец художника, какая-то дама, сам виновник торжества. Затем отправились смотреть выставку. Она была небольшой, да и зал не производил впечатление громадного, но картины Русако-

ву неожиданно понравились.

Фуршет проходил в залике, примыкавшем к выставочно-му. Голодные деятели культуры журналисты сразу набросились на бутерброды, кто-то не пил, а кто-то без стеснения наливал себе вино или водку.

Оксана подвела Ростислава к небольшому тесному кружку:

– Это наши золотые перья. Ростислав, обрати внимание.

«Перья» заметно оживились. Среди них было несколько симпатичных и не очень девушек, одна томная дама уже даже не средних лет. И пара мужчин, которых руководитель пресс-службы представила Русакову первыми.

– Это Владимир Еронко, – она повела рукой в сторону серьезного мужчины лет тридцати пяти – сорока с густой черной бородой. – Он у нас больше по журналистским расследованиям специализируется. Заведующий отделом газеты «Губернские вести». Непонятно, что его занесло сюда, в храм искусств.

– Дружба с семьей Стариковых, – засмеялся Еронко. – А вы, простите?

– Ростислав Русаков, советник Антона Викторовича Тонковидова, – сказал Ростислав.

– Наслышаны, но встречаться не довелось? Шифруетесь?

– Есть немного, – заговорщически ответил Ростислав, и они рассмеялись.

– А это, – продолжила Оксана, – Сергей Сахаров. Он пред-

ставляет агентство «Я точка Ру». Как вам название?

Высокий худой парень в очках и с фотоаппаратом на груди кивнул Русакову и отпил из фужера с белым вином.

– А нас вы, что не представляете? – спросила, подойдя сбоку к Ростиславу и заглядывая ему прямо в глаза, худощавая девушка в красном свитере с пышной гривой пшеничных волос и большой грудью.

– Это Оля, наша телезвезда, – сказала Оксана. – Вы тут общайтесь, а я отойду на минутку, меня наш культурный за чем-то активно зовет.

Ростислав остался с журналистами.

– Что советуете? В какой сфере? – поинтересовался Еронко.

– Больше в гуманитарной, немного в кадровых вопросах, – слегка расплывчато ответил Русаков.

– Ну и что насоветовали? Кто Цветкова, к примеру, сменил?

– Есть исполняющий обязанности первого заместителя.

– Не много ли исполняющих обязанностей? – едко спросил Сахаров.

– Но это же временно, – развел руками Ростислав. – А что касается губернатора, то до выборов.

– Что вы на девушек внимания не обращаете? – недовольно сжала губы Ольга, приближаясь к нему почти вплотную. – Вы думаете, что мы не очень в теме политических раскладов? Ошибаетесь. Можем вам немало интересного расска-

зять.

– С удовольствием послушаю.

– Здесь столько людей. Тайные разговоры вести не получится.

Ростислав улыбнулся:

– А они очень тайные?

– Конечно, – девушка поджала губки, – а какие же еще?

Владельцы всех местных секретов – это мы. Давайте, я вам дам свою визитку, вы позвоните, и я вам все расскажу... что знаю.

Она протянула ему визитку, улыбнулась, посмотрела в глаза, потом потупила взор и, не прощаясь, отошла.

– Серьезная девушка, – сказал, неожиданно оказавшись сбоку, Еронко. – Вернее, с серьезными намерениями.

– Думаете? – повернулся к нему Русаков.

– Знаю..., – ответил тот, потом сделал небольшую паузу, – Если хотите, мы можем пообщаться с вами. Я не Оля, никаких планов на вас не имею. Но могу неожиданно быть полезен.

– Почему неожиданно?

– Мало ли..., – неопределенно сказал Еронко. – Я вам позвоню, если не возражаете.

– Звоните, – ответил Ростислав, протягивая визитку, – общаемся.

Он увидел приближающуюся Оксану и повернулся к ней.

– Если не против, покинем это приятное общество, – ска-

зала она, обращаясь к Ростиславу.

– Конечно, – ответил он.

– До свидания, дамы и господа, – сказала Оксана, и они пошли по направлению к гардеробу.

Одевшись, вышли на улицу, и попали под неприятный обстрел колючего снега.

– Зима, – Русаков, поежился. – Куда едем?

Он открыл дверь автомобиля.

– Если можно, отвези меня домой, – ответила девушка.

– Можно, но я был бы не против, если бы мы поужинали вместе.

– Извини, не получится, я обещала сыну, что проведу этот вечер с ним.

– Конечно, это святое – кивнул Русаков и улыбнулся, хотя чувствовал некую досаду.

Они сели в машину, и он постарался перевести разговор:

– Что хотел от тебя ваш самый культурный?

– Ничего особенного. Жаловался, что мало пиарим. Культуру и его лично. Скажу даже, что не жаловался, а ныл. Но ты лучше скажи: дало тебе что-то общение с журналистами?

– Пока не знаю. Но двое не прочь увидеться.

– Одного угадаю. Оля? А вот второй...

– Еронко, кажется.

– Ну, Оля-то понятно, – сказала задумчиво Оксана. – А вот Владимир. Это интереснее.

– Смотрю, ты даже не отреагировала на Олю. Не ревну-

ешь? – поинтересовался Русаков.

– Ростислав Романович, вы уже большой. Сами разберетесь. А вот Еронко может что-то и рассказать. У него нюх хороший и тайное диссидентство.

– Тайное?

– Ну, да. Явное у нас не в чести, – она хмыкнула. – Ну, вот мы и приехали.

– Не хочется расставаться, – сказал Ростислав, открывая дверцу.

– Увидимся. На работе уж точно, – Оксана рассмеялась, ловко увернувшись от попытки Русакова ее поцеловать, и быстро побежала к подъезду.

В это время у него зазвонил телефон, и он отвлекся. Тонковидов.

– На завтра переносится.

– Что переносится? – не сразу понял Русаков.

– Поездка по области. Со мной поедешь.

– Хорошо. А как мешок?

– Какой мешок? – на этот раз не понял Тонковидов.

– Денежный.

– А...этот. Мешок как мешок. Они все одинаковые. С деньгами которые. Короче, завтра в девять выезжаем. Не опаздывай.

Глава двадцать вторая.

Шкадов вышел из машины и посмотрел вверх. Дом стоял на самом углу этого самого Садового переулка и оказался серой двенадцатиэтажной свечкой. Кое-как, очевидно, приткнули его на свободное место, а рядом ни стоянки толковой, ни детской площадки. Шкадову удалось припарковаться едва ли не впритык к углу дома. Неудобно, почти весь подход перегородил, да делать нечего. Он позвонил в домофон.

– Але, – ответил сонный дребезжащий голос. Искривленный домофоном, он звучал совсем уж тоскливо.

– Товарищ Салатов?

– Я, я...

– А я вам приз привез.

– А...ну да, заходите.

Щелкнул замок, и Шкадов оказался внутри подъезда. Тридцать пятая квартира оказалась на шестом этаже. В лифте пахло кошачьей мочой, гнилым деревом и кислой капустой.

Дверь в квартиру оказалась неожиданно крепкой, металлической. Дмитрий позвонил. Загремел звонок, затем металлическая цепочка и дверь открылась.

Лысеющий молодой еще мужчина с мокрыми темными редкими волосами и длинным носом вопрошающе смотрел на Шкадова. Потом на его лице мелькнуло что-то вроде понимания:

– А, ну да, приз, ну проходите-проходите.

На Дмитрия ощутимо дохнуло коньячным духом. Он даже

испугался, что ему предстоит иметь дело с изрядно пьяным человеком, но все же на ногах Салатов стоял вполне крепко. В комнате, куда они прошли, царил изрядный беспорядок. Диван был разложен и не заправлен. На кресле валялись какие-то вещи. На журнальном столике стояла початая бутылка коньяка, бокал и криво порезанный лимон.

– Извините, – сказал Салатов, – Выпить не предлагаю, и даже сесть... Впрочем, если надо какие бумаги заполнить.

– Ну, сесть, не сесть, но присядем ненадолго, Артур Арнольдович. Поговорим.

– О чем это? – заволновался Салатов. – Приз давайте. Я распишусь.

– Приз потом. Сначала разговор, – Шкадов достал из кармана красную книжицу и махнул ею перед лицом ошалевшего официанта. – Уголовный розыск. Поговорим. Сначала не для протокола.

Он был готов к любой, даже резкой, реакции. Но Салатов как-то сразу обмяк и плюхнулся в кресло:

– О чем говорить?

– О ваших хозяевах, которых вы обслуживали в одном доме.

Салатов сделал паузу, потом потянулся к бутылке, но почти сразу поставил ее на место.

– Спрашивайте. Все расскажу. Они ж, суки, меня уволили. Как раз после этого. Пусть теперь попляшут.

– Вот и расскажете все подробно, – Шкадов пододвинул

поближе к столу табуретку и включил в кармане диктофон.

– Вы вопросы задавайте. Мне так легче будет сообразить, – официант откинулся в кресле. – И я выпью чуть-чуть, чтоб успокоиться. Немного совсем. Ничего?

– Немного выпейте, – кивнул Шкадов. – Но совсем немного.

– Да я норму знаю.

Салатов, действительно, плеснул на дно бокала, выпил залпом, взял лимон и отбросил его в сторону.

– Ну, спрашивайте же..., – почти умоляюще сказал он.

– Так, за что же они вас уволили? – задал первый вопрос Дмитрий. Он особо не надеялся услышать сразу какое-то решительное признание, спросил, скорее, для затравки.

– А интересная история..., – Салатов хихикнул, – Я на кухне коктейли забирал. Там была еще Ивановна, повар. Ну и тут заходят двое: врач этот... фамилию забыл и Геннадьич, банкир, ну его у нас все знают...

Он сделал паузу, посмотрел на коньяк, но, видимо, сдержался и отвел взгляд.

– Ну, оба слегка датые... я-то на работе ни-ни. Ну, врач мне и говорит: ты, мол, посиди, отдохни, а то выглядишь плохо. Мы сами отнесем.

– Сами? – Дмитрий удивленно поднял брови.

– Ну и я удивился. Говорю, это ж моя работа, сейчас Кузьминична нальет и принесу. А они смеются: мы сами нальем. А я опять: не могу, мол, моя работа. Тут мне Ветров, так зло

уже, хоть и с улыбочкой: слушайся, мол, а то на улице останешься. Ну, я психанул, поставил так поднос...громко и переодеваться пошел.

– Куда пошли?

– Ну, там комнатка есть, типа раздевалки или кладовки...

Но я только начал переодеваться, ко мне Михалыч заходит и говорит: не дури, иди работай.

– А Михалыч это кто? – спросил Шкадов.

– Он вроде управляющего у Данилова или секретаря. Хрен его знает. Ну, короче, я слегка с ним пособачился, ну и пошел. А потом эта свистопляска началась. С Цветковым...

– А вы видели, как это случилось?

– Нет. На кухню опять же выходил. Десерт надо было нести.

– Полиция с вами разговаривала?

– А как же... Но я их не люблю. Извините уж...Сказал, что ничего не знаю, ничего не видел. Да мне и говорить ничего не следует.

– Это почему же?

– Сидел я. Ни за что. Кто-то обнес клиента. Из пиджака бабло вытащили. Я столик обслуживал, на меня повесили.

– Долго сидели?

– Не, подержали немного в камере. Потом под подписку выпустили. И срок условный дали. Но я к ним не хочу больше.

– А уволили вас все же за что?

– За это, наверно. Что повздорил. Еще сказали, чтоб молчал. Правда, бабла немного дали. Мало. Жадные они.

– Кто сказал?

– От Ветрова малец приходил. Говорит: затихарись. А я вот разболтался... – Салатов усмехнулся, – А ты не их будешь? Да нет, непохож. Нездешний. А они ведь и убить могут.

– Кто?

– Ветровские. Да и вся прочая шайка.

– А что за люди там собираются?

– Люди? Шайка. Хозяева, бляха-муха. Вот меньше на одного стало.

– А о чем говорят?

Салатов закатил глаза вверх и засмеялся:

– Да, если б слышал что-то серьезное, меня б уже точно в лесу волки доедали. За столом ля-ля, тополя... А так у них комнатка наверху есть. Типа библиотеки. Книг, и правда, много. Там и разговаривают. Я пару раз заходил, выпить приносил. Так они сразу замолкают. И жен туда не водят. Смекаешь.

– Смекаю, – Шкадов слегка улыбнулся и кивнул.

– Ну и хорошо, – Салатов снова потянулся к коньяку. – Все я тебе сказал. Я – человек маленький. Ваши разговоры меня не интересуют.

– Ну и хорошо, – Дмитрий кивнул. – Тогда и о нашем разговоре ни слова. Мы – тоже люди серьезные.

Салатов плеснул из бутылки на дно бокала:

– Вижу. Потому и хорошего от вас ничего не жду. Даже денег не хочу. Гниды они, а вы... не знаю. Иди уж.

Дмитрий попрощался и вышел. На улице он немного подышал морозным воздухом, поразмышлял над полученной информацией и решил ехать на квартиру к Ростиславу, чтобы поделиться с ним услышанным и решить, что делать дальше.

Глава двадцать третья.

Тонковидов, как это ни странно, с утра думал об Алине. Странно, потому что еще вчера решил о ней не думать. Но вот как-то не получалось. И это, несмотря на то, что его постоянно отвлекали. С утра прошло совещание по планированию изменений в бюджет. Решали какие-то мелочи, и почему это требовало присутствия врио губернатора, Тонковидов не очень-то понимал. Вернее, догадывался – финансовые документы требовали его подписи, значит, он должен быть в курсе дела. Еще Тонковидов с тоской подумал, что если подпишет какую-нибудь не ту бумагу, то потом его элементарно могут за это притянуть к ответственности. Если сильно захотят – к уголовной. Правда, пока вряд ли есть такие силы, которые и хотят это сделать и одновременно могут. Это Антона слегка успокаивало. И поэтому он честно и спокойно пытался понять, куда и какие цифры идут. Потом прошло заседание совета безопасности, которое опять же номинально он возглавлял. Вел заседание Крупин, а врио губернатора

терпеливо слушал главного полицейского, начальника местного эфэсбе, прокурора... Лишь в конце проявил личную заинтересованность.

– Как идет расследование гибели Цветкова? – обратился он ко всем сразу, хотя и не к кому конкретно.

Присутствующие переглянулись, помялись. Ответил начальник следственного комитета. Высокий и относительно молодой блондин с выцветшими глазами;

– Антон Викторович, расследование идет. Как вы знаете, подключились коллеги из Москвы.

– И какие выводы? – нервно взглянул на него Антон.

– Окончательные делать рано. Но уже можно говорить, что Василий Дмитриевич принял яд. Есть даже формула. Могу зачитать.

Он порылся в бумагах.

– Не надо, – махнул рукой Тонковидов, – Сам выпил или налили?

– Пока однозначно сказать не могу. В ближайшее время, думаю, мы подготовим для вас подробный доклад.

Антон так и не понял, что значит ответ на этот вопрос, только снова махнул рукой, давая понять, что вопросов у него больше нет.

В приемной его перехватил Евсин.

– Можно? – спросил он.

Антон взглянул в сторону. Два человека, сидевшие на стульях, привстали.

– Кулаков Дмитрий Савельевич, – представился один из них, невысокий с круглым благообразным лицом, в очках с тонкой золоченой оправой. – Вам Юрий Иванович звонил.

Тонковидов пожал ему руку и повернулся к Евсину.

– Одна минута, – сказал тот.

– Хорошо, – Антон кивнул, – Господа, извините, через минуту я вас приму.

Тонковидов и Евсин зашли в кабинет, и Антон даже не стал садиться.

– Слушаю, – сказал он, повернувшись к заместителю.

– Антон Викторович, в районе слезно просят перенести встречу на завтра. Подготовиться не успели.

В глубине души Тонковидов почувствовал облегчение, не очень-то любил он это общение с простым народом, но лицо сделал недовольное:

– Что им готовиться? Траву посадить зимой не успели?

– Да нет, там проблемы небольшие. Коммунальные..., – начал было Евсин, но Антон его перебил.

– Ладно, завтра так завтра. Извините, меня банкир ждет.

Московский банкир рассказал о том, что его банк планирует вложиться в строительство крупного сельскохозяйственного предприятия на территории Ясноборской области, просил помощи и поддержки, а за это к своим инвестициям вдобавок обещал помочь в благоустройстве райцентра, где собственно и будет это предприятие располагаться. Также в софинансировании проекта будет участвовать

и местный банк «Союз». Его президент некто Дмитрий Иванович Шилов совсем Тонковидову не понравился. Крупный мужчина с красным лицом в хорошем костюме глядел в лицо Антону как-то заискивающе, а рука при рукопожатии оказалась мокрой. Тонковидов отметил это внутренне слегка передернувшись, но большого значения решил не придавать: дело-то полезное. Он вызвал Евсина.

– Виктор Иванович, обсудите детали, пожалуйста. Я думаю, экономист и аграрник нужны. Там кто у нас, кстати, экономикой сейчас командует?

– Вы же знаете, – развел руками врио первого зама. – Пока я тут, Уланов на хозяйстве.

– Ну, Значит, Уланова, но кадровые вопросы решать надо.

– Может из мэрии кого выдернуть? – поинтересовался Евсин, – Там ребята есть хорошие.

– Потом поговорим. Забирай гостей пока. Если вопросы будут... тоже потом.

Оставшись один, Тонковидов открыл в компьютере страничку со структурой администрации. В ней было не то чтобы много, но немало белых пятен. Их надо было как-то закрывать. И хотя из Москвы на него вроде бы давили в этом вопросе не слишком, Антон хотел решать его как можно быстрее. Впрочем, только ли его?

И как в подтверждение раздался звонок. Москва.

– Добрый день, Юрий Иванович.

– Добрый, Антон Викторович. Нашли общий язык с

Дмитрием Савельевичем?

– Да, конечно.

– Это хорошо. Остальное не очень. Увеличивайте активность, общайтесь с населением. Русакова своего нагибайте. Вот чем он занимается?

– Изучает местную журналистскую среду, хочет через нее воздействовать. Понять, кто друг, а кто враг, – немного неважно ответил Тонковидов.

– Надо самим переходить к активным действиям. Возможно, пресс-службу вашу перетряхивать пора. Ладно, завтра будет человек наш у вас, в помощь. Русакову придаст ускорение. Где-то во второй половине дня.

– Хорошо. А то мы с утра в районе...

– Тогда все. Вперед. Удачи.

Разговор с куратором расстроил Антона. Как-то все не складывалось у него, вот отчитали, как мальчишку. Опять закралась подлая мыслишка: а на своем ли он месте? Тонковидов усилием воли прогнал ее, но настроение не улучшилось. Он покрутил в руках мобильный и решительно набрал телефон Алины.

– Здравствуйте, Антон Викторович, – раздалось через паузу.

– Добрый день, Алиночка. Хотел узнать, как у вас дела?

– Спасибо, немного занята, – ответила она, – Но все равно рада, что вы помните обо мне.

– А вечером?

– Что вечером? – переспросила Алина.

– Свободны?

– Ну, почти...

– А если я вас куда-нибудь приглашу?

– Если или пригласите? – она засмеялась.

– Приглашу, – сказал Антон уже твердо.

Опять пауза.

– Давайте сделаем так, – сказала, наконец, она. – Я вам перезвоню через пять минут и скажу, смогу ли.

Пять минут показались ему вечностью. Хотя позвонила она раньше, минуты через три:

– Ну, приглашайте.

– Ой, а я даже не знаю, куда у вас можно пойти.

– Тоже мне кавалер, – она опять засмеялась. – Я должна место назначать?

– Да, – сказал он, – А я время. Так часиков в полвосьмого.

И пожелание: чтобы место тихое, не на виду. Есть такие?

– С отдельными кабинетами? Вообще-то я танцевать люблю. Но есть, конечно. Ресторан «Фрегат», например. Возле реки. Пойдет?

– Да, конечно. Вас где забрать?

– Там встретимся. Если вы так шифруетесь, то со служебного входа. Найдете?

– Конечно.

Большую часть времени до конца дня Антон провел как в тумане. Он с кем-то общался, кого-то принимал, но старал-

ся отделяться общими фразами. Собрался он уже ближе к концу рабочего дня. Окончательно обговорил с Евсиным и Вилецким детали завтрашней поездки, уточнил, что необходимо взять Русакова. Потом позвонил Катину:

– Зайди.

– Сергей Сергеевич, – сказал он, когда Катин появился в кабинете, – У меня встреча в ресторане «Фрегат». Конфиденциальная.

Катин вопросительно поднял брови.

– Узнай, что за ресторан, как туда подъехать без помпы. Со служебного входа. Сам посидишь в зале, подстрахуешь. Но со стороны.

– Чтоб никто не видел?

– Чтоб меня не видели. Дальше скажу, что делать. И если что – машина должна быть в моем распоряжении. Понятно?

– Понятно, – кивнул Сергей Сергеевич, но по его внешнему виду было видно, что он несколько озадачен.

– Выезд в девятнадцать. И личная просьба: чтоб никому. Хорошо?

Катин кивнул и вышел.

Антон задумался: а насколько можно доверять этому человеку. В Москве ему сказали: «можешь доверять, как себе самому». До сих пор Сергей Сергеевич его не подводил. Правда, все это не касалось личных дел. А с другой стороны – неужели он не может расслабиться, к работе это отношения не имеет. К быту? Так, ведь Катин должен, в том числе,

обеспечивать и эту сторону его жизни. Впрочем, желательно без всякой огласки. Неизвестно, как посмотрят на ситуацию в Москве. Для себя Антон решил скрывать встречу с Алиной по максимуму. И все равно без помощи и перестраховки ему не обойтись.

Перед выходом он позвонил Русакову. Завтра во время поездки Тонковидов хотел с ним решительно поговорить о смене тактики, пока же был краток. Катин уже ждал его в машине. Это была не представительская «Тойота», а другая машина. Тоже джип, но с совершенно обычными номерами. Антон хотел быстро нырнуть в машину, но опять зазвонил телефон. Жена. Он недовольно поморщился.

– Ты собираешься домой? Обещал ведь.

– Выходной будет и приеду. А может раньше, если вызовут. Пока не вызывают. Как у вас дела?

– Тебя это еще интересует?

– Послушай, – он старался говорить, как можно миролюбивей. – Ты не представляешь, насколько я здесь загружен.

– Да, конечно, – она, впрочем, слегка сбавила тон. – Еще скажи, что положение хуже губернаторского.

Тонковидов почувствовал иронию и решил подыграть:

– Ну вот, очень точное определение. Именно.

– Ладно. Разговор есть нетелефонный. Целую. И жду.

Тонковидов раздосадовано хмыкнул и сел в машину.

Катин посмотрел на него в зеркало, но ничего не сказал.

– Ну и как «Фрегат»? – спросил врио.

– Прилично вроде, – неопределенно повел плечами Сергей Сергеевич. – Я буду в зале. Кабинеты отдельные рядом.

– Спасибо, – сдержанно сказал Тонковидов и зачем-то повторил. – Очень важная встреча.

Тут ему показалось, что он выглядит смешно. Антон замолчал и отвернулся к окну.

Глава двадцать четвертая.

Что было дальше, Санин помнил смутно. Его куда-то везли, что-то вливали, кололи в руку. Потом его выворачивало наизнанку, он лежал под какими-то лампами и вокруг бежали врачи. Наконец, Виктору Васильевичу стало легче, и он забылся тяжелым удушливым сном. Проснулся он в той же палате, что и накануне вечером. За окном было уже светло. Совершенно измученный и мокрый от пота. Страшно хотелось пить. Санин с трудом дотянулся до кнопки вызова врача.

Сначала в палату вошла молодая симпатичная девушка. Очевидно, медсестра. Но Виктору Васильевичу было не до девичьих красот.

– Пить, – попросил он сухими губами.

Она налила ему воду из графина в стакан. Санин жадно выпил, потом попросил еще.

– Врача пригласите, – сказал он, когда горло, наконец, чуть смягчилось. И все равно голос был противно хриплым. Девушка улыбнулась и кивнула. Так же молча она вышла из палаты, а вскоре вернулась с доктором. Снова с другим. На

этот раз пожилым с добрым, немного одутловатым лицом.

– Здравствуйте, Виктор Васильевич, – сказал он как-то устало, присаживаясь на стул возле кровати. – Что ж вы нас так подводите?

– В смысле? – удивился Санин.

– Едите что попало.

– Почему что попало?

– Но вы же домашнее ели? Вам приносили ведь?

– Ну и что?

– Ну и отравились.

– Нет, это исключено. Вы знаете, я еще какие-то таблетки принимал. Мне эта медсестра сразу не понравилась.

– Виктор Васильевич, – доктор нахмурился, – вы, что же думаете, что это мы вас отравить хотели? Тогда полицию давайте вызывать. Хотите?

– Нет-нет, – Санин даже головой замотал. – Отпустите лучше меня домой.

– В вашем состоянии? Не рано ли?

– Меня сын заберет.

– Хорошо. Подпишите отказ от лечения и езжайте, – доктор встал, и доброе лицо его скривилось в горькой гримасе, – если вам ваше здоровье недорого. Ну, хоть дома-то полежите денька два.

Иван был не слишком доволен перспективой забирать отца из больницы, да вдобавок везти его к себе, поскольку возвращаться в свою квартиру Санин-старший категорически

отказывался. По крайней мере, пока. Сил разбираться с Альбиной у него катастрофически не было. Но все же Иван согласился и минут через сорок подъехал к больнице. К тому времени Виктор Васильевич подписал отказ от госпитализации, оделся и, пошатываясь, спустился в приемный покой. Там, его, полулежащего на диванчике, и застал сын.

– Да, выглядишь хуже вчерашнего, – покачав головой, сказал Иван.

Виктор Васильевич ничего не ответил. Про ночное отравление промолчал.

– Куда едем? – спросил Иван.

– Ну, к тебе же... Что непонятного?

– А почему?

– Не хочу домой возвращаться. Пока..., – ответил Виктор Васильевич.

Ночью ему было не до звонков, звук он выключил еще вчера вечером. Посмотрел на телефон и увидел, что на нем есть несколько пропущенных от Арины. Выждала и снова принялась звонить. Ладно, потом разберемся, подумал Санин.

Иван пожал плечами и послушно отвез его к себе.

– Удачно все, – сказал он, когда Виктор Васильевич расположился на диванчике в холле, не в пример удобнее, чем в приемном покое больницы. – Никого нет, и часов до двух не будет. Отдохни, поспи. Еда, сам знаешь где. Потом Катя Кирилла привезет, переберешься в гостевую.

– Ничего, – ответил Санин-старший. – Здесь пока перекантуюсь. Здесь удобнее.

– Ну, смотри. Я уехал.

Виктор Васильевич остался один. Хотелось спать, но беспокойная натура не давала покоя. Он набрал номер. Ответили не сразу.

– Добрый день, Петр Борисович, – сказал Санин.

– Добрый, – хмыкнул собеседник, – Живучий ты. Уже и из больницы сбежал.

– А вы все уже знаете...

– Ну, слухами земля полнится. И где ты?

– Да дома я, где ж еще быть, – соврал Виктор Васильевич.

– Ладно, отдохни немного, а мы тут подумаем, как с тобой быть.

– В смысле? – Санин насторожился. – Я вам что уже не нужен?

– Нужен. Но больно уж ненадежен ты стал, – Петр Борисович засмеялся.

– Зря обижаете. Служил и служу. Верой и правдой.

– Ага. Еще скажи, что за идею.

Тон у собеседника был хоть и насмешливый, но не злой и это Санина успокаивало. Правда, не до конца.

– Жить-то тоже на что-то надо, – так же умиротворенно ответил он, – Но против убеждений я никогда...

– Ну, хватит, разболтались мы с тобой. Отдыхай. Тебе позвонят.

Санин откинулся на диване, потом прилег на подушку. Подумал и набрал еще один номер.

Глава двадцать пятая.

– Холостяцкий у нас вечерок намечается, – сказал Шкадов, разливая по высоким бокалам купленное в соседнем магазине пиво.

– Ты к чему это? – недовольно спросил Русаков, вдруг почувствовав обиду за то, что Оксана отправила его одного домой.

Дмитрий улыбнулся:

– А как еще сказать? Сидим и кукуем. Ну, может оно и к лучшему. Подобьем бабки и наметим план действий.

– Подобьем. Хотя я пиво не очень.

– Ну, за компанию-то...

– Ладно, уговорил. Для аппетита.

Шкадов успел приготовить и нехитрый ужин. Время еще было не позднее, но и отдохнуть когда-нибудь надо, решил он.

Русаков словно прочитал его мысли:

– Отдохнуть-то иногда не мешает. Но только движемся мы непонятно в каком направлении.

– Поясни.

– Ты-то может и правильно движешься. А я совсем не этим должен заниматься. Мой вопрос – кадры, отчасти пиар. А я уперся в этот детектив. Ладно, это мои проблемы. Рассказывай. Хотя, может Сергеича позовем?

– Можно. Правда, движения у меня немного, но нарыть

кое-что успел. Для дальнейшего продвижения.

Ростислав набрал телефон Катина, но тот сбросил. Через секунду на экране появилось дежурное «Занят. Перезвоню позже».

Он показал дисплей Шкадову:

– Понятно? Тогда излагай. Одна голова хорошо, полторы лучше.

Дмитрий засмеялся:

– Половинка твоя или моя? Можешь не отвечать. Давай по пиву.

– Ага. Не чокаясь.

– Это почему?

– Повода нет.

– А за будущие успехи?

Русаков не ответил, отпил пива, поставил бокал на стол:

– Ну, слушаю.

Шкадов коротко пересказал ему разговор с Салатовым, упомянул и встречу с Семеном.

– Ну, вот ему и поведаешь. Перед этим, конечно, с Сергеем посоветуешься. И я, думаю, нам линии надо разделять. Ты копай параллельно по Цветкову, а в остальное не лезь. А я уйду от расследования. У меня свои пункты и постараюсь не разминиваться.

– Тебе ж тоже это надо знать, как я понимаю.

– Надо, но самому в расследование лезть не стоит. Хотя, ты знаешь, интересно. Может, мне в менты надо было идти?

– В частные детективы, – ответил Дмитрий, и они оба засмеялись.

После ужина Ростислав снова набрал Катина, но тот не отвечал. Перезвонил Сергей Сергеевич уже гораздо позже, когда Слава и Дмитрий уже и не рассчитывали с ним поговорить. В общем-то, и не поговорили.

– Что там у вас? Что-то срочное?

– Нет, не особо. Посоветоваться хотели.

– Тогда завтра, – сказал Катин усталым голосом.

Русаков настаивать не стал, только мысленно пожал плечами. Перед сном на всякий случай поставил будильник. Завтра поездка в район, и Тонковидов просил не опаздывать.

Глава двадцать шестая.

К «Фрегату» подъехали примерно в минут пятнадцать восьмого. Машина неприметная, но все равно припарковались чуть в стороне. Тем более что стоянка возле ресторана была небольшой и почти вся занята. Остановились в кармане на другой стороне набережной. Сам ресторан был освещен, а рядом почти темно. Тонковидов вышел из машины и набрал номер Алины.

– Я приехал. Вы где?

– Подъезжаю. Через пару минут буду.

– Хорошо, – ответил Тонковидов. – Я подожду. Вы заходите, а я чуть позже. Как вас найти?

– Конспирация, – засмеялась девушка. – Хорошо, я в шпи-

онов люблю играть. В зал не заходите. Спросите, где вход в кабинеты. Вам покажут. Там меня найдете. Будут затруднения – звоните.

Закончив разговор, Антон снова сел в машину и повернулся к Катину:

– Знаешь, где там кабинеты?

Тот кивнул.

– Надо пройти не очень заметно.

– Вам или нам?

– Лучше мне одному.

– Хорошо. Там, насколько я знаю, есть проход мимо гардероба. Но не нравятся мне эти игры, Антон Викторович.

– Сергей Сергеевич, давайте договоримся, что иногда я имею право на действия по собственному выбору. Тем более, никакого риска – вы же со мной.

– Хорошо, – сказал Катин, чуть задумавшись, – но зря иронизируете.

– Не буду, – ответил Тонковидов.

Они посидели еще несколько минут, вглядываясь в стоянку возле «Фрегата». Вот подъехала небольшая машинка, из нее вышла женская фигурка и быстро пошла к ресторану. Выждав минуту, Антон повернулся к Катину:

– Пошли.

У входа Тонковидов приостановился и негромко сказал:

– Я пошел. Как договорились. Ты через пару минут заходишь и идешь в зал. На связи.

Антон закрыл шарфом нижнюю часть лица, набросил на голову капюшон куртки. Он знал, что не настолько известен в Ясноборске каждому встречному-поперечному, но и не отрицал, что кто-то в ресторане может его узнать. Поэтому конспирация не помешает.

Возле входа и в гардеробе его никто не остановил, и он скорее по наитию свернул в коридор, идущий параллельно входу в зал. Откуда-то сбоку вдруг появился высокий охранник, но Тонковидов не дал ему открыть рот, опережая вопрос, задал свой:

– Тут девушка зашла. Она меня ждет. Я правильно иду?

Охранник кивнул:

– Да, третья дверь налево.

Тонковидов толкнул дверь. Небольшой кабинет в приглушенных бежевых тонах. Стол, невысокие диванчики. На одном из них сидела Алина в коротком красном платье.

– Ну вот и я, – улыбнулась она. – Добро пожаловать. Снимайте куртку, располагайтесь.

– Спасибо, очаровательная хозяйка, – улыбнулся в свою очередь Антон.

До сей минуты он чувствовал себя слегка напряженно, но увидев Алину сразу сбросил с себя это чувство, почувствовал себя увереннее, расслабился. Разделся, повесил куртку на вешалку, сел на диванчик напротив Алины и расстегнул пиджак.

– Что закажем? – спросил он, когда предварительно по-

стучав, в двери возник официант с меню.

– На ваш вкус, – улыбнулась девушка.

– Хотя бы скажите, что пить будем.

– Шампанское. Иначе, какой же это праздник?

– А у нас праздник? – Антон поднял брови.

– Ну, первый вечер – всегда праздник, – загадочно сказала она.

Когда официант открыл шампанское, разлил его и удалился, Тонковидов поднял бокал:

– Ну что ж за праздник, в который, я уверен, перерастет наше знакомство.

– За праздник, – повторила Алина.

Через некоторое время Тонковидову казалось, что он знает девушку целую вечность. Он чувствовал себя так легко и непринужденно, как не чувствовал, пожалуй, себя еще ни разу с тех пор, как приехал в этот город. Он шутил, рассказывал разные веселые истории, иногда ловил себя на мысли, что никогда не считал себя душой компании, но сегодня что-то изменилась.

Алина весело смеялась, в основном слушала, реагировала на его шутки, так, как и следовало реагировать, по мнению Тонковидова. Сама говорила мало, один раз вдруг попыталась сделаться серьезной и задала вопрос, который в такие минуты задают, наверно, все женщины. Ну, или, как считают мужчины, должны задать. Правда, глаза у нее оставались при этом лукавыми:

– А жена ваша знает, что вы здесь, со мной? – спросила она и добавила: – Только не говорите, что вы неженаты.

– Не скажу, – ответил Антон, – Но ведь у всех бывают маленькие секреты. И у женщин тоже, так ведь? Вот пусть это тоже будет маленьким секретом. А может и не маленьким. Но пока секретом.

– Пока? – Алина подняла брови.

– Ну да, мы же не знаем, что будет дальше.

Алина не стала возражать. А Антон разлил шампанское. Он с опаской поглядывал на карман, где лежал мобильный телефон. Номер этот знали не так много людей. Еще два телефона оставались в кабинете. Один, отключенный с давним личным номером и один служебный, только для разговоров по делам. Он с удовольствием оставил бы там же и этот, третий. Но нельзя – слишком серьезные люди могут позвонить по серьезным вопросам, не требующим отлагательства. Знала номер, естественно, и жена. К счастью, телефон молчал.

Они чокнулись, выпили еще шампанского и Антон почувствовал, что стало совсем тепло. Он снял пиджак, еще больше распустил узел галстука и почувствовал, что ему хочется, чтобы было еще теплее.

– Алина, – он почувствовал, что голос слегка заплетается, набрался твердости и продолжил: – Вы не будете возражать, если я пересяду...на вашу сторону.

– Нет, – улыбнулась она. – Если вам так будет удобнее.

Он пересел на противоположный диванчик, придвинулся

поближе к Алине. От нее шел смешанный запах чего-то теплого, терпкого и притягивающего. Он обнял ее, и прижался губами к ее губам. Алина замерла. Через несколько секунд рука Тонковидова соскользнула с ее спины и легла на бедро. В этот момент вдруг выскользнула из его рук и встала на ноги.

Антон поднял на нее удивленный и разочарованный взгляд.

– Пойду носик припудрю, – извиняющимся тоном сказала Алина и исчезла за дверью. Тонковидов разогнул спину и прислонился к дивану, чуть прикрыв глаза.

Когда он открыл их, напротив сидели двое мужчин. Свет и без того не слишком яркий, приглушили еще сильнее. Антон моргнул, словно ожидая, что наваждение исчезнет и появится Алина. Но ничего не произошло?

– Вы кто? – спросил Тонковидов.

– Не волнуйтесь, Антон Викторович, – ответил один из незваных гостей приятным, чуть хрипловатым голосом. – Вы нас не знаете, да и представляться мы не будем. Смысла нет.

– И что вам надо? – Антон заметил, что голос его предательски дрожит.

– Антон Викторович, мы не будем ходить вокруг да около. Дело в том, что то, что здесь было несколько минут назад, снято и сохранено.

– Ну и что дальше? Что вы хотите? – Антон, наконец, смог выбрать соответствующий тон.

– Если вы не хотите огласки, то вам лучше уехать из нашего города. В смысле, не претендовать на пост.

– Вы понимаете, с кем говорите?

Второй мужчина не удержался и хмыкнул, но ничего не сказал. Продолжил первый;

– Понимаем. Как понимаем и то, что у вас в силе предложение, от которого трудно отказаться. Поэтому вы можете придумать уважительную причину: болезнь, например. Вашу или членов семьи. Или другие семейные обстоятельства. У вас сорок восемь часов. Срок вполне приемлемый. До свидания.

Они встали.

– До свидания, – буркнул и второй негромким басом.

И они вышли, прикрыв за собой дверь.

Тонковидов пару секунд посидел в столбняке. Потом посмотрел на дверь. Но Алины не было. Он выхватил из кармана телефон и одной кнопкой вызвал номер Катина. Тот ответил практически сразу.

– Сергеич! Два мужика выходят из моего коридора. Пропледи! И я сейчас!

Он вскочил, на ходу вытащив из кармана несколько тысячных бумажек, бросил их на стол и, схватив куртку, выскочил за дверь. В коридоре было пусто. В фойе он столкнулся с Катиным.

– Где они? – на ходу спросил Тонковидов.

– Выбежали, – ответил за него охранник, видимо повто-

ря, что только что сказал Катину.

Они выскочили из ресторана, но увидели лишь растворяющиеся в вечерней мгле фары машины. Ни номер, ни марку разглядеть не удалось. Тонковидов в сопровождении Сергея Сергеевича вернулся в ресторан. Но расспросы ничего не дали. Да, двое мужчин выбежали из ресторана, но как они здесь появились, никто не знал.

– А девушка? – спохватился Антон.

Они вернулись в кабинет, но там никого не было. На столе валялись тысячные бумажки. Тонковидов взял их и помахал перед лицом как веером.

– Счет, – наконец, сказал он, – А, впрочем...

Он добавил еще несколько тысячных.

– Хватит? – спросил Антон у официанта.

– Да, наверно, – неуверенно сказал тот, взяв деньги.

– Тогда мы пошли. И запомните: здесь никого и ничего не было, – он обвел тяжелым взглядом официанта, охранника и прибежавшую последней девушку-администратора. Та выглядела наиболее растерянной, но ответила именно она:

– Да, конечно.

И добавила уж совсем не к месту:

– Надеюсь, вам у нас понравилось.

– Да уж, – сквозь зубы бросил Антон, двигаясь к двери.

Они молча дошли до машины, сели в салон. И только тогда Катин поднял голову на врио губернатора:

– Так, что случилось?

Антон сделал паузу:

– Сейчас расскажу. Только пока никому не слова.

В этот момент у Катина зазвонил телефон. Он сбросил, посмотрел на экран и спросил:

– А Русакову?

– Завтра решим, – ответил Антон. Затем он коротко рассказал Катину о случившемся.

– Ну и что будем делать? – спросил тот.

– Это я тебя должен спросить. Только не надо говорить, что, мол, ты предупреждал. Поехали, отвезешь меня. С этой мыслью переспать нужно... если больше не с кем.

Они молча доехали до коттеджа Тонковидова. Только, когда машина остановилась, Антон сказал:

– Охрану нужно усилить. Вернее, сделать как-то, чтоб она была. Задача ясна?

– Ясна.

– Ну, тогда до завтра. А я пошел спать... с мыслью.

Глава двадцать седьмая.

Утром шел снег. Ростислав Русаков стоял возле здания администрации и радовался тому, что вышел парой минут раньше. Он с удовольствием вдыхал холодный и в то же время влажный воздух. Оксана тоже вышла из здания, но с Ростиславом лишь поздоровалась. Села в микроавтобус для журналистов. Вот появился и врио губернатора. Он шел с Вилецким, чуть сзади – Катин, помощник Юра и рядом здоровый парень из службы охраны. Русаков немного удивил-

ся этому – обычно Тонковидов охрану игнорировал, хватало одного Сергея Сергеевича. Подкатил джип. В него запрыгнули охранник и Катин. Вилецкий и Юра остались ждать свою машину, а Антон пошел к «Тойоте», на ходу махнув Русакову рукой, мол, со мной иди.

Ростислав сел на заднее сиденье.

– Ну, привет, – сказал ему Антон, не оборачиваясь. – Как дела?

– Шкадов вчера интересный разговор имел, – начал Русаков, но Тонковидов его остановил:

– Подробности потом.

Видимо, при водителе обсуждать что-либо серьезное не хотел.

– Тогда нормально, – сказал Ростислав.

– Сейчас поедем, я с людьми пообщаюсь, а ты за прессой последи. Если что, подкорректируй. И еще человек сегодня из Москвы приедет. Специалист по СМИ. Поговоришь. Может, он немного тебя освободит. А ты кадрами займись, наконец.

– Понятно.

Они ехали уже по загородному шоссе. Снег усиливался. Машину охраны, ехавшую впереди, уже порой было нелегко разглядеть.

– Дорога нехорошая, – сказал Тонковидов водителю.

– Нормально, – ответил тот, высокий крепкий парень с оттопыренными ушами. – Внимательнее только нужно быть.

Русаков посмотрел вперед. Дорога должна была исчезнуть за поворотом. Об этом можно было судить хотя бы по тому, что джип охраны чуть притормозил и вильнул вправо. И вдруг большая темная машина, мягко заваливаясь на бок, ушла в кювет. Взметнулся снежный фонтан. Их водитель, громко выругавшись, дал по тормозам и отчаянно вцепился в руль, крутя его влево.

– Осторожно... твою мать! – закричал Тонковидов, вцепившись пальцами в ручку двери. Ростислав, не пристегнутый на заднем сиденье, завалился на бок. К счастью, водитель справился с непослушной машиной и она, противно взвизгнув, остановилась, развернувшись едва ли не поперек дороги.

Тонковидов открыл дверь и выскочил на дорогу, опережая своего водителя. Русаков поспешил за ним. Сзади остановились «Тойота» Вилецкого и джип с журналистами.

– Что случилось!? Целы!? – прокричал Тонковидов Катину, вылезавшему из дверцы опрокинувшейся машины.

– Да вроде, – ответил тот. – Мягкая посадочка.

Вслед за ним из машины появился дюжий охранник:

– Молодого за руль посадили, вот и получили, – мрачно прокомментировал тот, проваливаясь в сугроб.

Водитель машины охраны тоже выбрался из нее, смущенно стараясь не смотреть на врио губернатора.

– Ничего, сейчас подцепим, – сказал кто-то сзади.

Как понял Ростислав, это был водитель джипа с журнали-

стами. Те тоже вывалились из машины, стояли на обочине и громко обсуждали случившееся. Русаков нашел глазами Оксану. Та тоже посмотрела на него, чуть улыбнувшись уголками губ.

– Ладно, доставайте, – сказал Тонковидов. – Потом догоните. Сергей Сергеевич, садись к нам.

Потом повернулся к Вилецкому:

– Виталий Алексеевич, за нами. Опаздывать нехорошо.

– А..., – начал тот, но Тонковидов уже не слушал его и быстро вернулся в машину.

Русаков с Катиным устроились на заднем сидении.

«Тойота» двинулась дальше. Водитель ехал аккуратно, сосредоточившись на дороге. Снег не прекращался.

– Короче, диспозиция такая, – сказал Антон и непонятно к кому он обращается. – Встречаемся с народом в зале Дома культуры. Малом. Чтоб толпы не было. У них там проблема с коммуналкой. То трубы текут, то напряжение падает. Поговорим. Потом пройдемся по объектам. Как раз журналисты подъедут. Вопросы есть?

– Два, – ответил Катин. – Первое, почему вы на коммунальную тему Ароева не взяли? И второй: только один охранник и тот остался. Пока вылезет. Вроде ж договаривались?

– Отвечаю по мере поступления, – сквозь зубы ответил Тонковидов. – Я сам решать буду вопросы. Юра запишет, а потом поручения раздам. И второе. Вы у меня на что? Будете

охранниками.

Русаков так и не понял, говорил ли Антон серьезно или шутил. Как неясным было и то, что за договоренности имел в виду Катин. Но вот уже появились частные дома на окраине городка Чернореченска, потом пошли двухэтажки, потом несколько пятиэтажек и вот, наконец, центральная площадь, по которой ездил одинокий трактор, сгребаяющий снег с проезжей части. Впрочем, несмотря на непрекращающийся снегопад, площадь была более или менее расчищена, а газоны превратились в большие рукотворные сугробы. Машины остановились у здания с колоннами. Как понял Русаков, это и был Дворец культуры. На улице их уже ждали. Впереди небольшой группки стоял мужчина в очках и распахнутом пальто. Вилецкий забежал вперед.

– Глава Чернореченской администрации Силаков Василий Евгеньевич, – представил его Вилецкий.

– Очень приятно, – сказал Тонковидов, на ходу пожимая руку местному главе. – Что ж вы без шапки на снегу? Пойдемте уж в здание.

И сам двинулся вперед. За ним все остальные. Только какой-то местный, видимо, хозяйственник забежал вперед, распахивая громоздкую дверь. Они прошли на второй этаж в кабинет директора Дворца, разделись в приемной и зашли в сам кабинет. В небольшом кабинете оказались Тонковидов, Вилецкий, помощник Юра, Русаков с Катиным и человек семь местных руководящих товарищей.

– А где пресса? – поинтересовался вполголоса у Вилецкого Силаков.

– В кювет свалились?

– Кто? Все? – у Чернореченского главы даже челюсть отвисла.

– Нет. Да и не они свалились, – ответ Вилецкого оставил Василия Евгеньевича в недоумении. Но долго недоумевать ему не пришлось. Из этого состояния его вывел Тонковидов.

– Народ собрался? – спросил он.

– Да. Практически, – ответил Силаков. – Десять минут еще. Мы сейчас доложим о ситуации.

– Потом, – отмахнулся Антон. – Я сначала с народом поговорю.

– А как же без прессы? – растерянно спросил районный руководитель.

– Да, успокойтесь вы, – раздраженно сказал Тонковидов. – Сейчас подъедут. Вы мне скажите только, что за люди.

– В основном бюджетники. Работники дома культуры, учителя, медики. Ну и, извините, несколько активистов. Без них нельзя, они бы шум потом подняли.

– Правильно, что позвали. Хоть кто-то правду скажет, – было непонятно шутит ли Антон или говорит серьезно. – Пойдемте в бой что ли. Прессу если что, пусть сразу в зал ведут.

Зал человек на сорок-пятьдесят был заполнен. Основная масса людей (большинство - женщины) сидели спокой-

но, изредка переговариваясь. Выделялась лишь группа людей на втором ряду, активно что-то обсуждавших. Первый ряд освободили для гостей, а Тонковидов и Силаков сели за стол на невысокой сцене.

– Ну что ж, начнем, – сказал чернореченский глава. – У нас в гостях исполняющий обязанности губернатора области Антон Викторович Тонковидов. Он приехал с вами пообщаться, поговорить о насущном, так сказать...

– Это мы с ним хотим поговорить, – раздалось за спиной Русакова. Ростислав оглянулся. Мужчина средних лет с изможденным лицом и какими-то отчаянными глазами.

Тонковидов отреагировал незамедлительно:

– Что ж, давайте говорить. Только по порядку и представляйтесь, будьте добры.

Мужчина с горящими глазами сразу вскочил и вышел в проход.

– Меня вы знаете, – начал он. – А для гостей представлюсь. Суров Дмитрий Петрович, местный житель...

В это время открылась дверь, и в зал шумно ввалились журналисты. Сзади возвышалась фигура охранника Тонковидова. Сурову пришлось прерваться, пока те, кому досталось место, рассядутся. Несколько человек и операторы остались стоять у стены. Рядом с Тонковидовым сидел помощник Юра. Оксана села сразу за ним.

– В городе постоянно ломается котельная, – начал Суров. – А происходит это, потому что оборудование на ней

столетней давности. Я сам работал в этой системе, знаю. И трубы изношены. Порывы. Залатают в лучшем случае. Мало того, что батареи чуть теплые, так и бывает, что вообще в холоде сидим. Так?

– Так, – поддакнул кто-то на втором ряду. Но в целом зал молчал.

– Вот, хочется узнать, когда власть начнет ремонт. А то господин Силаков только на область кивает. А прежний губернатор Данилов только разносы умел устраивать, а деньги, наверно, себе в карман.

– Ну, вы, как-то поаккуратнее, Дмитрий Петрович, – сказал со сцены Силаков.

– Да хоть аккуратнее, хоть неаккуратнее, – махнул наотмашь рукой Суров.

Потом выступила какая-то женщина, пожаловавшаяся на то, что только главную улицу заасфальтировали нормально, а рядом все в руинах, а в дождь так вообще не пройти – не проехать.

– И снег только убирают на площади, можно хоть сейчас посмотреть, – сказал кто-то за спиной Русакова.

Зал из бюджетников большей частью молчал, но изредка по нему негромкой волной проходило небольшое шевеление, перешептывание. И непонятно было это гул согласия, одобрения или неприятия.

Потом взял слово Тонковидов. Он пообещал, что лично разберется со всеми проблемами.

– А по поводу снега прямо сейчас проедем и посмотрим. И котельную тоже. Надо будет – деньги найдем, – Антон Викторович говорил решительно и вызвал явно теперь уже одобрительный гул. Силаков сидел молча и смотрел в стол.

Когда собрание закончилось, Тонковидова в проходе окружили жители. Подбежали журналисты, снимая разговор на камеры, щелкая затворами фотоаппаратов. Русаков на какое-то время остановился, выйти из зала не было возможности. Кто-то тронул его за рукав. Он оглянулся. Чернобородый мужчина с фотоаппаратом на груди смотрел ему прямо в глаза.

– Еронко. Владимир, – представился он. – Помните?

– Да, конечно, – кивнул головой Русаков, – На выставке встречались. А что вы не фотографируете?

– Успею еще, – Еронко скривился. – Как ваше расследование?

– Какое расследование? – удивился Русаков.

– Ну, мне так показалось...

– Так вы о нем поговорить хотели? – Ростислав улыбнулся.

– Если вы хотите.

– Хорошо, поговорим. Думаю, найдем время.

Толпа, наконец, рассосалась и они, одевшись, вышли из здания. Тракторок расчистил площадь и приткнулся к бордюру. Они опять расселись по машинам. Тонковидов пересел к местному главе. Они поехали первыми, а остальные двинулись следом. Окраинные улицы и, правда, были зава-

лены снегом. Низкая машина Вилецкого преодолевала заносы с большим трудом.

Катин повернулся к Ростиславу:

– Попадет местному начальнику за уборку.

– С работы снимет?

– Нет, не думаю. Антон... Викторович не готов головы рубить. Может, зря, – Катин рассмеялся.

– А что у вас вчера произошло? – вспомнил Ростислав.

Сергей Сергеевич мгновенно стал серьезным.

– Ничего. Все нормально.

И отвернулся.

Русаков пожал плечами и ничего не сказал. Потом они посмотрели местную «дышащую на ладан» котельную. Силаков просил у Тонковидова денег на ремонт, а тот, подумав, сказал, что в бюджете не предусмотрено, но у него есть вариант, и он попросит деньги у серьезных бизнес-структур.

Ростиславу стало скучно, и он наблюдал за журналистами и за Оксаной, в свою очередь наблюдавшей за журналистами. Стайка девушек с диктофонами и пара серьезных парней с большими камерами пытались подойти как можно ближе к Тонковидову. Тот не обращал на это внимание, а вот Оксану это, похоже, нервировало, и она периодически что-то говорила то одной, то другой журналистке, а оператора просто дергала за край куртки. Еронко тоже был с диктофоном, но держался слегка отстраненно, в гущу не лез, пару раз отходил, чтобы щелкнуть затвором фотоаппарата.

Затем их повезли обедать в небольшое кафе. Тонковидов, Русаков, Вилецкий и Катин оказались вместе с местным руководством в одном зале, все остальные – в другом. На столе появилось даже спиртное, но выпили совсем по чуть-чуть, чтобы только согреться. Антон был в каком-то растерянно-усталом состоянии, хотя и пытался собраться, слушая, что ему говорит местный глава.

Ростислав закончил трапезу чуть раньше и вышел в туалет. Он уже помыл руки, когда дверь распахнулась и в помещение зашел Еронко.

– Ну как впечатления? – спросил его Русаков.

– От чего? От поездки? От Тонковидова?

– От всего.

– Не первый раз. Все скучно. Водят, показывают. Мы напишем, чтоб народ знал будущего губернатора и проголосовал за знакомого человека. Хотя народу от этого ни холодно, ни жарко. Был Данилов, теперь Тонковидов, а потом Иванов, Петров, Сидоров... В чем разница?

– И еще у меня вопрос, если можно, – сказал Русаков. – Вот вы и здесь, и там. Выделяетесь тем более на фоне девушек. Почему серьезный мужчина с фотоаппаратом бегаёт?

– Интересно, – усмехнулся Владимир. – И к тому же я ленив.

– Ленив?

– Ну да. Искать что-то, менять жизнь. А здесь я все знаю, пишу быстро, начальство довольны. Терпит меня. Хотя по-

нимаю: журналистика – хорошая школа жизни, только ее вовремя надо окончить.

– Понятно, но я вас задерживаю. И себя. Наверно, ехать надо. А вы еще поговорить хотели, – напомнил Ростислав.

– Да, я позвоню вам.

И Владимир скрылся в одной из кабинок.

На выходе Ростислав столкнулся с Катиным.

– Застрял ты что-то здесь. Я уже заволновался. Хотя питание вроде качественное, – хмыкнул Сергей Сергеевич.

– Все нормально. Мы еще не едем?

– Минут через пять. Там еще не весь мозг местные Антону вынесли.

Выехали, действительно, минут через пять. Тонковидов немного отошел от общения с населением и районной властью, поэтому был словоохотлив.

– Ну как вам? Людям тут, конечно не очень весело. Но я знаю, как помочь. Есть москвичи, которые заходят с аграрным проектом. Навесим на них социальную нагрузку. Ну, вот этот район, например, с его коммуналкой. Как вам?

Ростислав рассеянно кивнул. Катин промолчал. За стеклом продолжал крутиться снежок, на дороге образовался белый накат.

Русаков достал мобильник, который перед поездкой поставил на беззвучный режим. Звонили жена и Шкадов. Отвлек опять Тонковидов:

– Ароева напрягу. Надо было, конечно, с собой взять, но

толку-то такой толпой ездить. И так журналистов целая машина.

Ростислав положил мобильник в карман и взглянул вперед. Дорога делала изгиб, и водитель чуть притормозил. Машина охраны уже скрывалась за поворотом, как вдруг прямо перед ними как из-под земли вырос грузовик. Водитель выругался и резко крутанул руль. Послышался скрежет, большая машина слегка зацепила губернаторскую машину и та, развернувшись вокруг своей оси и заваливаясь на бок, рухнула в кювет.

Глава двадцать восьмая.

Ветров и Пласковский. С кого начать? Шкадов мысленно раскладывал пасьянс из двух карт. С Ветровым было бы заманчивей. Он точно фигура большего масштаба. Не ведомый. А врач так. На подхвате, скорей всего. Но к Ветрову добраться гораздо сложнее. А мы не ищем трудных путей. Они нас находят сами. Значит, Пласковский.

Дмитрий нашел адрес больницы, оказалось не очень далеко. Завел прокатную машинку, подождал, пока разогреется мотор. Шел снег, снежинки в порывах ветра бились об стекло. Но дороги здесь, почти в центре города, убирались неплохо. Навигатор довез его до облбольницы практически по прямой. Больничный городок был обнесен кирпичной стеной и напоминал маленькую крепость. Административный корпус выпирал из нее как башня. Дверь на улицу имелась, но была наглухо закрыта. Судя по снежной целине ей и не пользова-

лись. Пришлось заходить изнутри, с территории больницы.

– Полиция, – сказал Шкадов охраннику и махнул красной корочкой, которую предусмотрительно обозвал пропавшей, увольняясь со службы. Охранник не стал спорить.

В административном корпусе рядом с охранником сидела еще и серьезная женщина в белом халате.

– Владимир Иванович на месте? – спросил ее Шкадов.

– Да. А вы кто?

– Московский уголовный розыск, – сказал Дмитрий и раскрыл корочку.

Зрачки в глазах за стеклами очков расширились:

– Сейчас я позвоню.

– Не надо куда-то звонить, – мягким голосом, глядя прямо ей в глаза, сказал Шкадов. – Куда мне идти?

– Второй этаж. Поднимаетесь по лестнице и сразу приемная.

– Спасибо.

Дмитрий широким шагом прошел к лестнице, быстро поднялся на второй этаж и вошел в приемную. Он на секунду опередил звонок. Женщина с вахты все же позвонила, но Шкадова это не остановило.

– Уголовный розыск, – сказал он и, не дожидаясь ответа, толкнул дверь кабинета.

Пожилой круглолицый мужчина в очках поднял на него голову.

– Здравствуйте, Владимир Иванович. Полиция. Москов-

ский уголовный розыск, – Дмитрий махнул на лету корочкой.

Пауза слегка подзатянулась.

– Можно поближе взглянуть, – сказал главврач, и Шкадов поднес удостоверение к его лицу. Придраться было не к чему. Документ был настоящим.

– Здравствуйте, – наконец сказал Пласковский, оторвавшись от изучения документа. – Чем могу быть полезен?

– Вы разрешите присесть?

– Конечно. А курточку можно оставить в приемной.

– Ерунда, – ответил Дмитрий, кладя куртку на соседний стол и попутно включая диктофон в кармане.

– Итак, слушаю вас, – сказал Пласковский.

– Мы расследуем обстоятельства гибели Василия Дмитриевича Цветкова. Хотелось бы знать, каким ядом он был отравлен.

Пласковский взмахнул руками:

– Извините, я даже не знаю, что он был отравлен. Да, отравление. Но был отравлен и отравился – разница есть.

– Вы хотите сказать, что у Данилова подавали отравленный салат «Цезарь»? – съязвил Шкадов.

– Какой «Цезарь»? – удивился главврач. – Такого там и не было, насколько я помню.

– Не было. Наверно, – согласился Шкадов. – Зато вы были. И немного поработали официантами, а может и поварами. Вы лично. И кто еще с вами был.

– В каком смысле поработал? – растерялся Пласковский.

– В прямом. Перед тем, как Василий Дмитриевич скончался. И в ядах вы разбираетесь, наверняка. Вы же медик. Так какой яд вы ему подложили?

– Молодой человек! Что вы себе позволяете!?! – Пласковский побелел.

– Не позволял бы, если бы не знал точно, – слегка блефнул Дмитрий. – Итак, я вас слушаю. Или вы хотите давать показания официально, будучи задержанным?

Дмитрий опасался, что собеседник сейчас закроется и начнет требовать адвоката. Как действовать тогда, Шкадов понимал приблизительно. Но понимал и то, что дожимать врача надо сейчас.

– Итак, вы взяли вино и закуски и...

– Это Ветров. Он любит шутить, – сказал Пласковский, тяжело вздохнув и глядя в сторону. – Говорит, давай сами отнесем. Я не хотел, но он не очень... не очень добрый человек. Точнее, он нормальный, но иногда на него находит. Я не стал спорить, взял вино, рюмки на поднос. А он тарелочки с закусками, и мы пошли.

– А потом что?

– Посмеялись все. Мы тоже сели за стол. Выпили. Ну, а потом... Василий Дмитриевич. Ну, вы сами знаете.

– Вы ему наливали?

– Нет. Не помню. Они сами наливали. Кто хотел. Или Ветров. Не помню. Честно.

– А когда ему плохо стало, вы помощь ему не оказывали? Вы же врач все-таки.

– Да. Сначала сказал, чтобы скорую срочно. Я подумал, что сердце. Он не очень здоровый человек был. Соответственно, пытался реанимировать. Но он очень быстро... Не мгновенно, но почти.

– Так какой это яд был?

– А мне, откуда знать. Я его не травил, – в этот момент Шкадову показалось, что и главврачу может стать плохо. Он решил слегка переменить тему.

– А перед этим вы ничего не заметили необычного, странного? У Ветрова, например. В его поведении.

– Что там странного может быть? Все знают всех. Ветров? Запомнил только, что они с Чигаревым куда-то выходили. Почему-то по заднему коридору, к балкону. Есть там такой, в сад выходит, почти к забору.

– Может покурить?

– Там курительный салон есть. Зачем им зимой на балкон?

– Владимир Иванович, а о чем разговор вообще шел в тот вечер?

– Как обычно. О политике, новости обсуждали.

– А что конкретно?

– Молодой человек, – Пласковский, кажется, начал немного приходить в себя, – конкретные разговоры там ведутся отдельно от гостиной. Там же ведь, напомним вам, и жены были. Можно в библиотеку выйти, в бильярдную, в ту

же курилку.

– А были люди, которые Цветкова не любили?

– Нет, – главврач помотал головой. – Явно нет. Он мужик спокойный, большой дипломат. Никому ничего плохого не делал. Явно.

– Хорошо. И заключительный пока вопрос. А как ваше общество относится к нынешнему руководителю региона?

Пласковский опять замолчал, взял паузу и посмотрел в потолок.

– Они люди государевы, – наконец произнес он. – Кого пришлют, с тем и будут. Спорить себе дороже.

– А вы?

– А мне вообще до лампочки. Поможет медицине – спасибо скажем. Не поможет – сами будем крутиться, не привыкать.

– Данилов помогал?

– Помогал. Когда мог. Но вы же обещали, что вопрос последний, – буквально взмолился Пласковский.

– Обещал. Поэтому откланиваюсь. И просьба: разговор у нас был неофициальный и о нем никому не слова. Договорились? Тем более, что я вас уже не обвиняю. На данный момент.

Главврач только кивнул. Дмитрий ему совершенно не поверил. Он осознавал, что сунул палку в осиное гнездо. Хорошо это или плохо, Шкадов еще не понимал.

Выйдя на улицу, Дмитрий набрал номер Русакова. Тот не

отвечал. Шкадов сунул мобильник в карман и задумался.

Глава двадцать девятая.

Виктор Васильевич Санин сидел на диване и слушал гудки мобильного. Потом они сменились на короткие и на экране появилась короткая эсэмэска «Занят. Перезвоню». Санин взял подушку, устроил ее поудобнее и вытянулся на диване. Чувствовал он себя не очень, хотелось спать, но спать-то как раз по его разумению нельзя было ни в коем случае. Проспишь сейчас, и выбросят, как ненужный хлам. Он думал, вспоминал свою жизнь. Всегда Виктор Васильевич боролся с возрастом. Отгонял от себя любые мысли о том, что пришла зрелость и уже совсем близко старость. Он одевался по-молодежному, вел себя соответственно, женщин выбирал помоложе. Ясно, что он не звезда экрана, поэтому на двадцатилетних только засматривался, а выбирал сорокалетних. В чем-то он все же был реалистом. Хотя далеко и не во всем. Были вещи, в которых Санин ощущал себя лучшим. И хоть и не хотел себе в этом признаваться, боялся, что когда-нибудь ему предпочтут кого-то умнее, ловчее, быстрее, наконец, моложе. Назад старался не оглядываться. Вот сейчас оглянулся, и стало страшно.

Санин закрыл глаза, стал задремывать, но потом резко встрепенулся. Посмотрел на часы. Минут двадцать из жизни он все же выпустил. Виктор Васильевич секунду поколебался и снова набрал номер. Он вполне предполагал, что ему никто не ответит, однако к его удивлению услышал высокий,

чуть нервный голос:

– Ну что ты хочешь? Нам уже доложили.

Это вместо приветствия. Санин постарался все же держать себя в руках:

– Добрый день. Что именно?

– Что ты работать не хочешь.

– Вы не правы. Я никогда вас не подводил.

Виктору Васильевичу было нелегко сдерживаться, но он умудрялся говорить спокойно и, как ему казалось, веско.

Но собеседнику, пожалуй, было все равно, поскольку для себя он уже все решил.

– Мы нашли тебе замену. Отдыхай. Ты ж пенсионер уже.

– Но я готов работать, – едва сдерживаясь, простонал Саннин.

– Отдыхай, – повторил собеседник. – И вот еще. Ты много знаешь. Поэтому...короче, веди себя тихо и тогда твою старость ничего не потревожит. Будь здоров.

Виктор Васильевич застыл с телефоном в руках. Случилось самое страшное, что могло с ним произойти. Выкинули. Нашли другого. Справедливости ради, такое происходило не впервые в жизни прожженного мастера пера. Однако Санин осознавал, что то было давно, когда и силы, и возможности у него были другие. Он застонал, откидываясь на подушки. Но долго страдать ему не дали. Опять зазвонил телефон. Саннин с ненавистью посмотрел на экран. Альбина. Жена. На данный момент, жена. На минуту задумался – отвечать или

нет. Потом все же решился.

– Да, я тебя слушаю, – сказал он как можно более жалобным голосом.

Но ее это не проняло.

– Я звоню, чтобы поговорить о разводе. Если ты будешь на этом настаивать...

– Я? – Санин слегка растерялся, потом заговорил увереннее. – Да, после такого, что случилось, я думаю, мы не будем вместе. Хотя сейчас мне не до этого. Я только что из больницы.

– Так распереживался? – иронично спросила она.

– Тебе даже все равно, что со мной произошло, – процедил Санин. – Тогда будь добра, выметайся из моего дома. Я у Ивана. Завтра приеду и, чтоб к этому времени тебя там не было.

– Что ты говоришь... – она засмеялась. – Я там прописана. Все через суд.

– Я сказал, – произнес Виктор Васильевич и нажал на отбой. Он привык, чтобы последнее слово оставалось за ним.

После разговора с женой, Санина обдало горячей волной, в висках застучало. Он прошел в ванную намочил холодной водой полотенце и обвязал им голову. Стало чуть легче. Мысли путались. Виктор Васильевич снова добрался до дивана и опять провалился в короткий тревожный сон. Он проснулся от детского голоса. Приехали Катя с Кириллом. Санин немного поговорил с внуком. Тот сначала обрадовал-

ся деду, рассказал об успехах в школе, но надолго его не хватило, и мальчик ушел к себе в комнату. Катя была вежлива, но достаточно суха. Она пригласила Виктора Васильевича за стол, тот немного поковырялся в тарелках, но аппетита практически не было, и он поднялся в комнату к Ивану. Там он сел за компьютер. Тот был запаролен, но отец знал все маленькие секреты сына, и без труда зашел в систему. Впрочем, секреты Ивана Санина-старшего не интересовали. Он зашел на сайт «Честный Ясноборск». Новый пост появился буквально полчаса назад. Речь в нем шла о том, как новый врио губернатора проводил время с некой молодой особой. Автор говорил, что есть и компрометирующие женатого мужчину снимки, но пока он не будет их выкладывать, посмотрит, что будет дальше. Под постом стремительно росло число комментариев. Кто-то ругал автора за то, что тот лезет в чужую частную жизнь, но большинство шутили или злорадствовали.

Виктора Васильевича больше волновал стиль написания. Ему касалось, что написано, хоть и бойко, но сухо, неинтересно «без изюминки». Но главное не это, а то, что ему не наврали. Замена, действительно, нашлась. Опять заколотилось сердце и застучало в висках. Но Санин самостоятельно справился с этой напастью. Немного посидел с закрытыми глазами, потом создал новый документ и начал сосредоточенно печатать.

Закончив, он нашел в ящике стола флэшку, скопировал

туда текст, потом сохранил его в компьютере и распечатал в трех экземплярах. Что делать с бумажными листами, он пока не решил, свернул вчетверо и положил в карман. В это время внизу он услышал голос сына. Спускаться не хотелось. Он приоткрыл дверь кабинета и негромко позвал:

– Иван.

Затем чуть громче. Через минуту сын зашел в кабинет.

– Да, отец. Как ты себя чувствуешь?

– Как-то так. Неопределенно. Но пока живой. У меня к тебе дело.

– Слушаю.

Иван уселся на диван.

– Я тут написал кое-что. Извини, так уж вышло, залез к тебе в компьютер без спроса.

– Когда-то ты меня за это сильно ругал, – Иван засмеялся.

– Было. Но сейчас пришлось. Короче говоря, я сохранил файл и в компьютере и на флэшке. Если со мной что-то случится, разошлешь этот текст по всем местным СМИ. Понятно?

– А что с тобой должно случиться?

– Ты что не видишь, что со мной все время что-то случается? – Санин – старший начал нервничать. – И не думаю, что это просто так. Но я не все сказал. Флэшку отдашь в администрации области Русакову. Запомнишь?

– Ну да. На память не жалуясь.

– Хорошо. Лично в руки.

– Отдам, отдам... Ты скажи лучше, что тебя беспокоит.

– Меня? – Виктор Васильевич усмехнулся. – То, что перспектив все меньше. Я цепляюсь-цепляюсь, а толку... Наглая и тупая молодежь востребована. Умные люди не нужны. Понятно?

– Может, ты драматизируешь? Отдохни. Возраст позволяет о себе подумать.

– Я не привык об отдыхе думать. Жизнь-борьба и я ее проигрываю. Не потому что тупой и старый, а потому что слишком умный. Им нужны такие, чтобы вид имели лихой и молодцеватый. Или как так у Петра Первого? Или у кого? Я и не помню уже.

– Я тоже не помню.

– Тебе вот сколько? Тридцать девять? И тебя скоро выкинут. Их время пришло.

– Кого?

– Не прикидывайся... Ладно, устал я. Поеду.

– Куда?

– Домой.

– Может, у нас пока побудешь? Отдохнешь.

– Нет. Поеду. Там тоже разобраться надо. Не забудь, о чем я тебя попросил. Пойду одеваться.

Санин выдохнул и решительно встал из-за стола:

– Такси мне вызови.

– Я могу тебя отвезти, – возразил Санин-младший.

– Ты только приехал. Отдыхай.

Через пять минут Виктор Васильевич уже стоял в холле одетый.

– Ну, пока, – он пожал руку сыну, поцеловал в макушку прибежавшего Кирилла, помахал рукой Катерине и решительно шагнул за порог.

Глава тридцатая.

Из кювета машину главы региона вытащили быстро. Машину с журналистами отпустили вперед, а автомобили охраны и Вилецкого выстроились на обочине. Снег почти прекратился и всю небольшую кавалькаду, состоящую еще и из буквально прилетевшего автомобиля ГИБДД, и тягача было видно издалека.

– Гаишников что сразу нельзя было взять??? – кричал Тонковидов на охранников.

Они молчали, а ответил Катин.

– Вы же сами сказали, что внимания не привлекать, никакого сопровождения, – негромко сказал он.

Антон недовольно покосился на него и повернулся к капитану ГИБДД:

– Где ваше начальство?

– Товарищ полковник уже выехал, – ответил тот.

– Короче, выясняйте, что за машина, почему выскочила.

Потом доложите. А мы поехали.

– Мы передали приметы по постам, – робко сказал капитан.

– Занимайтесь. Полковнику привет, – сказал Тонковидов

и пошел к машине. Не доходя пару шагов до нее остановился, поманил Катина и Русакова.

– По приезду ко мне сразу, в машине без эмоций.

Дальше доехали без приключений. Антон Викторович был хмур и молчалив. Так же молча они зашли в его кабинет.

– Ситуация совсем хреновая, – сказал Тонковидов, бросая пальто на диван. – Мне уже угрожают в открытую. Теперь этот грузовик. Случайности я отметаю.

Он уселся за стол, внимательно посмотрел на Русакова, потом сказал, словно что-то вспомнил:

– Да, Ростислав, тут вчера был инцидент. В подробности не вдаюсь. Но мне предложили уехать. Иначе пустят компромат. Суки. А самое главное, мы не знаем, что за суки.

У Русакова коротко завибрировал телефон. Сообщение от Оксаны «ЧЯ опять написал. Грозят вывалить компромат. Он знает».

Ростислав растерянно перевел глаза на Тонковидова.

– Что там у тебя?– спросил тот. – Ты здесь или витаешь где-то?

– Новая публикация в «ЧестномЯсноборске», – ответил Русаков.

– Не удивлен и даже знаю, что там, – скривился Антон, но открыл закладку на компьютере и начал читать. Лицо его по мере чтения кривилось все больше, а губы выворачивались чуть ли не до щек.

– Короче говоря, мы летим по всем фронтам, – сказал,

дочитав Тонковидов, стараясь казаться спокойным. – Я даже не знаю, что сейчас делать. Просить помощи у центра или самим переходить в атаку, то есть давить на силовые структуры, скорее всего, ФСБ. Местным у меня доверия нет.

– Так, они сейчас не очень местные, – заметил Сергей Сергеевич.

– Руководство – да, а внутри – все те же. И доверять мы никому не можем, – отмахнулся врио губернатора. – А ты что думаешь? – он повернулся к Русакову.

– Человек мой работает, – ответил, стараясь говорить взвешенно Ростислав, – У него есть связи с проверенными людьми здесь. Ищет.

Тонковидов стукнул кулаком по столу:

– Это не твоя сфера! Пусть Сергеич врагов ищет. А тебя я назначаю первым замом. Буду Москву убеждать, иного не вижу пути. Ищи местные кадры и, в первую очередь, по прессе врежь. Надо отвечать. Будем бороться.

– Антон Викторович, – осторожно встрял Катин. – Но человек Ростислава работает. Его никто не знает, он не местный. Пусть.

Антон тяжело взглянул на него:

– Пусть работает. Но я об этом ничего не знаю, понятно? Ростислав, у тебя вопросы есть?

– Не вопрос. Просто напоминаю, что человек из Москвы к вам приехать сегодня должен. Как раз по прессе.

– Ну, посоветуйся с ним. У нас пути назад нет. Всё, Ро-

стислав, иди. А ты, Сергеич, задержись. Мы теперь обязанности делить будем.

Русаков посмотрел на своего одноклассника. Лицо Тонковидова выражало злую решительность. Таким он Антона прежде, пожалуй, не видел.

Придя в кабинет, позвонил Оксане:

– Зайди, если можешь.

Ростислав почувствовал накопившуюся усталость. Он откинул голову на спинку кресла и на секунду прикрыл глаза. Когда открыл, руководительница пресс-службы уже приоткрыла дверь кабинета.

– Можно? – вежливо спросила она.

– Конечно, – ответил Русаков, с удовольствием глядя на нее. Усталость, заметная на лице девушки, по его мнению, только придавало ей особую привлекательность. Впрочем, его усталость и навалившиеся проблемы во многом нивелировали всю эту на секунду подступившую к сердцу лирику.

– Читала? Ну да, ты ж сама прислала... – он спросил и сам же ответил на свой вопрос, – И что скажешь?

– Скажу. Стиль другой. Автора они поменяли.

– Стиль незнаком? Ты же всех тут знаешь.

– Стиль? Вполне возможно Есть соображения. Но очень сырые, что ли...

– Не скажешь?

– Пока нет. Могу человека обидеть.

– Хорошо. Тогда скажи, с кем лучше поговорить, чтобы

зарядить прессу за нас.

– Ну, она вроде заряжена... – Оксана улыбнулась. – Наши опусы о жизни и деятельности исполняющего обязанности публикует регулярно.

– И этого достаточно?

– И да, и нет, – она посерьезнела. – Дело в том, что его уже знают, а это в наших условиях важно. Проголосуют за знакомую фамилию. Большинство, это точно. Есть у нас один политик, который говорит: лишь бы фамилию правильно называли.

– Есть, – кивнул Ростислав.

– Ну вот. Но это пока. А если вдруг Тонковидов исчезнет, выбудет из гонки или просто кто-то более известный всплывет? Тогда проблемы могут появиться. И компромат – настоящий или придуманный свою роль сыграет.

– И что делать?

– Наверно, что-то очень хорошее, доброе, вечное. Ну, акцию какую-нибудь, ветеранам там помочь, детям, зверушкам. Долгую, не на один день.

– А что ты мне раньше это не советовала?

– А ты не спрашивал, – она засмеялась.

– Мда, – задумался Ростислав. – Тут, кстати, один журналист со мной хочет встретиться. Еронко. Что думаешь?

– Встреться, пообщайся. Он в плане черного пиара поможет. Тем более, это не моё.

– Ты серьезно?

– Абсолютно.

– А со мной встретиться не хочешь?– Русаков испытующе взглянул на Оксану.

– И так встречаемся, – улыбнулась она. – Пошла я, хорошо?

– Иди, – он мрачно проводил девушку взглядом.

Потом Русаков перевел взгляд на телефон. Он так и не включил режим звонка. Опять звонила жена, но он набрал Шкадова.

– Как дела, Дима?

– Езжу тут, с людьми общаюсь. Сейчас поем и поеду дальше.

Голос Шкадова звучал весело.

– Приятного аппетита.

– Спасибо.

– Ты там давай поосторожней, и обо всем сразу докладывайся. Хотя бы тому человеку. Ты понял о ком я?

– Да.

– И еще я тебе сейчас телефон Сергеича сброшу. Тоже докладывай о своих передвижениях. Режим исключительной осторожности включаем.

– Есть у меня его телефон.

– Давай, сообщай им о своих планах.

– Слава, а ты им полностью доверяешь?

Ростислав сделал паузу.

– Сергеичу, думаю, да, – сказал он, подумав. – А тому...

Если вообще никому не доверять, нам кранты...

– Ладно, – ответил Шкадов. – Я тут и так кого-то тронул. О том, где был, вкратце расскажу. А планы... пусть сюрпризом будут.

– Ну, смотри. Только осторожнее, еще раз прошу. И еще у меня просьба будет. Но это попозже. Давай, пока по своему плану.

Русаков посмотрел на часы. Пиарщик из Москвы задерживался. Но только он успел об этом подумать, как зазвонил внутренний телефон.

– Зайди, – коротко сказал Тонковидов.

В губернаторском кабинете кроме хозяина был бритый наголо человек неопределенного возраста в сером свитере.

– Савицкий Павел Юрьевич, – представил его Антон. – Тебе, так сказать, в помощь. Специалист по пиару.

– Так точно, – радостно сказал Савицкий, пожимая Ростиславу руку. – Если нет конкретных дел, создадим пиар-отдел.

– Ну, вы, идите, поговорите, – сказал Тонковидов. – Может пиар-отдел создадите.

В кабинете у Ростислава Савицкий расположился по-хозяйски. Хорошо, что хозяина из-за стола не выгнал. Впрочем, Русаков смотрел на него со скрытой усмешкой: не таких приходилось видеть. Он даже немножко внутренне развеселился, так что и напряжение немного снялось.

– Пиар – главное в нашем деле, – поучал его Савицкий. – Все очень просто, создаете мероприятие, организовывай-

те, побольше прессы, хомячков интернетных тоже и вперед. Есть ли от этого мероприятия толк или нет – роли не играет. Заведите еще какую-нибудь хрень в какой-нибудь соцсети, и пишите там от имени первого лица про каждый его шаг. И будет вам счастье. Почему он без семьи? Нужно ее вытаскать, пусть народ на него глядит и радуется. Вот так, вкратце. Я понимаю, что ты немного не по этой части, но пиар – наше все.

– Понятно, – кивнул Ростислав. – Только у нас сложности. Кто-то мочит нас.

– В курсе, – кивнул Савицкий. – Надо бы самим их мочить, но не знаем кого? Значит, надо мочить всех.

– В смысле? – поднял глаза Русаков.

– Ну, местных. Губера бывшего. Еще кого-то. Мэра, например. Ладно, я займусь. Только мне люди нужны. Пресс-служба у вас хилая. Будем людей подгонять. А для начала хочу с ними познакомиться.

– Ну, давайте, сходим, – Ростислав поднялся со стула.

– Навестим на их рабочих местах? Ну, ладненько, – Савицкий кивнул и тоже поднялся.

Сначала они зашли к Оксане. Савицкий был весел, беспрерывно шутил и в полный белыми зубами рот улыбался Оксане. Та улыбалась тоже, но скорее сдержанно, ради протокола. Но все равно Русакову это не нравилось. Потом они зашли в общий кабинет, там были все те же.

– Кстати, – спросил Ростислав, когда руководитель пресс-

службы представила своих подчиненных. – У вас же еще один есть. Спичрайтер. Все болеет?

Оксана как-то странно глянула на него и кивнула:

– Да, еще болеет.

Ростислав обратил внимание на странность взгляда, но задуматься не дал Савицкий.

– Ребята, надо активизироваться, соцсети, о каждом чихе сообщать, пусть телик тут живет, оператора к Тонковидову приставим, все закрутится у нас, – весело и бойко говорил Павел Юрьевич. – Вы, Оксаночка, набросайте планчик к завтрашнему, скажем, утру, и мы его с вами обсудим. А Ростислав Романович пусть займется другими более важными вопросами.

Когда они шли по коридору назад, то Русаков спросил у Савицкого:

– А вы надолго сюда?

– Как дела повернутся, – туманно ответил то и пояснил. – Налажу работу прессы, может еще, кто подъедет, новая кровь нужна, эти –дохлые какие-то.

Ростислав недовольно пошевелил губами, но ничего не сказал. К счастью для него, Савицкий не стал больше доставать его своим обществом, растворился в недрах здания.

Когда Ростислав зашел в кабинет, мобильный зазвонил снова. Номер незнакомый.

– Да, слушаю.

– Это Владимир. Еронко. Помните, мы хотели встретиться-

ся.

– Помню. Кто-то точно хотел. Кто именно, не помню, – Ростислав усмехнулся.

– Ну, так я готов.

Русаков взглянул на часы, рабочий день подходил к концу.

– Хорошо. Где?

– А недалеко от администрации кафешка есть. Ваши там обедать любят.

– Кажется, знаю.

– Вы через сколько сможете?

– Через полчаса.

– Отлично. До встречи.

Ростислав подумал, ставить ли в известность Тонковидова, но решил этого не делать. Тем более, что от пиара он вроде как уже почти отстранен и общаться с журналистами – не его дело. Но вот Катину он решил все же сообщить. Набрал номер.

– Сергеич, я пошел на встречу.

– Ясно. Боссу не говоришь?

Бывший сотрудник спецслужб понимал все почти без слов.

– Нет. Не знаю реакции.

– Но мне скажи, с кем. Ситуация какая-то нервная. Провокации пошли.

– Журналист. Владимир Еронко. Хочу что-то о местной кухне узнать.

– Хорошо. Может, что и узнаешь. Но будь осторожнее. Меньше говори, больше слушай. А то мне этот клоповник нравится все меньше.

Глава тридцать первая.

Шкадов сел в машину. Он размышлял. У него было несколько вариантов дальнейших действий, и Дмитрий не знал, какому варианту отдать предпочтение. Впрочем, длилось это недолго. Бывший оперативник, а ныне частный детектив решил действовать быстро, и не откладывая ничего на потом. Тем более, что промедление было чревато... Непонятно чем, но точно ничем хорошим.

Он достал смартфон. Вот он – Ветров Виктор Геннадьевич, бизнесмен широкого профиля. Гостиница, ресторан, оздоровительный комплекс и прочая ерунда. А офис у него в торговом центре «Эверест» на седьмом этаже. «Эверест» всезнающий Интернет определял, как самое высокое здание города. Частично также принадлежащее Ветрову.

«Эверест» находился чуть в стороне от центра города. Он стоял на развилке двух широких магистралей и немного в низине. Поэтому громада его (этажей под тридцать) появилась в поле зрения, только когда машина Шкадова выехала на проспект и сделав вираж, выскочила на его широкую и прямую часть.

Войдя в здание, он небрежно показал вахтеру удостоверение и направился к лифту. Фирм и фирмочек здесь располагалось немерено и вряд ли, кто мог с уверенностью за-

метить, куда он направлялся. Компанию «Аврора», которой руководил Ветров, можно было легко опознать по большой двустворчатой двери из матового стекла и большой вывеской на ней.

Дмитрий толкнул дверь. Приемная, стойка ресепшен как в отеле с двумя девушками. Рядом за столиком бритый охранник в черном костюме.

– Добрый день! Вы к кому? – улыбаясь белоснежными зубами, обратилась к нему светловолосая девушка за стойкой.

– К Виктору Геннадьевичу, – ответил ей, также улыбаясь, Шкадов и, не останавливаясь, двинулся к еще одной широкой двери

– Вы договаривались? – автоматически, не убирая улыбки, спросила девушка. А вот охранник среагировал быстрее и вскочил, преграждая путь, но все же не рискуя идти на прямой контакт и чуть отступая вглубь.

– Московский уголовный розыск, – сказал Дмитрий, взмахнув красной книжечкой. – И заметьте, поговорить пока хочу. Только поговорить.

Он резко убрал в сторону охранника и широко шагая, двинулся по коридору.

– Подождите!!! – резко, но не очень громко сказал охранник, но Дмитрий его не слушал. Он пытался понять, где находится дверь руководителя компании «Аврора». Вот она, слева с надписью «Приемная». Шкадов толкнул ее. Еще одна приемная, не очень большая. Секретарша модельной внеш-

ности и только одна дверь. Дмитрий потянул за ручку. Двойная. Охранник почти догнал его, но Шкадов влетел кабинет и не глядя попытался захлопнуть за собой дверь, попав при этом по человеческому телу.

Сидевший за столом лысоватый круглоголовый мужчина удивленно поднял голову, снимая с носа очки:

– Вы кто?

И уже к охраннику:

– Максим, как он сюда пропал? Я никого не жду.

– Московский уголовный розыск, Виктор Геннадиевич. Разговор есть. Пока частный и без свидетелей.

Ветров на секунду переменялся в лице, взгляд стал жестким и колючим, но почти мгновенно он словно бы надел маску:

– А что врываетесь? Удостоверение-то покажите, если можно.

Дмитрий подошел поближе, раскрыл книжицу.

– Хорошо, – сказал Ветров, – Хотя ведете себя странно. Позвонили бы, предупредили. Иди, Максим, все нормально.

Шкадов уселся в кресло сбоку от стола, за которым сидел Ветров, на соседнее кресло бросил куртку:

– Хорошо, что вы поняли. Уже хорошо.

Он улыбнулся:

– Разговор у нас без протокола пойдет. Пока.

Он включил в кармане диктофон.

Ветров внимательно взглянул на Дмитрия:

– И чем обязан?

Все же самообладание у него было на уровне.

– Я расследую смерть Василия Дмитриевича Цветкова.

– Вашим коллегам я уже все рассказал.

– Вы уверены?

– В чем?

– Что все рассказали.

– Конечно.

– А рассказали, как вместе с Пласковским хотели в официанта поиграть? Или как вместе с Чигаревым к заднему входу бегали?

Глаза Ветрова сузились и снова стали колючими. От него явственно повеяло какой-то опасностью. На мгновение Дмитрию стало не по себе.

– Молодой человек, я, конечно, видел ваше удостоверение. Но, вы знаете, лучше вы меня официально вызовите...

... и предъявите обвинение. Вы это сказать хотите? – подхватил его тираду Шкадов.

– Вы меня в чем-то обвиняете? – как-то удивленно спросил Ветров. – У вас для этого нет никаких оснований.

– Если вы не виноваты, то почему не хотите говорить? Я же предупредил, что разговор неофициальный.

Ветров ухмыльнулся нехорошо, и от него повеяло кем-то другим, ни тем холемым бизнесменом, которым он был в данный момент:

– С вами, ментами, надо всегда осторожным быть. У вас

же в колоде пять тузов.

Дмитрий подумал про диктофон в кармане и невольно улыбнулся.

– Виктор Геннадиевич, вы, где срок-то мотали? И по какой статье? – сказал он.

– А вы что же досе не проглядели? Недосмотр. Судимость погашена. По малолетке практически. Все ошибались.

– И все же?

Ветров поднял голову, посмотрел внимательно:

– Все равно ж узнаете. Кражи. Квартирные. На стрёме стоял. В основном.

– Что ж, бывает. Теперь-то вы человек уважаемый. Баловаться не с руки. А вы в официанта поиграть захотели зачем?

– А вы вьедливы..., – Ветров недовольно поморщился. – Мы там шутим иногда. У кого хотите, спросите. И еще – Василий Дмитриевич – наш человек и никто из присутствующих у Григория Ивановича его смерти не хотел.

– А кто хотел?

Ветров повернулся и посмотрел в сторону:

– Нет у меня никаких доказательств, и вы ничего не докажете. Не там ищите. Кто-то посторонний там был. А потом сбежал. Охрана спугнула. Мы с Чигаревым пошли посмотреть. Другие как-то не очень поверили. Ну и мы никого не увидели.

– Он в доме, что ли был?

– Ну да, через кладовку в полуподвале пролез. Опять же

охрана потом сказала.

– Он что-то успел сделать?

– А этого я не знаю.

– Вы это кому-то говорили?

– Я – нет. Охранники возможно. Но это недоказуемо фактически. Тень какая-то. Ну, всё, – Ветров приподнялся, опираясь локтями на стол. – Больше я ничего не скажу. Можете вызывать, куда хотите.

На улице Шкадов посмотрел на часы. Время катилось к вечеру. Но он уже почувствовал охотничий азарт и от того, что дичь не давалась, останавливаться не хотел. Он снова набрал Русакова.

– Слава, у тебя еще просьба была какая-то. Готов выполнить.

– Квартирка есть непростая. Надо бы ее как-то проверить. Сможешь?

Глава тридцать вторая.

В кафе Ростислав пришел первым. Народу было немного, и он занял место за дальним столиком в углу. Отсюда хорошо просматривался весь зал. Он вспомнил, как встретил здесь Оксану вместе с ее отделом. Подумал о том, что хорошо бы было посидеть здесь с симпатичной девушкой. Пусть заведение было скромным и не пафосным, это даже лучше. А еще лучше было бы вернуться в молодость, сбросить годы и начать жизнь сначала. Мечтать дальше помешала жена. Вернее, ее телефонный звонок.

– Как дела? – сухо спросила она.

– Много работы. Причем такой, с какой раньше сталкиваться не приходилось, – честно ответил он.

– А выходные у тебя бывают?

– Не знаю. Наверно, нет.

– Завтра, например, выходной. Мог бы и приехать.

– Да? – озадаченно сказал Ростислав, – Я, если честно, и забыл.

Опять он не покривил душой и подумал в этот момент о том, что не поинтересовался у Антона, каковы планы на завтра, может быть, распорядок меняется.

Но Людмилу в Москве его расклады волновали мало.

– Дети без отца растут. Работа работой, но иногда и слово твое нужно, – сказала супруга.

– А что, проблемы? – рассеянно спросил он.

– Пока не катастрофические, но в их возрасте что угодно случается. Например...

В это время Ростислав увидел входящего в зал Еронко и помахал ему рукой.

– Извини, Люда, у меня встреча начинается. Перезвоню, – не дожидаясь ее ответа, он выключил телефон, успев вскользь подумать, что поездка в Ясноборск может преподнести ему неприятные сюрпризы в виде проблем в семейной жизни. Впрочем, он ощущал себя здесь уже оторванным от них, погруженным в иную реальность.

Между тем Еронко уже приблизился к столу.

– Добрый день, – сказал Владимир, и Ростислав приподнялся, пожимая ему руку.

Журналист сел напротив. Тотчас рядом оказался официант:

– Заказ делать будете?

Русаков на секунду задумался, а потом сказал:

– Давайте поужинаем, Владимир. На Руси без этого разговор и представить сложно.

Тот засмеялся:

– Ну, тогда и сто грамм не грех. Угостите бедного провинциального журналиста?

Ростислав посмотрел на него внимательно. Будет ли толк от этого разговора? Ну что ж... Он кивнул и сказал:

– Конечно. Заказываем.

Когда официант ушел, Русаков сказал:

– Пока мы абсолютно трезвы, мы можем начать наш разговор.

Еронко махнул рукой:

– Я готов говорить всегда. И всегда адекватен. Так что, роли не сыграет. Спрашивайте.

Ростислава его самонадеянность позабавила, но вида он не подал.

– Тогда четко формулирую вопрос. Кому невыгодно, чтобы Тонковидов стал губернатором?

Еронко стал серьезным, откинулся в кресле и почесал бороду:

– Никому невыгодно. Он не нужен местным элитам. Да, он себя ведет пока спокойно, с плеча не рубит, присматривается, но никто не знает, что будет, когда выиграет выборы. А он их выиграет почти наверняка.

– Почему вы так уверены?

Владимир посмотрел на него как на неразумного ребенка:

– Потому что на него положат весь админресурс. Дадут выдвинуться каким-нибудь коммунистам и кому-нибудь еще, они наберут по 10-12 процентов, а остальных задвинут. Схема простая. Поэтому надо ему помешать как-то до выборов. Дискредитировать, чтобы Москва его сама убрала. Желательно.

– А вы политолог, – улыбнулся Русаков.

– Я – швец, жнец, и на дуде игрец. Политолог, культуролог и криминалист. Это провинция. У нас хоть город не маленький, да и неплохой, только нормальных журналистов по пальцам одной руки. Те, что были, в столицу к вам подались за другими деньгами, а некоторые и подальше.

– А вы что не уезжаете в таком случае?

– А я ленивый провинциал, – улыбнулся Владимир. – И люблю, когда меня ужинами угощают.

– Понятно, – в свою очередь улыбнулся Ростислав, – но давайте дальше. Я вас перебил.

– А о чем мы? А...вспомнил. О том, кому невыгодно. Невыгодно многим, но в открытую никто против не пойдет. Поэтому...поэтому надо понять, кто будет молча терпеть и

надеяться, что не тронут его, а кто постарается что-то предпринять. Вы же это хотите знать.

Однако этот провинциальный журналист начинал нравиться Русакову все больше. Тем более, что был он совсем непрост. По крайней мере, вглубь вещей проникал основательно.

– Список не будет большим, а то не запомните. Мэрия, во-первых. Они только на словах самостоятельны, а сковырнуть их область легко может. А дела они проворачивают немаленькие. Все вроде законно, а если копнуть – ремонты, реконструкции, аренда.

– Сакуляк?

– Это само собой. Но есть при нем люди, которые винтики крутят. Вот они опасны. Сакуляк – чистоплюй и осторожный. Не удивлюсь, что, когда до дела дойдет, его подписи испарятся, – Еронко засмеялся. – Так вот, есть у него такой заместитель Кравцов Петр Борисович и Смирных, управделами. До мэра мимо них не пройти.

– Смирных..., – вслух произнес Русаков.

– Знаете? – поинтересовался Владимир.

– Возможно. Но вы продолжайте.

– Странные люди. Простые такие. И круг знакомств у них широкий.

Официант принес графинчик с водкой. Русаков махнул рукой, не глядя: оставляйте. Официант удалился.

– А какие у них отношения с Даниловым были? Бывшим

губернатором?

– Данилов – сбитый летчик. И он это прекрасно понимает. Он умный человек и всех своих родственников, ну и себя, по гроб жизни обеспечил. Он сейчас никуда не ползет. А с Сакуляком у них, как я понимаю, какие-то договоренности были. Пакт о ненападении. И его окружение тоже лезть не будет. Они, конечно, настороже, им Тонковидов не нужен, но двигаться себе дороже.

– А кто мог Цветкова убрать?

– Не знаю. Я же не полиция и не Ванга. Кому-то помешал. Вообще Цветков, как и Данилов, понимал, что ему уже ловить нечего. Так что, странно.

– А, скажите, Владимир, какие-то короли преступного мира у вас есть?

Журналист рассмеялся:

– Интервью какое-то. Причем, вы у меня берете. Мне даже приятно. Кстати, вопрос возник: мне от того, что я вам рассказываю, что-то будет? Я не о деньгах.

Ростислав посмотрел на него внимательно:

– Да, безусловно. После нашей победы. Вы ведь на нашей стороне?

Еронко хмыкнул:

– Не на их, это точно. Вообще-то я любую власть не люблю. Но эту больше. Надоели. Хочется новых впечатлений, новых людей. Перемен, наконец.

– Вы в них верите?

– Ну, по крайней мере, надеюсь. Ну, давайте хоть выпьем за них, а то в горле сохнет, говорю много.

– Хорошо, – кивнул головой Русаков и разлил водку по рюмкам. – За перемены.

– За перемены!

Они выпили, и Еронко сразу продолжил:

– Я понимаю, о чем вы. Ветров из этого мира. Виктор Геннадиевич. Но он очень близок с Даниловым. Да и с Цветковым был. Снабжал их, я думаю. И у него концы в воду. Депутат, тем более. Понятно, что ему не понравилась смена губернатора. Но он также понимает, что шансов посадить кого-то своего, у него нет. Кишка тонка. А вот Господин может. Господарев Виктор Иванович. Слыхали?

Русаков кивнул.

– Так вот, – продолжил Владимир, – Господарев владеет несколькими заводами и в Москве у него есть солидная крыша. Он может рискнуть, если его подтолкнут.

– Кто?

– Ну, Сакуляк, тот же, к примеру. Через своих людей. И кандидата ему могут подсказать. Но это должна быть сложная многоходовка. Потому что уже есть Тонковидов. Хотя Господарев фигура непростая. Сам кого хочешь переиграет. Его в девяностые завалить хотели, но не смогли.

Официант принес уже закуски и нес горячее.

– Я уже проголодался, – жалобно сказал журналист. – Давайте еще по рюмочке, да и закусим, а?

– Хорошо, – кивнул Ростислав, и сам почувствовал голод.

– Вот, – подхватил Владимир, – а то сытое брюхо и к разговору больше располагает.

Они еще выпили и начали есть. Впрочем, разговор не прекращался, хотя шел теперь с паузами. Русаков поглощал пищу и одновременно переваривал информацию.

– Кстати, о ваших коллегах, – сказал он. – Вы знаете о таком паблике, как «Честный Ясноборск».

Еронко кивнул.

– Кто, по вашему мнению, может быть там, скажем так, главным автором?

Владимир прожевал, запил морсом и ответил:

– Точно не знаю. Знаю, что не я. Но догадка есть.

– И?

– Есть у нас такой дедок молодящийся. Санин его фамилия. Много где работал, по причине неуживчивости долго не задерживался. Теперь фрилансит. Пишет неплохо, но злой и беспринципный. Очень на него похоже. Продаст за понюшку табака. Да и просто из-за любви к этому делу. Можете попробовать перекупить.

– Ну что ж, спасибо за идею.

В это время у Ростислава зазвонил телефон. Он взглянул на телефон. Тонковидов.

– Да, Антон.

– Куда ты пропал?

– Беседую. По работе.

– Твоей способности исчезать позавидовать можно, – врио губернатора был раздражен, что не являлось редкостью в последнее время. – Завтра в десять совещание. На работе.

– Завтра ж выходной.

– Потому и в десять. Пока.

Русаков и Еронко закончили ужин. В ожидании счета Ростислав спросил у собеседника:

– А откуда вы все это знаете? Копаете понемногу?

Еронко к концу трапезы выглядел немного расслабленно, покраснелся, говорил устало, ответил не сразу:

– Ну... вопросы задаете. Я ж журналист. Многостаночник. Там кручусь, сям, даже вопросы не задаю. Все сами...

Потом сделал паузу, добавил, подумав:

– И еще. Есть у вас там человек такой. Вилецкий. У него свои игры. И в мэрию вхож. Точно не знаю. Имейте в виду.

Когда Русаков расплатился, они вышли на воздух. На улице подморозило. Снег начал поскрипывать под ногами. Ростислав показал на такси, стоявшего напротив кафе:

– Поехали, отвезу вас. Потом себя. Устал я что-то. Но за беседу спасибо.

– Ага, – кивнул Еронко. – Только все между нами. Город маленький. Хотя все равно узнают, что мы встречались.

– Да, – кивнул Русаков, – Тем более, я говорил уже о встрече. Оксане.

Еронко помахал пальцем:

– Ее тоже надо опасаться.

– Почему? Она о вас хорошо отзывалась.

– Да, – кивнул Владимир, – Ласковое теля...

Ростиславу стало почему-то обидно, и не ответив, он пошел к машине.

Еронко ехать нужно было не близко, в новый район, но Ростислав сначала отвез журналиста, начинавшего клевать носом, а только потом поехал к себе. Выйдя из машины, набрал Шкадова:

– Ты где?

– На квартирку поехал. По твоей просьбе, – весело ответил тот. – Скоро буду.

– А я лягу поспать, – сказал Ростислав. – Буди, если что интересное.

Он и, правда, почувствовал усталость. Денек выдался нелегким.

Глава тридцать третья.

Виктор Васильевич ехал в такси на заднем сиденье. Вперед садиться не захотел. А сзади можно было развалиться, даже полулежать, что он и сделал. Чувствовал себя Санин по-прежнему не очень. И морально, и физически. Водитель пытался с ним о чем-то разговаривать, в былые времена Санин мог разговор поддержать, более того послушать какие-то байки, но сейчас не сил, ни настроения у него не было. Наконец, он добрался до дома, и с облегчением сел в лифт. Ему очень не хотелось разбираться с Альбиной, но, похоже, другого выхода у него не было. И, следовательно, нужно было

собраться. Он открыл дверь своим ключом и удивился: дома никого не было. Санин разделся, прошел по всем комнатам, но никого не обнаружил. Впрочем, вся одежда лежала на своих местах, значит, никуда Альбина не съехала. Он переоделся в старый любимый спортивный костюм и лег поверх покрывала на широкую супружескую кровать. И не заметил, как заснул.

Проснулся Виктор Васильевич от звяканья ключа в замочной скважине, стука в двери и приглушенных голосов в коридоре. Потом они переместились в зал. Слова были не различимы, но прислушавшись Санин понял, что пришла некогда его ненаглядная Альбина и ее администратор Завертайло. Он встал и вышел из спальни, прошел еще пару метров по коридору и вошел в зал.

Завертайло сидел на диване, а Альбина вышагивала по комнате, на ходу снимая кофту.

– Ну и что тут происходит, в моей квартире? – с порога саркастически спросил Санин. – Почему посторонние в доме?

– Кто посторонний? – зыркнула на него глазами супруга. – Это гость мой.

Злость (а может быть, сон) придала Санину силы.

– Это моя квартира, – твердо сказал он. – Выметайтесь. Оба.

– Я здесь живу, зарегистрирована, – ответила с вызовом Альбина. – Если ты не хочешь со мной жить, я тебя не держу.

Имущество разделим через суд.

– Какой тебе еще суд!!!??? – в голосе Виктора Васильевича прорезался металл. – Я тебя на помойке нашел, человека сделал.

– На какой помойке?! – закричала в ответ жена. – Я тебе не девка сопливая, а серьезная женщина. Моложе тебя на тридцать лет, вторую жизнь тебе дала, а то сдох бы уже без присмотра...

Молчавший до того Завертайло, вскинул руки, но так и не поднялся с дивана:

– Подождите, вы же культурные люди... Давайте как-то цивилизованно. А то соседи прибегут, полицию вызовут. Оно вам надо?

Санин посмотрел на него зло, но в голове что-то щелкнуло. «А он мне нужен, скандал этот? – подумал вдруг он. – Мало неприятностей налетело, так еще мордобой, не дай Бог, начнется. Впрочем, и уступать нельзя».

Он сел на стул возле обеденного стола.

– Ладно, – сказал Санин после паузы. – Жизни у нас с тобой, Альбина, точно теперь не будет. После твоей наглости.

Она встала перед ним, взмахнула руками, отчего грудь в тонком свитерке поднялась вверх. Санин заметил это и отвел взгляд. Потом опять взглянул на Альбину, только в глаза.

Она хотела что-то сказать, но Виктор Васильевич перебил ее:

– Садись, певица. Не на сцене. Развод так развод. Но это ж за день не сделаешь.

Жена, удивленная таким поворотом в его речах, послушно уселась рядом с Завертайло на диван. А Санин уже напряженно думал, какому адвокату он завтра с утра позвонит. Вслух же продолжил:

– Так что, давайте решим, как пока жить будем. Ты, как я понял, уходить не хочешь?

– Нет, – с вызовом сказала Альбина.

– А может у своего ...друга поживешь? – Санин усмехнулся.

– Я еще не разведен, – отведя глаза, сказал Завертайло. – В стадии развода нахожусь.

– Ладно, – миролюбиво сказал Виктор Васильевич. – Чего ж нервы друг другу трепать? Иди, милый, домой. А мы тут обсудим, что да как. В разных комнатах.

Завертайло посмотрел на Альбину. Она кивнула:

– Иди. Я думаю, Виктор Васильевич вполне адекватен. Драться на меня больше бросаться не будет

Санин оскорбился:

– Я никогда не подниму руку на женщину.

Завертайло поднялся:

– Ну, если так... Вы люди культурные, разберитесь тут пока.

– Я тебя провожу, – сказала Альбина и вышла из комнаты вместе с ним.

Санин остался сидеть. Он не слушал, о чем они говорили в прихожей, только нервно стучал костяшками пальцев по

столу.

Альбина вернулась через несколько минут, села напротив него.

– Альбина, ты не представляешь, как ты меня обидела, – начал он предательски подрагивающим голосом. – Я ведь, действительно, сколько для тебя сделал. Я тебя кормил, поил, продвигал всячески, одевал, по курортам возил. А ты? Где твоя благодарность? Ты изменила мне с этим... мелким типом, который бросит тебя в самое короткое время, найдет себе кого помоложе.

– Ты эти актерские замашки брось, не монолог со сцены читаешь, – супруга скривила губы. – Я и правда, с тобой жить не буду больше. Хватит. Я тебя где-то даже уважаю, но любви у меня к тебе нет. А жить без любви не хочу.

– А раньше была?

– Мы взрослые люди и давай оставим эти мелодраматические подробности.

– Ну, а жить-то ты где собираешься? – спросил Санин. – В родительской квартире? С ведьмой-сестрой?

– Здесь поживу пока, – ответила она. – И не надо драм. Чем меньше ты будешь на меня давить, тем меньше требований я к тебе буду предъявлять. В том числе по количеству квадратных метров.

Виктор Васильевич даже задохнулся от возмущения, но Альбина встала и махнула на него рукой:

– Я пойду, переоденусь, а потом приготовлю ужин. Могу

и тебя покормить, если не будешь скандалить.

Она вышла из комнаты, а он опять почувствовал какую-то растерянность. Словно почва уплывала из-под ног.

Поели они почти в тишине. Лишь уже допивая чай, Виктор Васильевич пожаловался:

– Вот со всех сторон у меня неприятности, а ты не то, чтобы посочувствовать, подсказать что-то, наоборот меня добить решила.

– И где же у тебя неприятности? – поинтересовалась Альбина.

– Выкидывают меня отовсюду. Считают, что время мое проходит. А это неправда, я еще на многое способен.

– А может, правда? Пора критически на себя посмотреть. Я тебе в кабинете постелю, – с этими словами она вышла из кухни.

Санин тяжело вздохнул, допил чай, немного посидел в тишине, потом поплелся в кабинет, где на диване уже были постелены свежие белоснежные простыни. Он взглянул на черный монитор компьютера и поймал себя на мысли, что ему даже не хочется подходить к орудию труда. Впервые за долгие годы Виктору Васильевичу захотелось выпить, но он пересилил себя. Заныло сердце, шумело в голове. Он вернулся на кухню, накапал в стакан корвалол, разбавил водой и выпил. Потом вернулся в кабинет, разделся и лег, даже не глядя на часы. Сон пришел не сразу, но в какой-то момент Санин все же провалился в беспмятство.

Проснулся он от каких-то непонятных звуков в коридоре. Вроде бы скрипнула дверь, потом кто-то прошел по коридору. Шаги показались мужскими и абсолютно незнакомыми. Виктор Васильевич еще в полусне нащупал в ящике стола отвертку (на всякий случай, ибо никакой серьезной опасности не ждал, привидений не боялся) и в трусах и футболке вышел из кабинета. В полутьме при слабом свете, проникавшем сюда из кухонного окна, он увидел две явно мужские фигуры.

– Эй, вы что..., – успел он только произнести, но в это время одна рука закрыла ему рот, а вторая опустила что-то тяжелое на голову. Падая, Санин успел выставить вперед руку с отверткой, и в эту же секунду свет померк в его глазах.

Глава тридцать четвертая.

Подъехав к четырнадцатизэтажному дому Шкадов задумался. Одно дело – контора, другое – частная квартира. А если привычный взмах красной корочкой не прокатит? А если кто-то захочет почитать, что там написано? Сантехником что ли прикинуться? Так, инструментов нет, да и одежда не из той оперы. Риск провалить задание был, но Шкадов решил понадеяться на импровизацию. Он оставил машину в квартале от дома и к подъезду подошел пешком. Кодовый замок не стал для него препятствием. Подошел какой-то парень, Шкадов глупо поулыбался и зашел вслед за ним.

– Вам какой этаж? – спросил он молодого человека.

– Четырнадцатый, – ответил тот и как-то грустно взглянул

на Дмитрия.

Шкадов прикинул, что пятьдесят третья квартира находится явно ниже, на этаже, примерно десятом и нажал кнопку «девять». На всякий случай. Выходя, он еще раз посмотрел на парня. Но тот был явно «в себе» и на попутчика даже не посмотрел. «Ну и хорошо», – подумал Дмитрий. Судя по номерам квартир, он не ошибся. Нужная ему квартира, действительно, находилась этажом выше. Он быстро преодолел два пролета и позвонил.

Дверь открыл высокий крупный темноволосый мужчина с небольшой бородкой. Одет он был в расшитый бордовый с золотым халат. При виде его Шкадов живо представил оперную сцену и хозяина квартиры в роли, к примеру, Мефистофеля.

– Здравствуйте, – сказал он, взмахивая удостоверением. – Я ваш новый участковый, капитан Шкадов.

Мужчина взглянул на удостоверение мельком и ответил неожиданно высоким голосом;

– Чем могу быть полезен? В связях, порочащих меня, до сих пор замешан не был.

– Вы извините, у нас к вам претензий нет. Поговорить просто нужно. Вы позволите пройти? – несмотря на извиняющийся выражения, говорил Дмитрий уверенно, зная, что такой тон действует практически на всех.

Хозяин дома поколебался немного, но все же отошел в сторону:

– Проходите.

Шкадов шагнул в прихожую. Двери в комнату были заперты.

– А можно пройти? – сказал он, снимая куртку и оглядываясь, куда ее можно повесить.

– Да, если ненадолго. Извините, жду гостей.

Дмитрий разулся и с курткой в руках шагнул в комнату вслед за хозяином. Обычная обстановка, даже немного аскетичная. Широкий диван, два мягких кресла, у окна компьютерный столик, рядом с монитором листки бумаги. Много книг на застекленных стеллажах.

Дмитрий уселся в кресло, положил куртку рядом с собой и достал блокнот.

– Фамилия, имя, отчество, пожалуйста.

– Смирных Эдуард Павлович, – ответил хозяин, откинувшись в другом кресле.

– Работаете?

– Да. Мэрия города, – Смирных ответил и посмотрел на Шкадова, словно пытался понять, произвело ли это впечатления на «участкового».

Но Дмитрий оставался невозмутим:

– С кем живете?

– Один, – ответил Смирных и, не удержавшись, задал встречный вопрос, – В разводе я. Это не запрещено?

– Нет, – улыбнулся Дмитрий.

– Тогда зачем столько вопросов? И поясните все же цель

вашего визита.

– Вы знаете соседей сверху? – спросил Дмитрий, в упор взглянув на Смирных.

– Нет, – тот покачал головой. – Это ведь человеческий муравейник. Сомневаюсь, что муравьи знают всех своих соседей.

– Они вам не докучают?

Смирных опять отрицательно покачал головой.

– Соседи по лестничной площадке жалуются, – пояснил Дмитрий. – Вот мы и выясняем, насколько они социально опасные. А вы давно здесь живете?

– Не очень. После развода, – туманно ответил Смирных и поинтересовался. – У вас все?

– Ну, хотелось бы узнать побольше о ваших соседях. Я же не чай к вам пришел пить. Вы человек серьезный, должны понимать.

– Я понимаю, – кивнул Эдуард Павлович. – Но помочь вам ничем не могу. С соседями практически не общаюсь.

В это время в домофон позвонили.

– Вот, ко мне пришли, – хозяин встал с кресла. – Я, надеюсь, что вам больше не нужен?

– Да, конечно, вы открывайте. Я сейчас запишу еще в блокнот и пойду.

Шкадов сделал вид, что усердно что-то пишет в блокноте. Смирных ничего не оставалось делать, как подойти к домофону, чтобы впустить гостя. Потом он вернулся и встал на-

против Дмитрия.

– Да, конечно, извините. Уже иду, – смущенно улыбнулся Шкадов. – Работа такая.

Он встал, поднял куртку и пошел в прихожую. Там он наклонился и начал шнуровать ботинки. Хозяин открыл входную дверь. В квартиру вошел высокий светловолосый молодой человек в очках.

– Здравствуйте, – сказал он, слегка растерянно глядя на Дмитрия.

– Это наш участковый, – с нотками раздражения в голосе пояснил Смирных. – Он уже уходит.

Шкадов распрямылся и в упор посмотрел на гостя.

– Документики предъявите, – сказал он неожиданно резко.

– Пожалуйста, – растерянно произнес тот, доставая удостоверение из кармана.

– Подождите, – сказал хозяин, – Зачем это?

Но Дмитрий уже смотрел бордовую книжицу.

– Администрация Ясноборской области. Морсков Игорь Петрович. – прочитал он вслух и протянул документ его владельцу, – Извините, у нас ориентировка была на одного мошенника. Он на вас чем-то похож. Тип лица что ли. Еще раз извините. До свидания.

На ходу Дмитрий надел куртку и вышел из квартиры. Дверь за ним захлопнулась.

Глава тридцать пятая.

Русаков приехал на работу чуть раньше назначенного шефом срока. Коридоры по случаю выходного были гулки и пустынные. Он зашел в кабинет, разделся и сел за стол, обдумывая вчерашний вечерний разговор со Шкадовым. Частный детектив проделал большую работу, но не особенно продвинулся вперед. Кто убил Цветкова – было по-прежнему неясно. Неясен и круг людей, ведущих подковерную борьбу против Антона. Вернее, предварительный круг очертить можно, но кто руководит ими – об этом можно только строить предположения. А вот фамилия Морсков, прозвучавшая в рассказе Дмитрия, его зацепила. И только здесь, в кабинете, его осенило – это тот самый спичрайтер губернатора, который, по словам Оксаны, находится на больничном. Надо срочно звонить Оксане. А на работе ли она сегодня? И можно ли ей опять же доверять? Еронко предупреждал о чем-то. Нет, надо говорить с Катиным. Он потянулся к телефону, но звонок раздался раньше. Он что, ясновидящий?

– На месте? Зайди. Нет, я сам зайду, – сказал Сергей Сергеевич.

Он показался Ростиславу сегодня каким-то суетным, что опытному советнику по безопасности было, в общем-то, несвойственно. Но когда Катин зашел в кабинет, то телефонное впечатление Русакова -то не обмануло.

Сергей Сергеевич сделал круг по небольшому кабинету, а затем рухнул в гостевое кресло. Впрочем, он быстро взял себя в руки.

– Ты новости местные смотрел? – спросил он.

– Пока нет, только собирался. Выходной, – легкомысленно ответил Русаков.

Катин посмотрел на него с недоумением, покачал головой:

– А ты знаешь, что большинство убийств происходит в выходные и накануне? – спросил он.

– Вы это к чему?

– Ночью был убит некий местный журналист Санин. Личность известная в околоторжеских кругах. Жена говорит, что была попытка ограбления квартиры.

– Санин? Да, помню. Мне говорили о нем.

– Так вот, пишут, что на него уже было нападение, а потом его вроде бы как хотели отравить.

Русаков начал вспоминать, что говорил про Санина Еренко, и ему стало не по себе.

– Плохая история, – сказал он. – Есть версия, что он мог вести «Честный Ясноборск». И как бы этот труп не повесили на нас.

– Ты начинаешь мыслить категориями черного романа, – криво ухмыльнулся Катин. – А самое плохое в этом то, что, вполне вероятно, что мыслишь ты в правильном направлении.

Их разговор прервал телефон. Помощник Тонковидова Юра напоминал, что их ждут на совещании.

В кабинете врио губернатора собрались все его замы. Тонковидов, по обыкновению последних дней, был мрачен,

смотрел в стол, но говорил довольно четко, стараясь не выдавать эмоций. Начали с текущих дел. Антон Викторович выслушал отчеты всех замов, обратил внимание на вопрос подготовки дорог к весне. Ароев обещал доложиться в течение трех рабочих дней. Затем Тонковидов напомнил, что в понедельник будет вести прием по личным вопросам. Список отобранных для доступа к телу, как выразился Антон, должен лежать у него на столе в понедельник в девять утра.

Дождавшись паузы, Катин подсунул Тонковидову на стол листок. Тот посмотрел на него, помрачнел еще больше, что-то написал сверху, подозвал Юру и дал бумагу ему. Помощник вышел.

Антон оглядел всех присутствующих и сказал:

– И последнее. С понедельника обязанности моего первого зама будет исполнять Ростислав Романович Русаков. Вы его знаете. Вы, Виктор Иванович, – обратился он к Евсину, – возвращаетесь к прежним заботам. Работы у вас хватает. Пока все. Катин и Русаков, задержитесь.

После того, как замы молча вышли, он обратился к своим соратникам:

– Я вызвал начальника УВД и руководителя следственного комитета. Посмотрим, что они скажут.

– Удивятся, что их дернули из-за какого-то журналиста, – саркастически заметил Катин.

– Ну, я их и про смерть Цветкова спрошу. Думаю, прокатит. А вообще-то, Сергей Сергеевич, это ты волну погнал.

– Боюсь, что на нас свалить могут. Есть большое подозрение, что он «Честный Ясноборск» вел.

Тонковидов замолчал. Потом сказал:

– Я понял тебя. Ощущение, что мы в тылу врага. Вам не кажется?

Все промолчали. Тогда Антон продолжил:

– Тут опять этот пиарщик просится. Ростислав, примешь его, как мой первый зам?

– Сегодня? Хорошо.

– Желательно. А то он меня загонит своими идеями.

– Так ведь, без идей предвыборную кампанию не провести, – осторожно заметил Ростислав. – И то ли еще будет.

– Догадываюсь, – махнул рукой Тонковидов. – Надо мне в кипящую воду, перевернуться три раза и выйти молодым и задорным. А то устал я что-то.

Впрочем, отдохнуть врио губернатора Ясноборской области не пришлось. Прибыли руководители силовых ведомств. Моложавый руководитель следственного комитета Мартьянов и немолодой густобровый начальник УВД Панин.

Докладывал Мартьянов:

– По делу Цветкова очерчен круг подозреваемых. Найден яд, которым отравился Цветков. Или был отравлен. Дело достаточно деликатное, среди тех, кто имел отношение к гибели Василия Дмитриевича – уважаемые люди. Мы стараемся быть осторожными, хотя, могу заверить, на решимость довести дело до конца это никак не повлияет.

– Вы не отрицаете, как я понял, возможность и того, что это был несчастный случай? – задал вопрос Тонковидов.

– Мы рассматриваем все версии, – обтекаемо сказал Мартьянов.

– И все-таки, Денис Сергеевич? – настаивал Антон.

– Не отрицаем, – кивнул головой Мартьянов.

– И второе, – продолжил разговор Тонковидов. – Сегодня ночью был убит журналист Санин. Я прошу это дело тоже взять на контроль. Недопустимо, когда так погибают работники этой профессии. Каждый раз появляются нехорошие слухи и подозрения.

– Да, – кивнул головой Панин. – Ночью произошло нападение на Санина, известного журналиста и блогера. Как утверждает жена, в квартиру проникли неизвестные, вероятно, с целью ограбления. Санин попытался оказать им сопротивление, и был убит тяжелым предметом. Скончался до прибытия «Скорой помощи».

Телефон у Русакова стоял на беззвучном режиме, и он увидел, что ему звонит Шкадов. Отвечать не стал, отправил дежурное «занят, перезвоню позже».

Тем временем Тонковидов завершил общение с силовиками еще одним грозным напутствием, после чего те покинули кабинет.

– Не верю я им, – сказал, когда дверь закрылась, Антон. – Как там, кстати, твой человек? Работает?

– Да, – ответил Русаков, – Вот что-то звонил сейчас.

– Нашел что-то?

– Да, понемногу двигается, только времени мало прошло.

– Хорошо, – сказал Тонковидов. – Я тут с бумагами поработаю, а вы идите. И самодеятельности поменьше, держите в курсе дела.

Они вышли и почти сразу Русаков набрал Дмитрия. Телефон молчал.

– Что-то не отвечает, – сказал Ростислав Катину.

Тот покачал головой:

– Может, это паранойя, но я уже сам стал ждать чего-то плохого. Хотелось бы ошибиться.

Руслан пошел к себе в кабинет. Уже через несколько минут в дверь постучали. Зашел Савицкий.

– Присаживайтесь, Павел Юрьевич! Какие думы надумали?

– Хочу для начала поздравить вас с назначением. Чувствуйте, какой рывок карьеры?

– Вы это серьезно? Или тонкий сарказм?

– Серьезно вполне. К подобным вызовам судьбы надо относиться бережно. Ну, а для меня это означает, что придется взять на себя вашу работу с прессой. Уже и мысли какие-то есть.

– И какие же?

– Надо перетряхивать и перетряхивать. Я о пресс-службе. И укреплять. Разумеется, это дело не одного-двух дней.

Ростислав подумал об Оксане, хотел аккуратно возразить,

но потом вспомнил и о Морскове и решил промолчать.

– А еще у меня к вам просьба будет, Ростислав Романович. Надо уговорить Тонковидова вытащить сюда семью. На время пока. Сделать несколько теплых семейных репортажей.

– Думаю, откажет.

В это время у Русакова звякнул телефон. Эсэмэска. Он посмотрел на дисплей.

«Я в полиции. Второе отделение. Вытаскивай. Дмитрий».

– Извините, Павел, – сказал он, пытаясь сохранить самообладание. – Срочные дела. Давайте до понедельника.

– Ну, хорошо, – тот нехотя поднялся. – Но вы же не забудете переговорить по возможности.

– Нет-нет.

Ростислав вышел вслед за Савицким. Спускаясь вниз, позвонил Оксане:

– Хотел срочно встретиться, но перезвоню попозже. Другое дело нарисовалось.

– Что-то случилось?

– Да. Позже перезвоню. Будь готова.

– Хорошо.

Затем, уже на улице Русаков набрал Катина:

– Сергеич, замели моего человека. Он во втором отделе.

Еду выручать.

– Хм... Сам справишься?

– Постараюсь. Подстрахуешь, если что?

– Хорошо. На связи.

В машине Русаков включил навигатор. Ехать довольно далеко. До реки, потом по набережной и там по узкой вязи улочек. Район незнакомый. Он повернул ключ зажигания. Несмотря на выходной день, машин в центре было немало. Ростислав нервничал, останавливаясь на светофорах. Потом поток транспорта ослаб, но и дороги стали похуже – ухабы, наледи. Здесь чистить проезжую часть мэрия очевидно считала ненужной роскошью.

Двухэтажное здание отделения полиции стояло в окружении странного конгломерата из панельных пятиэтажек и частных домов. Русаков решительно толкнул дверь и оказался в темном предбаннике. За стеклом сидел дежурный капитан с румянцем во всю щеку.

– Добрый день, – сказал Русаков, показывая удостоверение. – Заместитель губернатора Русаков.

Капитан моментально сменил позу на менее вальяжную и убрал расслабленность в глазах:

– Слушаю вас.

– Вы задержали моего знакомого Шкадова Дмитрия Андреевича. В чем причина? Могу я говорить с вашим начальством.

– Минутку, – сказал капитан и начал крутить диск телефона. Переговорив с кем-то, он положил трубку и снова попросил Русакова показать ему удостоверение. Покрутив его несколько секунд, сказал кому-то вглубь помещения:

– Проводите к начальнику.

Рослый и такой же румяный сержант появился откуда-то сбоку. Русаков за ним прошел на второй этаж и через пустую приемную зашел в просторный кабинет.

Сидевший за столом подполковник, в отличие от своих подчиненных, был худ и бледен. Узкие глаза смотрели колюче и настороженно. Тем не менее, он был вежлив и предупредителен.

– Подполковник Чумак, – представился он, привстав.

– Русаков Ростислав Романович, – Ростислав протянул подполковнику руку, широко улыбаясь. – А вас по имени отчеству?

– Сергей Николаевич.

– Так вот, Сергей Николаевич, – начал Русаков, – мой хороший знакомый, ваш коллега Дмитрий Андреевич Шкадов, был сегодня задержан вашими людьми. Думаю, это недоразумение. Он приехал ко мне в гости.

Ростислав опять широко улыбнулся.

– Ваш гость, – ответил Чумак, – ездит по приличным людям. Врывается в кабинеты, задает разные вопросы, оказывает сопротивление сотрудникам охраны, выполняющим свои прямые обязанности. А главное, козыряет тем, что он сотрудник МУРа. Между тем, как мы выяснили, он уволился из органов. Как вам это?

– Честно говоря, не знаю, – пожал плечами Русаков. – Знаю, что он имеет отношение к правоохранительным органам. Мне он не подчиняется и не подчинялся. Человек по-

рядочный.

– В любом случае, есть заявление и нам надо провести проверку, – сказал подполковник.

– А генерал Панин в курсе? – в упор спросил Ростислав. Глаза Чумака забежали, а губы плотно сжались. Потом он с усилием их разжал:

– А причем тут генерал? Такие вопросы мы решаем самостоятельно.

– Тогда я вынужден буду поставить его в известность.

– Зачем беспокоить человека?

– Тогда я предлагаю другой вариант: вы выпускаете Дмитрия Андреевича, а потом проводите проверку. Он, ручаюсь, никуда не убежит.

Подполковник задумался, пожевал губами, потом сказал:

– Тогда подождите, пожалуйста, внизу. Буквально пять минут. Я вызову своих сотрудников, и мы решим, насколько возможно сделать, как вы предлагаете.

Сержант, ожидавший в приемной, опять отвел Русакова вниз, и Ростислав уселся на твердый деревянный диванчик. Ждать пришлось поболее обещанных пяти минут. Русаков представлял, как все это время худой подполковник висит на телефонах, чувствуя себя между двух огней. Наконец, минут через пятнадцать, из двери показался Шкадов. В дежурке он подписал еще какие-то бумаги, и лишь после этого они вышли на свежий воздух.

– Ну что, герой, где прокололся? – спросил Ростислав.

– Во-первых, спасибо, что выручил. Быстро получилось.

– Сам не ожидал.

– А прокололся... думаю, вчера в квартире, что ты мне посоветовал. Сегодня решил Чигарева навестить. Азарт, мать его... Скромная оптовочка, возле какого-то картонного заводика, но сначала охранник налетел, потом менты. Коллеги, так сказать... Крутили так-сяк, потом на трое суток задержали. Хорошо, что успел тебе сообщение скинуть. Потом телефон изъяли.

– Вернули хоть?

– Вернули. И вообще вежливы были. Опасаются нас все же. Но это ничего не значит.

– В смысле?

– Любая провокация возможна. Играем-то на чужом поле. Надо срочно на связь с местными выходить, кому доверяем. У меня есть этот Семен. Мы ему доверяем?

Русаков подумал про Оксану и вздохнул:

– Наверно.

Потом сделал паузу:

– Давай-ка передохнем. Время обеда. А потом снова в бой.

Они сели в машину.

– Сейчас куда-нибудь пообедать заедем. Лучше в центр, в людное место.

– Поехали, – кивнул Шкадов, – А пока до людного не доехали, я проверю, не следят ли.

Они покрутились по узким улицам, потом выехали на набережную.

– Следят, – спокойно сказал Дмитрий. – На маленькой черной машинке.

– И что?

– Ничего пока. Поехали обедать.

Глава тридцать шестая.

Антон Тонковидов посмотрел на большие часы, висевшие на стене напротив стола. Время послеобеденное. Выходной. Можно ехать отдыхать. Ну, или хотя бы обедать. Зазвонил селектор. Мучавшийся в приемной помощник Юра, наверное, хотел отпроситься домой. Однако, Антон не угадал.

– Тут Савицкий. Павел Юрьевич. Зайти хочет.

Тонковидов снова взглянул на часы.

– Ладно, пусть зайдет быстро, – сказал он.

– Павел Юрьевич, у меня времени немного, – сказал он.

И я вас просил через Русакова работать.

Савицкий плюхнулся на стул и извиняюще поднял вверх руки:

– Да он убежал куда-то, а дело вас касается, пиара вашего. Я совсем коротко. Нам надо, чтобы вы привезли сюда на пару деньков семью. Нужно сделать несколько сюжетиков для телевидения.

Тонковидов внутренне сморщился, но виду не подал:

– Вы уверены, что это хорошая идея? Лично я – нет. Занятость большая, обстановка нервная.

– Вы поймите, Антон Викторович, нам надо усилить работу над формированием вашего имиджа. Приедут мои специалисты, помогут.

– Мне бы не хотелось...

– Надо, Антон Викторович, надо. И с Юрием Ивановичем согласовано, – Савицкий аж покраснел от собственного напора.

– Я обдумаю. Это – единственное, что могу вам пообещать, – сказал Антон и отвернулся к окну, всем своим видом показывая, что аудиенция окончена.

– Хорошо, – сказал Савицкий, поднимаясь, – Спасибо за понимание.

Тонковидов не ответил. Дождался, когда визитер выйдет и позвонил Катину:

– Сергеич, поехали, пообедаем. Только место в центре выбери, посветлее и попримечнее.

Катин не удержался от смешка.

– Хорошо, – сказал он. – Охрану не берем?

– Тебя достаточно, – сухо ответил Тонковидов, – Три минуты на сборы и выяснение маршрута.

Они приехали в ресторан «Форум». Он помещался в помпезном здании гостиницы сталинской постройки в центре города, в паре кварталов от администрации. Время было пограничным: обеды закончились, ужины не начались, поэтому людей было немного.

Они не успели даже сделать заказ, как у Тонковидова за-

звонил телефон. Номер столичного куратора вызвал у Антона нечто вроде легкой зубной боли.

– Слушай, Антон, нужно тебя пиарить. Семейные ценности и так далее. Ты же понимаешь? Павел – человек в этом деле опытный. В пределах его компетенции пусть подсказывает.

– Понятно, Юрий Иванович.

– Хорошо, что понятно. Ты не паникуй, мы отсюда все видим и все держим под контролем. Так что, договаривайся с семьей насчет приезда.

– Хорошо.

– И веселей, а то что-то мне голос твой не нравится.

Тонковидову очень не хотелось звонить жене, но он заставил себя сделать это. Тамара, как всегда была занята и его предложение, тоже как всегда, встретила с неудовольствием. Впрочем, Антон понимал, что в ней борется два чувства: нежелание ехать в провинциальный город, да еще с дочерью и необходимость помочь мужу одолеть новую ступень в карьере. Она все же человек долга.

– Хорошо, – сказала она, наконец. – Я разберусь с делами и мы с Полиной приедем. В понедельник вряд ли, скорее во вторник.

– Скажи, Сергеич, – обратился Антон к Катину, закончив разговор. – А бывают счастливые семьи?

– Бывают, – ответил он, – У меня, например.

– Ты никогда об этом не рассказывал.

– А вы и не спрашивали. Как, впрочем, и я вас.

– Тогда давай напьемся. Или хотя бы выпьем за семейное счастье.

– Вы водителя отпустили, – напомнил Катин. – Поэтому я за рулем.

– Вызовем.

– Думаю, не стоит. Мне лучше быть в хорошей форме.

– Что ж, – грустно сказал Тонковидов, – напиваться не будем. Но я выпью немного. Культурно. Тем более, я ж почти губернатор. Мало ли кто за нами наблюдает? Так? Ну, где официант?

Официант появился как из-под земли. Каждый заказал по полноценному обеду с первым, вторым и третьим. Чуть поколебавшись, Тонковидов добавил сто пятьдесят грамм водки.

Ну что за доза для взрослого мужчины? Так, для аппетита, – словно оправдываясь, сказал он Катину. Тот промолчал.

Водку принесли раньше еды. В небольшом изящном графинчике. Антон налил себе рюмку и выпил залпом. Отломал кусочек хлеба, пожевал его. Ему стало теплее и вроде как немножко легче.

– Помогает, – сказал он Катину. – Вроде и не пью почти, а иногда надо.

– Наверно, – кивнул тот. – Иногда можно.

Принесли салат, потом первое. Тонковидов выпил еще рюмку. С удовольствием окунул ложку в тарелку с борщом.

Готовили здесь, действительно, неплохо. Они не спеша поели. Антон долил содержимое графина в рюмку и с грустью посмотрел на пустую тару.

– Всё, – сказал он сам себе с сожалением и опрокинул рюмку.

В ожидании чая Катин обвел зал глазами. Постепенно здесь стали появляться люди. На одном из столиков он задержал взгляд.

– Видите, вон там, в углу, – сказал он Тонковидову. – Валентина Викторовна, ваша заместительница.

– Ага, – засмеялся Антон. – По социалке. Решает социальные вопросы.

– Может, муж, – осторожно сказал Катин.

– А сейчас выясним, – сказал Антон и встал из-за стола.

– Антон Викторович, может не надо, – встревоженно попытался возразить Сергей Сергеевич.

– Спокойно, Сергеич. Я буду вести себя очень культурно, – сказал врио губернатора и пошел по направлению к дальнему столику.

Напротив Савельевой сидел приятный мужчина лет пятидесяти с небольшим, с легкой сединой в коротком темном ежике. Когда он увидел Тонковидова, глаза его удивленно расширились. Савельева наоборот расплылась в улыбке:

– Антон Викторович, какими судьбами? Присаживайтесь с нами.

– И присяду, – сказал Тонковидов. – Приятно видеть вас,

Валентина Викторовна в нерабочей обстановке.

– Знакомьтесь, – сказала Савельева. – Чигарев Валерий Григорьевич, бизнесмен, наш активный меценат и спонсор, большой любитель искусства.

– Очень приятно, – сказал Антон, пододвигая кресло. – Чем занимаетесь, Валерий Григорьевич, кроме меценатства?

– Торгую понемногу, – ответил тот. – Продукты питания, стройматериалы.

– Ну, это только способ зарабатывания денег, – улыбнулась Валентина Викторовна. – На самом деле Валерий Григорьевич – большой любитель искусства. Мы как раз обсуждали вопрос проведения в нашем городе музыкального фестиваля.

– Стало быть, у вас деловая беседа? – улыбнулся Тонковидов. – Я вам не помешал?

– Нет, конечно, – сказала Соловьева, – Хотите принять участие в обсуждении? Мы будем только рады.

– Нет, – покачал головой Антон. – Рабочие вопросы в рабочее время. Давайте лучше выпьем с вами.

– Я смотрю, вы не один, – заметила Савельева. – У вас не будет проблем?

– Шутите? – засмеялся Антон. – Хотя... сделаем так... Выпьем, а потом...потом пригласим Сергея Сергеевича к нам.

– Конечно, – кивнул Чигарев. – Я угощаю. От коньяка не откажитесь?

– Нет, – сказал Тонковидов. – Но имейте в виду, чисто символически.

Коньяк на столе появился почти мгновенно. Они выпили по рюмке за дальнейшее сотрудничество власти и бизнеса. Антон был почти трезв, зато ему стало хорошо на душе, тревоги и проблемы последнего времени куда-то улетучились. А еще он обратил внимание на то, какая симпатичная белокурая и белокожая женщина сидит рядом с ним. «Сколько ей, – начал вспоминать Тонковидов, – Где-то лет сорок пять. Почти ровесница. И чем она хуже молодых? Той же Алины?». На секунду ему стало грустно, он подумал о молодых годах, когда был слишком робок с женщинами, потом о времени, когда был почти верен Тамаре. Впрочем, грусть эта исчезла быстро, а на ее место пришла веселая ярость. Он махнул рукой, подзывая Катина.

Тот подошел. Поздоровался, присел, но смотрел настороженно.

– Не переживайте так, Сергей Сергеевич, – заметил Тонковидов, глядя на него. – Это Валентина Викторовна, вы ее знаете, а это Валерий Григорьевич – местный известный предприниматель. Мы сейчас посидим с ними немного, поговорим в неформальной обстановке, наладим, так сказать, мосты взаимопонимания.

– Хорошо, – кивнул Катин, – Как скажете, Антон Викторович.

Но по его внешнему виду было заметно, что он не очень

рад этому неформальному общению.

Савельева внимательно смотрела на Антона. Потом неожиданно спросила:

– А вы, действительно, хотите наладить мосты, Антон Викторович?

– Вопрос, конечно, интересный, – засмеялся Тонковидов. – Это моя основная задача. И в глобальном смысле тоже.

– Тогда у меня есть предложение, – сказала она. – Мы сейчас поедem в одно место и пообщаемся с одним человеком. Это будет для вас очень полезным знакомством.

Предложение это, судя по всему, стало неожиданностью для всех. Чигарев заметно заволновался, заерзал в кресле, Катин недовольно пошевелил губами. А Антон почувствовал какой-то азарт. Хотя возможно сыграло роль выпитое спиртное. Так всегда бывало с ним после нескольких рюмок. Появлялся какой-то кураж. Только в какую сторону – плохую или хорошую он его вынесет – было неизвестно. Впрочем, Тонковидов сейчас об этом и не задумывался.

– Поехали, – сказал он.

– Только, извините, я позвоню и предупрежу. И не волнуйтесь, – тонко улыбнулась она. – Вам ничего не угрожает.

– Я не боюсь, – Антон покачал головой. – И Сергеич со мной. Он и с батальоном тонтон-макутов справится.

– Это лишнее, – вставая, сказала Валентина Викторовна. – Буквально одну минутку.

Она вскоре вернулась.

– Можем ехать, – сказала она. – Валерий Григорьевич, отмени, пожалуйста, заказ.

– Вы даже не поели? – спросил удивленно Тонковидов.

– Мы не голодные, – улыбнулась Савельева. – Да и накормят нас вскоре.

Они вышли и расселись по машинам. Антон сел рядом с Катиным в свою, а Савельева уселась за руль красной «Мазды». На соседнее сиденье сел Чигарев. Катин немного удивился:

– Валентина Викторовна, вы же вроде выпили?

– Вы думаете, что меня здесь кто-нибудь остановит? Да и доза-то чисто символическая. Так что, спокойненько двинулись. Мы – впереди, а вы за нами.

По мере того, как они ехали, Катин мрачнел все больше. Он молчал, только косился на Антона. Того в машине немного разморило, и он расслабленно прикрыл глаза и откинулся на подголовник. Наконец, Сергей Сергеевич не выдержал и сказал:

– Рискованная затея. Зря мы поехали.

Тонковидов улыбнулся, не открывая глаз:

– Вот, не поверишь, Сергеич, ждал, когда ты ныть начнешь. Не надо ничего бояться. Мы здесь – главные и пусть они нас боятся.

Катин замолчал, только покачал головой. Они переехали мост через речку, потом миновали улочку частных домов и неожиданно свернули в лес. Стемнело, и в зимнем лесу было

неуютно, черные ветки нависали над узкой дорогой. Но деревья закончились так же неожиданно, как и начались. Они подъехали к двухэтажному дому на краю леса. Ресторан «На опушке» светилась надпись на здании.

– Хорошо у них тут с ресторанами. И морские, и лесные, – заметил Антон, когда они вышли из машины. Он приостановился, и, наклонившись, взял в руку немного снега, сжал его в комок и протер виски.

– Голова что-то побаливает, – пояснил Тонковидов и добавил. – Сейчас вздохну поглубже, и пройдет. Савельева и Чигарев уже вышли из машины и ждали их чуть поодаль. Заместительница губернатора в распахнутой светлой дубленке и в сапогах на высоких каблуках нависала облаком над темной фигурой в черном пальто.

Они зашли в помещение. В холле царил полумрак. На стенах висели неяркие светильники, стилизованные под свечи. Их встретил высокий парень в темном костюме при галстуке и с бритой головой. Говорил он, впрочем, очень учтиво:

– Добрый вечер. Мы рады приветствовать вас в нашем ресторане. Я провожу вас.

Они поднялись наверх, и зашли в небольшое помещение, где сняли верхнюю одежду. В следующей комнате стоял длинный узкий стол, накрытый белой скатертью. Из комнаты куда-то вели еще две закрытые двери.

– Располагайтесь, пожалуйста, – сказал сопровождающий и исчез за одной из дверей. Они только успели сесть за вы-

сокие стулья с резными спинками, как дверь снова распахнулась, и из нее появился плотный мужчина среднего роста в черном пиджаке и белой рубашке без галстука. Антон посмотрел на него внимательно: невысокий, но широкий лоб с большими залысинами, сплюснутый боксерский нос, небольшие глаза-буравчики смотрели пронзительно.

– Добрый вечер, – сказал он негромким хриловатым голосом. – Рад вас видеть здесь. Для тех, кто меня не знает, хочу представиться. Господарев Виктор Иванович.

За столом воцарилось молчание. Его прервала Савельева:

– Господа, Артем Викторович, ну что за столбняк на вас напал. Вас все же в гости пригласили...

– Да, – кивнул, наконец, головой Тонковидов. – Очень приятно. Тонковидов Антон Викторович.

Он протянул руку Господареву, но с таким видом будто ел лимон.

– Сергей Сергеевич, – сухо представился Катин.

Господарев пожал протянутые руки и невозмутимо сел во главе стола.

– Я понимаю, что возможно вы что-то слышали обо мне и не очень лестное, – сказал он. – Но это все неправда. Не надо доверять болтунам.

Он щелкнул пальцем, из двери появился помощник.

– Володя, зови официанта. Мы, как русские люди, выпьем, поедим. Ну и поговорим.

Володя исчез.

– Да мы только что поели, – заметил Тонковидов. – Это вот Валентина Викторовна со своим спутником голодны очевидно.

Антон подумал, что негоже ему, руководителю региона, робеть перед кем бы то ни было и продолжил:

– Мы о вас не слишком много знаем. Так что-то говорили, фамилия звучала. Поэтому можно и поговорить, поближе познакомиться.

Катин неодобрительно покосился на своего шефа, а Господарев коротко хохотнул:

– Вижу государственный взгляд. Любое новое знакомство полезно, неизвестно как жизнь может обернуться.

Тем временем появился официант. Господарев коротко сделал заказ, звучавший примерно так: «выпить и закусить».

Коньяк, вино, минералка, а также фрукты, мясная и рыбная нарезка, красная и черная икра появились быстро. Официант разлил по рюмкам и фужерам все, что пожелали гости. Только Катин предпочел минералку. Хозяин стола это заметил, но ничего не сказал. Сергей Сергеевич тоже засек его взгляд, но вида не подал.

– Ну что ж, – сказал Виктор Иванович, – давайте выпьем за знакомство, надеюсь, приятное. Все выпили, закусили, и Господарев сделав паузу сказал:

– Понятное дело, вы не ожидали здесь оказаться. Да и я не ожидал. Но спасибо Валентине Викторовне, которая ненароком организовала такую случайную встречу. Или неслучай-

ную?

– Да, нет, Виктор Иванович, все совершенно спонтанно получилось, – возразила Савельева.

– Спонтанно? Ну, может, – Господарев не стал спорить. – Я вот что сказать хочу. Представиться что ли. Вас я знаю, а вы меня – не особо. А что знаете, может и неправильно. Слухи про меня разные распускают. А я честный бизнесмен, который исправно платит налоги, да еще и денежку на благо нашего города и региона отстегивает. А надо мне только одно, чтоб не мешали.

– А что? Мешают? – спросил Тонковидов.

– Антон Викторович, я хочу, чтоб вы меня правильно поняли. Я у вас ничего не прошу, а что дружить хочу – это ведь бескорыстно. Тем более, пока я могу быть вам больше полезен, чем вы мне. Ну, а мешают или нет... Так у нас любой бизнес под колпаком разных служб. Проверяли и проверяют. Ну, любят они это дело. Отвлекают, конечно. Но работа у них такая. Недружелюбная. А давайте за дружбу выпьем. Ну и закусывайте, а то скажете, что Господарев вас спаивает.

Действительно, после следующей рюмки Антон понял, что немного поплыл. Он собрал все силы, закусил соленой рыбкой и глубоко вдохнул. Сидевшая напротив него Савельева взглянула на него и встревоженно произнесла:

– Антон Викторович, вам нехорошо?

– Нормально. Но я бы полежал.

Катин всполошился:

– Антон Викторович, нам надо бы с вами ехать. Я вас отвезу.

– Не надо ему никуда ехать. Здесь есть все условия, – твердо сказал Господарев. – Немного полежит. На всякий случай, пусть доктор посмотрит. У меня есть такой специалист.

– Я возражаю, – сказал Сергей Сергеевич резко. – Я сейчас вызову охрану, и мы поедem.

– Извините, но я хочу по-хорошему. Послушайте меня, – твердо, глядя прямо в лицо Катину сказал Господарев. – Я даю гарантии, что с господином Тонковидовым ничего не случится. Я – не самоубийца, чтобы допускать здесь что-то подобное. Вам понятно?

Обстановка накалялась. Катин нервно размышлял, что ему делать. Если дело дойдет до открытого противостояния, то ему придется несладко. Вернее, у него не будет никаких шансов. Но ситуацию разрядил сам Антон.

– Извините, друзья, – сказал он, – но я еще жив. И могу сам распоряжаться собственной судьбой. Да, я немного полежу, а потом... потом решим.

– Ну вот, – усмехнулся Господарев, – ситуация разрешилась. Не так ли?

– Но я буду с ним, – отрезал Катин.

– Я не возражаю. Володя, отведи гостя.

Опять появился помощник. Господарев что-то негромко сказал ему и через секунду появился еще и охранник. Антон встал и пошел вместе с двумя крупными фигурами в черных

костюмах, чуть поддерживающими его. Они вышли в другую дверь, прошли по короткому коридору, потом повернули в другой и через тамбур зашли в комнату, по виду напоминавшую приличный гостиный номер. Тонковидов прямо в костюме и обуви улегся на кровать. Катин сел в кресло.

– Доктор сейчас придет, – сказал Володя.

И, действительно, минуты через три в номере появился невысокий улыбчивый молодой человек с чемоданчиком. Он помог Антону снять туфли, пиджак, измерил давление, послушал, а потом сказал, обращаясь, скорее, к Катину:

– Ничего страшного, переутомление, спиртное, слегка подскочило давление. Конечно, лучше бы ему отдохнуть день-другой-третий, но я сейчас дам таблеточку и пусть наш пациент немного поспит. Часа два максимум. Хорошо?

– Пациент..., – недовольно пробурчал Антон. – Надо же...

– А что за таблетка? – настороженно спросил Сергей Сергеевич.

– Ничего сверхъестественного и, тем более, опасного. При вас достаю пластинку, и если хотите, могу выпить одну таблетку. Хотя мне это ни к чему, – так же, улыбаясь, сказал доктор.

– Не надо, – хмуро ответил Катин.

Доктор достал таблетку, Антон положил в рот и запил из стакана, который подал помощник Господарева. Оставшуюся воду, тот демонстративно вылил в себе в рот. После чего сказал:

– Если доктор не возражает, то мы сейчас покинем Антона Викторовича. Кирилл будет дежурить у дверей, а с вами Сергей Сергеевич хотел бы поговорить Виктор Иванович.

– Иди-иди, Сергеич, – опять подал голос Антон. – У нас, похоже, нет выбора. А я тут чуток поваляюсь.

Опять путь по коридорам второго этажа. Здание изнутри, казавшееся совсем небольшим, внутри оказалось неожиданно запутанным и извилистым. За одной из дверей оказался кабинет, скромный и деловой.

– Понимаю, что вы могли про меня слышать, – сказал Господарев, когда они расположились на креслах напротив друг друга. – Бандит и все такое прочее.

– Скажете, что это неправда? – улыбнулся Сергей Сергеевич.

– Не хочу даже комментировать, – пожал плечами хозяин кабинета. – Хочу сказать о другом. Я один из немногих влиятельных людей в городе, да и регионе, который вам – не враг. У меня свой бизнес, и можете смеяться, но я его веду честно. Раньше бывало всякое, а сейчас я равноудален от всех группировок. Понятно, что и у меня есть везде свои люди, ну хотя бы, чтобы владеть информацией. Но вы меня не трогайте и я вас не трону. Так и живу. Могу помочь, если попросят, но не больше. А еще не лезу в депутаты и так далее, как Ветров, например. Я мало управляем. А слухи... пусть боятся. Это даже хорошо. Доступно объяснил?

– Вполне.

– А я уже боялся, что можете не понять, – Государев вроде как шутил, но в то же время достал платок и промокнул лоб. А может, просто в кабинете было жарковато.

– Ну, вот и донесите это при случае своему шефу, – продолжил Виктор Иванович. – Более того, я могу быть вам полезен.

– А мы вам?

– Не исключаю.

– А можно несколько вопросов? – спросил Катин.

– Попробуйте.

– Вы сказали про группировки. Можете поподробнее?

– Как минимум, их две. Мэра Сакуляка и бывшего губернатора Данилова. Вторая вроде бы попритихла, но сидит в засаде.

– А Савельева и ее друг? Чигарев, кажется. Это ваши люди?

– Ну, можно и так сказать, – усмехнулся Господарев.

– И еще. Кто, по-вашему, мог убить Цветкова?

– Но вы и вопросы задаете, – скривился Виктор Иванович. – Я знаю, конечно, что вы из органов пришли, но стоит ли это ворошить? Я тоже не следственный комитет. У них поинтересуйтесь.

– А кто мог?

– Не знаю. Догадываться можно, но это все вилами по воде. Версия на поверхности, что кто-то из компании Сакуляка. Но, не думаю. Они, скорее, вашего шефа бы убили.

Увидев побледневшее лицо Катина, Господарев рассмеялся:

– Это шутка. Серьезно я такого говорить бы не стал. Даже если бы что-то и знал. Мне это неинтересно. Меня не трогают и ладно. Но я хочу вам сказать: нужна будет конкретная поддержка – обращайтесь.

Он протянул Катину визитку.

– Если вопросов больше нет, то я вас больше не задерживаю. Вы верите, что с вашим шефом ничего здесь не случится?

– Не до конца.

– Плохо. А ему нужно еще немного отдохнуть. Что делать будем?

– Не знаю.

– Бильярд, сауна, бассейн, массаж, девочки? Чтобы время провести.

– Ничего не надо.

– Тогда сейчас вас отведут в номер. Отдохните, телевизор посмотрите, не знаю, что еще вам предложить...

Катин чувствовал себя в не очень удобном положении. Бросать Тонковидова он не мог, Господареву не доверять причин не было. Но то, что предлагалось ему, было похоже на некий арест. Хотя с другой стороны, его никто и не держал. Лучше было согласиться, что он и сделал.

– Хорошо. Под ваши гарантии.

– В номере звонок, если что. Когда Антон Викторович от-

дохнет, мы вам сразу сообщим.

Глава тридцать седьмая.

Никита Брагин несколько дней проболел. Простуда все же одолела его. Наконец, он почувствовал себя нормально и позвонил Ажевскому, чтобы сказать, что он готов приступить к работе. Однако, коллега отреагировал неожиданно:

– Зачем до завтра тянуть? Встретимся сегодня вечером.

Никита удивленно замолчал. Ажевский засмеялся:

– Работать не будем. У моей новой девушки, Сабины, сегодня День рождения. Мы собираемся в клубе «У Бегемота». Приходи, развеешься.

Никита не был большим любителем ходить по клубам, однако именно сейчас почувствовал прилив сил и желание выйти в люди, поэтому согласился.

На вывеске клуба красовался веселый бегемот, а на входе стояли охранники с лицами очень похожими на это самое животное и с настороженными взглядами. Никиту с букетом гербер они проверили на наличие оружия и вообще каких-либо металлических предметов. После этого пропустили, но недовольство с лиц так и не ушло.

Внутри была полутьма и мелькающие световые лучи. Музыка пока еще звучала негромко. Ажевский с компанией уже заняли столик и, увидев Никиту, призывно замахали руками. Денис представил ему Сабину и двух ее подружек – темненькую Кристину и светленькую Эллу. Никита вручил букет имениннице и сел между двух ее подружек.

Было в меру весело. Они пили коктейли, о чем-то пытались разговаривать, пока музыка не стала громче. Никита не был большим любителем подобных мероприятий, но постепенно раскрепостился и стал думать, кому ему выбрать для дальнейшего времяпрепровождения – Кристину или Эллу. Благо, обе бросали на него взгляды, которые вполне можно было истолковать, как зазывные.

Потом все вместе они пошли танцевать и Никите даже удавались некоторые разудалые движения, которые очень веселили девушек. Правда, недавняя простуда еще давала о себе знать, и он стал уставать. Выбрав момент, Никита выбрался из тесного круга танцующих и уселся на первое попавшееся подходящее место. Это оказался высокий табурет у барной стойки.

– Что-нибудь закажете? – поинтересовался оказавшийся тут как тут бармен.

Никита хотел отказаться, но все же передумал и сказал:

– Что-нибудь безалкогольное.

– Одну минутку, – ответил бармен и действительно очень быстро смастерил ему некое приятное слегка мятное питье в высоком бокале с трубочкой.

Никита расслабился, потягивая прохладный напиток, как вдруг сквозь громкую музыку, услышал знакомый голос:

– Брагин! Вот так встреча!

Он повернул голову и увидел Алину. Девушка улыбаясь, подошла поближе. Она была одета в короткое платье с от-

крытыми плечами, по которым плясали веселые блики светомузыки.

– На день рождения пригласили, – немного растерянно и невпопад ответил Никита.

Алина уже уселась на табурет рядом с ним.

– Ну да, я же знаю, что ты по таким заведениям не любишь ходить, – сказала она. – Но я все равно рада тебя видеть. Угостишь или самой придется заказывать?

– Угощу. Но заказывай сама, – улыбнулся Брагин. Он понемногу приходил в себя.

Бармен уже стоял рядом. Алина заказала какой-то напиток и продолжила разговор:

– Ну, рассказывай, что у тебя нового в жизни. Девушку себе нашел?

– Не искал даже, – ответил Никита. – Но я подумаю. А вообще-то времени немного прошло. И ты так внезапно исчезла.

– Забудь, – она махнула рукой и потянула принесенный коктейль. – Мы вообще ветреные существа.

– Как скажешь, – Никите даже стало весело, и он вдруг понял, что уже не переживает их разлуку, хотя видеть ее ему было приятно и сейчас.

– Ты с кем здесь? – спросил он.

– Ой, в жизни происходит так много интересного. Ты представляешь, – Алина даже повертела головой, чтобы убедиться, что их никто не слышит, – у меня появился взрослый

и серьезный поклонник. В такие места он не ходит, поэтому здесь я с подружками. Но его человек, а может и не один, приглядывает, чтобы со мной ничего не случилось.

– Ко мне не заревнует? – поинтересовался, улыбаясь, Никита.

– Ну, не знаю, – засмеялась она. – Таких случаев не было. Тем более, здесь мужчин много. Мало ли с кем я могу поговорить. Главное, не уехать с кем-нибудь из них. А хочешь, я тебя с кем-нибудь из подружек познакомлю?

– Спасибо. У нас своя компания. Боюсь, что меня уже потеряли.

– Аналогично. Допиваю коктейль и расходимся. Была рада тебя видеть. Хорошо, что ты меня не ищешь. И не надо.

Она допила коктейль, Никита расплатился, и они, попрощавшись, разошлись по своим компаниям. В мигающем полумраке он даже не увидел, куда ушла Алина. Людей было много, и она мгновенно растворилась в этой массе.

Ажевский сидел за столиком один.

– А куда девушек дел? – спросил Никита.

– Увидели, что тебя нет, и им стало скучно. Шучу. Носики, так сказать, попудрить пошли. Сейчас придут, и мы с тобой отлить сходим. Не возражаешь?

– Нет. Пора уже.

Девушек пришлось подождать еще несколько минут. Когда они пришли, кавалеры отправились в туалет. Путь к нему вел через полутемный коридор и двери с заветными буква-

ми находились в самом его конце, рядом с запасным выходом. Сделав свои дела, Никита мыл руки. Ажевский слегка задерживался, предварительно предупредив своего друга о том, что у него немного схватило живот. Внезапно в зеркале Никита увидел хмурое мужское лицо и почувствовал руку на своем лице. Он обернулся. Парень в темном свитере был угрюм, но разговаривал довольно вежливо:

– Извините, молодой человек, нам надо с вами поговорить.

– Говорите, – Никита пожал плечами.

– Не здесь. Давайте выйдем.

– Ну, давайте.

Никита посмотрел в сторону кабинок. Ажевского все еще не было. Он пошел вслед за парнем. В коридоре тот приостановился и пропуская Никиту вперед, показал на запасной выход:

– Вот туда.

Они вышли на улицу. Было довольно неприятно и ветрено. Откуда-то появился второй парень – невысокий и плотный.

– Ну что? – спросил Брагин, поворачиваясь к ним. – Давайте побыстрей, а то здесь не очень тепло.

– У меня один вопрос, – раздался голос сзади, и Никита повернулся. – О чем вы разговаривали с девушкой?

Крупный мужчина в распахнутом полупальто, из которого были видны галстук и белая рубашка, буквально навис над

ним. В неярком фонарном освещении цвет его лица показался Никите каким-то буроватым.

– С какой девушкой? – переспросил он.

– У бара.

– Вам-то что? Это моя знакомая.

– Ну, так, забудь ее и больше не разговаривай.

– Вы мне никто, и я ваши указания выполнять не собираюсь.

– Зря, – ответил мужчина, покивал головой, развернулся и пошел к стоявшей в десятке метров машине.

Никита пожал плечами и повернулся в другую сторону, чтобы вернуться в помещение, как почувствовал короткий удар в солнечное сплетение. Он согнулся от боли, и в это время один из парней не то, чтобы ударил, а скорее сильно толкнул его в область уха. Никита свалился на бок и через секунду распрямился, чтобы глотнуть воздух. Он увидел, как зажглись фары на отъезжающей машине и прочел номер О33300.

Глава тридцать восьмая.

Антон Викторович Тонковидов проснулся и сначала даже не смог понять, где находится. Потом вспомнил все события, произошедшие совсем недавно. Он сел на кровати, пытаясь понять свои ощущения. Как это ни странно, чувствовал он себя терпимо, хотя голова была немного ватной, а тело наоборот невесомым, почти пустым. За окном было совершенно темно, лишь откуда-то издалека пробивался неяркий свет

фонарей.

Антон прошел в ванную, умылся, потом долго смотрел на себя в зеркало – похудел, осунулся, но ему даже показалось, что он стал симпатичнее и интереснее, чем в молодости, а глаза заблестели каким-то отчаянным блеском. Потом он заметил, что ходит по номеру в носках. В остальном, он был практически в порядке: брюки застегнуты, рубашка тоже, кроме последней пуговицы. Пиджак и галстук висели на стуле рядом. Он всунул ноги в туфли, открыл дверь и вышел в коридор. На стуле сидел охранник и пялился в телефон. При виде Тонковидова он мгновенно вскочил:

– Слушаю вас, Антон Викторович!

– Принеси для начала какой-то минералки. И скажи хозяйину, что я готов его покинуть.

– Хорошо.

Антон вернулся в номер и включил ночник над кроватью. Большой свет резал ему глаза. Ждать пришлось чуть дольше, чем он ожидал. Наконец, дверь открылась, показался сервировочный столик с напитками, а везла его... Валентина Викторовна Савельева. Заместитель губернатора по социальным вопросам. В деловом костюме и со сторогой прической.

– Неожиданно, – сказал Тонковидов, откинувшись назад на кровати. – А сколько сейчас времени?

– Немного, – улыбаясь, ответила Савельева, – Начало десятого. Вы спали часа полтора. Кстати, как вы себя чувствуете?

– Терпимо, – ответил Антон, – Зря вы спиртное везете. Дайте минералочки, плиз.

Она наполнила бокал. Он осушил его залпом, а потом спросил:

– А где Катин?

– Ваш советник отдыхает. Один. А вы без него не можете?– лукаво спросила Савельева.

– Могу.

– Ну и хорошо. Вы меня простите, Антон Викторович, но я воспользовалась ситуацией. Можно сказать, бесстыдно, – она села в кресло.

– Не очень понял, – сказал Антон.

– С вами трудно разговаривать на работе, – пояснила Валентина Викторовна. – Соглядатаи. Они, может быть, не узнают, о чем разговор, но сообщат, что я с вами наедине говорила.

– Обвинят нас в адюльтере?

– Это не страшно. Заподозрят в сговоре. Поэтому я и хочу вот так, неформально

– Говорите. Я вас слушаю, – Антон почувствовал, что ему хочется прилечь на кровать и свернуться калачиком, но вместо этого, он наоборот распрямился и собрался.

– Хорошо. Я постараюсь коротко. Дело в том, что не все у нас желают вашего губернаторства. По двум причинам: либо собственные амбиции, либо все у них налажено и боятся потерять. Я не отношусь ни к тем, ни к другим. Теоретически

вы меня можете снять с должности, но я этого не боюсь. Мне кажется, что с вами работать будет лучше и спокойнее. Не так тупо и серо.

– Причина неясна.

– К чему вам чужие заботы и тайны? Это небезопасно. Просто я хочу вам предложить союз. Вы будете знать о возможных неприятностях заранее. Разумеется, стопроцентно это не сработает. Я не всесильна. Но я ваш друг.

– Ну, допустим, я вам поверю. И что вы хотите взамен?

– Ничего. Можете даже меня уволить, если когда-нибудь захотите, но я бы этого пока не хотела – она хрипло засмеялась.

– Что у вас с голосом, Валентина Викторовна? – спросил Тонковидов.

– Выпить хочу. Шампанского. Вы откроете? – она подала ему бутылку.

– Попробую, – Антон снял фольгу и стал выкручивать пробку.

– А у меня есть надежда на то, что вы выпьете со мной? – она, не спрашивая разрешения, пересела к нему на кровать.

– А у меня есть гарантия, что меня не снимает спрятанная где-то камера?

– Рассуждайте логически. Если кто-то хочет добыть компромат на вас, то это будет и компромат на меня. И если я подставляю вас, то автоматически подставляю и себя, – Савельева засмеялась и расстегнула ему пуговицы рубашки на

груди. Пальцы скользнули к соску.

– Подождите, – прерывистым голосом сказал Тонковидов. – Давайте сначала выпьем.

– Потом, всё потом, – она сказала это почти шепотом и потянулась губами к его губам.

Антон не понял, сколько прошло времени. Они в изнеможении лежали на кровати. Голые поверх одеял. «Однако, в сорок пять или сколько ей там, женщины очень даже ничего», – пронеслось у Тонковидова в голове с легкой иронией. Тут же он поймал себя на мысли, что раз способность таким образом воспринимать действительность, вернулась, значит все не столь безнадежно.

– Я в душ, – сказала Савельева и почти бесшумно соскочила с кровати.

Тонковидов смотрел в потолок и думал, чем грозит ему сегодняшняя история. Впрочем, ему было почти все равно. Его заместительница вернулась и закуталась в одеяло:

– Извините, что-то прохладно.

Он тоже прикрылся и улыбнулся:

– Мы не на работе. Можно не выкать. Хотя бы сейчас.

– Я постараюсь, – улыбнулась и Савельева. – И теперь хотелось бы поговорить. Нет возражений?

– Нет, – сказал Тонковидов. Физически он чувствовал себя усталым, но голова работала хорошо.

– Расскажу вам, что знаю. Хотя знаю не все, – начала она. – Постараюсь покороче. Для вас не секрет, что многие не хо-

тят вас здесь видеть. Есть две группы – бывшего губернатора Данилова и мэра Сакуляка. Данилов сам понимает, что его уже не утвердят. Поэтому ставит на Вилецкого. Тот очень осторожен и себя никак не проявляет. Но вот хотя бы смерть Цветкова. Вилецкий считал его конкурентом. Так что, судите сами. Он опирается на крупный местный бизнес и есть выход на Москву. Такие люди как Ветров, Шилов – это его люди. Вы, наверно, слышали эти фамилии?

– Слышал.

– И они узнали, что у вас в Москве нет большой поддержки. Вас здесь фактически бросили. Но они не понимают, почему. И их это нервирует. Они способны на непредсказуемые действия. Поверьте Виктору Ивановичу, он вас может прикрыть.

– Я подумаю. А вторая группа?

– Мэра Сакуляка. Они с Даниловым соблюдали нейтралитет. Но это ничего не значит. Те тоже опасны. Потому что работают системно и потому что у них много невидимых щупалец. В общем, опасности подстерегают вас со всех сторон.

– Веселая перспективка, – Тонковидов скривился. – Ну и все же вопрос: почему я вам... тебе, то есть должен доверять? История знает немало примеров, когда женщин подкладывали в постель, чтобы усыпить бдительность.

– По закону жанра я должна оскорбиться и уйти, – сказала Савельева, вытащила руки из-под одеяла и закинула их за голову. – Но не сделаю этого. Перетерплю. Тем более, как муж-

чина, ты мне нравишься, а сегодня понравился еще больше. Так вот, я не из их команды. Данилова настойчиво попросили взять меня, и он был вынужден меня терпеть. Ну и его люди соответственно. Как и Сакуляк. Больше, извини, сказать не могу. Можешь меня поцеловать, и мы поедем отсюда. Надеюсь, ты уже сделал выводы.

И она сама потянулась к нему. Расставание растянулось еще минут на двадцать. Выходили из номера они порознь. Сначала Валентина Викторовна, потом Антон. Предварительно он через охранника позвал Санина, но разговаривать долго не стал. Только коротко сказал:

– Поехали.

В машине он тоже был неразговорчив. Подумав, коротко отдал указание:

– Ты сегодня ночуешь у меня в доме. На завтрашнее утро вызываем Русакова и этого его... тайного агента. Думаем, что делать дальше.

– Хорошо, Антон Викторович, – хмуро ответил Катин.

Тонковидов посмотрел на него внимательно:

– Не раскисай только. Я вот почему-то наоборот собрался.

Хотя положение хуже... губернаторского.

– Вы почему-то часто это выражение употребляете, – заметил Сергей Сергеевич.

– А у меня отец так говорил. Много лет не вспоминал, а вот сейчас понял, что очень к месту.

Глава тридцать девятая.

Все дела, пораздумав, Русаков решил отложить до утра. С Дмитрием они, конечно, обсудили последние новости и наметили план действий. После чего провели остаток вечера вполне по-русски: за скромно накрытым столиком, где основным украшением была бутылочка с прозрачной жидкостью, а дополнением опять же скромная закуска. За последней они забежали в ближайший торговый центр. К факту слежки решили отнестись спокойно, но на всякий случай никаких действий пока решили не предпринимать. Хотя совсем уж безоблачным вечер назвать было сложно. Сначала Ростиславу позвонил взволнованный Никита Брагин, коротко рассказал, что его избили, но не сильно, и попросил выяснить, кому принадлежит некая машина. Русаков номер записал и обещал заняться этим с утра. Позже потревожил Катин, сообщивший, что завтра утром с докладом всех в своем коттедже ждет Тонковидов. Поэтому возлияния были достаточно скромными. Хотя и так на большой загул Ростислав с Дмитрием в этот субботний вечер не рассчитывали.

Утром они приехали в коттедж, который занимал Тонковидов. На этот раз слежки за ними не было. «Поняли, что смысла нет, – прокомментировал Дмитрий, – Домой, потом к Антону, потом ты в администрацию, только время тратить». Двери им открыл веселый и радушный Семен Ильич – садовник, слесарь и плотник в этом доме. А кроме этого, он, вероятно, чувствовал себя здесь и полным хозяином. По крайней мере, вел себя вполне по-хозяйски. В отличие от него Антон

чувствовал себя явно не очень. Нервно ходил по просторному холлу. Катин скромно сидел в углу дивана.

– Ну что, выяснили, Шерлоки Холмсы? – вместо приветствия спросил Тонковидов. – Давайте выкладывайте. Будем прояснять обстановку. Можете сразу с деталями, я потерплю.

Сначала Ростислав, а затем и Дмитрий рассказали о том, что узнали за последние дни. Несмотря на то, что врио губернатора задавал свои вопросы не то, чтобы очень конкретно, они оба прекрасно понимали, что его интересует.

Антон, наконец, успокоился, упал в кресло и выслушал внимательно, не перебивая. Потом сказал:

– Ну, а у меня все еще интереснее. Сейчас расскажу, ничего не скрывая. Надеюсь, что эта информация никуда за пределы этого помещения не уйдет.

И он, действительно, подробно рассказал о событиях предыдущего дня, включая и свою неожиданную связь с заместительницей. Закончив повествование, Антон откинулся на спинку кресла, выдохнул и произнес:

– Ну, а теперь нам надо решать, что делать со всей этой информацией дальше.

Все молчали. Тонковидов повернулся к Русакову:

– Слава, ты всегда был настойчивее и решительнее меня. Я сейчас надеюсь на твою поддержку.

Ростислав на секунду опустил голову, потом распрямился и сказал

– Спасибо за доверие. Хотя Антон, ты понимаешь, что решение принимать только тебе?

– Понимаю. И все же жду твоих предложений.

– Хорошо. Тогда я постараюсь на время стать на твое место. Ситуация мутная, и непонятно какая здесь у тебя роль. Возможно, тебя как-то подставили. Ты можешь технично слиться? Ну, например, по болезни или по семейным обстоятельствам. Можешь?

– Гипотетически, да. Не уверен, что это благотворно скажется на моей карьере. Но не смертельно. Не утопят.

– Но я бы на твоём месте продолжал бы бороться, – продолжил Русаков. – Надо выяснить, кто самый опасный противник и нанести упреждающий удар. По возможности. Думаю, репутации твоей это не повредит. Скорее, наоборот.

– Ну, про противников вы слышали. Не много ли их? – усмехнулся Тонковидов. – Ладно, тебя выслушали, теперь ты, Сергеич.

– Я согласен с Ростиславом, – сказал Катин. – Только сами мы не справимся. Надо подключать здешних правоохранителей. Только надежных. Как я понимаю, у нас только один такой?

– Насчет других не знаю, но один вроде есть, – кивнул Шкадов.

– А вы в нём твердо уверены? – спросил Тонковидов.

– А у нас есть выбор? – переспросил Русаков. – Хотя я склонен верить.

Он высказал свое мнение и замер: «а вдруг Оксана и ее отец...». Нет, такого не может быть. Нельзя же не верить никому. Но Тонковидов даже не заметил его колебаний. Он сказал, обращаясь к Дмитрию:

– Звони. Договаривайся о встрече. Время тянуть не будем.

– И пусть номерок пробыёт один, – вспомнил Ростислав о просьбе Брагина. – Вот, возьми, я на бумажке записал.

Шкадов набрал номер. После разговора он выглядел слегка обескураженным.

– Не хочет встречаться? – спросил, поняв по-своему, Тонковидов.

– Просто место назначил. За городом. Не рискуем?

– Да мы, уже рискуем постоянно. Просто канатоходцы на арене, – усмехнулся Антон. – Езжайте. Только я светиться не буду. Буду на связи, если что. И постараюсь со столицей поговорить. Почву прощупать. Жизнь становится все интересней.

Ростислав и Дмитрий отправились на встречу. Шкадов сел за руль. Место было незнакомое, ориентировались по навигатору. Дмитрий на всякий случай внимательно смотрел в зеркальце, но, похоже, не ошибался: слежку отменили. Мимо мелькали одноэтажные пригороды, какие-то склады, промышленные предприятия. Потом съехали на боковую дорогу, нырнули в перелесок и тут же вынырнули, проехали село. Одинокий дом стоял на берегу пруда, почти нависая над ним. Впрочем, он был не совсем одинок. За домом во дво-

ре прятались еще какие-то хозяйственные постройки. Возле входа стояла потрепанная «Нива», а рядом то же потрепанный, но все же величественный джип. Людей видно не было.

– Точно здесь? – спросил Русаков у Шкадова, когда они вышли из машины.

Дмитрий пожал плечами:

– Вроде больше здесь ничего нет. Хотя у дома есть привязка к селу и даже адрес с улицей.

– Ну, улицы я что-то не вижу, – недовольно скривился Ростислав.

Внезапно дверь открылась, и из нее вышел крепкий плечистый мужичок лет сорока с короткой светлой стрижкой.

– Александр, – представился он, пожимая руки. – Пойдемте в дом.

По шаткой лестнице они поднялись на второй этаж. За поцарапанной дверью оказалось что-то вроде стандартного гостиничного номера. Казенная мебель: диван, несколько стульев, большой стол. Семен сидел на диване и смотрел небольшой телевизор, приткнувшийся на тумбочке. Увидев вошедших, щелкнул пультом. Экран погас. Семен поздоровался, встал с дивана и пересел на стул. Александр ушел. Русаков обратил внимание, что они чем-то похожи с Семеном. Прической, взглядом... Только вот Александр был пошире в плечах, да и лицом покруглее. Семен – худощавее, а к тому же выглядел каким-то уставшим.

– Слушаю вас, – сказал Семен без выражения. – Какие

проблемы?

Гости переглянулись, потом Ростислав рассказал ситуацию.

– Что от меня-то надо? – Семен непонимающе посмотрел на него.

– Помощь, – сказал Русаков. – Хотя бы разобраться, кто у нас на хвосте и кто пытается вредить.

– Тела нет и дела нет, – хмыкнул в ответ Семен и сразу посерьезнел. – Я к тому, что нет оснований что-то делать, предпринимать шаги. Вас шеф же не будет писать заявление об угрозах?

– А журналист Санин? – переспросил Русаков. – Его ведь убили.

– Официально, на сей момент, бытовуха. И какое он к вам отношение имел? Что где-то против писал? Так это, скорее, у вас основания были.

– То есть, вы хотите сказать, что мы зря к вам приехали? – Ростислав начал нервничать.

Семен выждал паузу. Потом произнес:

– Меня просили вам помочь. Помогу. Но все эти политические игры – дело очень мутное. Вот если бы, к примеру, кому-то взятку дали, то сразу же шевеление началось. У нас же все вокруг денег крутится. А власть – понятие эфемерное.

Он опять помолчал. Потом продолжил:

– Похоже, есть у нас бомба...потенциальная. Подождите совсем немного. И не трогайте крупную рыбу. Пусть спокой-

но плавает какое-то время.

Русаков со Шкадовым переглянулись. Потом Дмитрий сказал:

– Мы поняли. Только еще одно: я номерок просил пробить. Получилось?

Семен кивнул:

– Вот это и есть крупная рыба, которую лучше пока не пугать.

– Тайна? – спросил Русаков.

– Очень вы настырные, – Семен покрутил головой. – Скажу, вы же просили. Но не надо этой информацией какое-то время делиться, чтобы там с этой машиной связано не было. Это некий господин Шилов. Банкир. Это на сей момент всё. Если надо будет, я с вами свяжусь. Или Саша.

– Ну что дальше делать будем, Слава? – спросил Шкадов, когда они ехали назад.

– Отдыхай, – ответил Ростислав. – Я доложу Антону и есть у меня еще одно дельце на сегодня.

Дмитрий засмеялся:

– Как ты видишь мой отдых в чужом и опасном городе? Если я, к примеру, пойду в ресторан и буду пытаться с кем-то познакомиться, то где гарантия, что мне не подсунут даму с подвохом? В этом городе это запросто. А остальное – скучно.

– Понимаю, – сказал Русаков. – Но полежи пока на диване. Чувствую, недолго.

– А, может, ты меня в Москву отпустишь?

Ростислав задумался. Потом сказал:

– Извини, Дима, но нет. Честно скажу, я в какой-то мере прикрываю Антона, а ты меня. Без тебя мне совсем будет... неуютно.

Они приехали в квартиру, перекусили тем, что нашли в холодильнике. Ростислав позвонил Тонковидову и коротко передал итоги встречи. Упор сделал на то, что пока надо переждать. Антон согласился:

– Хорошо, – сказал он. – Постараюсь сделать передышку и отвлечься. А то нервяк этот...

Потом Ростислав набрал телефон Оксаны.

– Встретиться надо. Сегодня. Хочу, чтобы мы провернули одно дельце.

Она засмеялась:

– Как в объявлении: интим не предлагать?

– Направление мысли интересное, – улыбнулся в ответ Ростислав. – Но сначала дело. Честное слово.

Он заехал за ней, когда стало уже темнеть. Погода немного наладилась: стоял легкий морозец, ветра не было, и Русаков с удовольствием подышал воздухом возле машины.

Оксана выскочила, легко ступая и в хорошем настроении.

– Если бы не дело, – сказала она с улыбкой, – то я бы могла согласиться на ваше предложение, например, где-нибудь посидеть, поужинать.

– Возможно, дойдет и до этого, – ответил Ростислав. – Но сначала вот такой момент.

Он рассказал ей о Морскове.

Оксана сразу посерьезнела:

– Ну, что-то подобное я предполагала.

– Почему сразу не сказала?

– Ну, это были очень смутные предположения. Ничего конкретного. Но теперь... И что ты хочешь делать?

– Хочу прижать его к стенке.

– Думаешь, получится?

– Вызови его куда-нибудь. Мы его заберем и пообщаемся.

– Надеюсь, ты не собираешься вывезти его в лес и пытаться?

Я на такое не подписываюсь, – улыбнулась Оксана.

– Хотелось бы, чтобы до этого дело не дошло. Звони.

Она набрала номер. По разговору Ростислав понимал, что Морсков слабо, но упирается. Он, видимо, или плохо понимал, что это за служебная необходимость приключилась в воскресный вечер, или Оксана была не очень убедительна. Все же откровенно не подчиняться он не рискнул.

– Сейчас подъедем к Дворцу культуры «Прогресс», – сказала Оксана, закончив разговор, – Он подойдет, ему там не очень далеко. Потом решайте, что делать.

– Скажем, что мероприятие перенесли в другое место и посадим в машину, – на ходу придумал план Русаков.

Дворец культуры располагался среди жилых домов, внутри квартала. Выглядел он не очень оживленным: на фасаде светились только несколько окон. Да и рядом не наблюдалось скопления народа. Они посидели в машине всего несколько

минут. Морсков появился со стороны домов. Он шел быстро почти бегом, длинный шарф развивался над курткой, на груди висел фотоаппарат.

– Здравствуйте, – сказал Морсков и на секунду замер, увидев Русакова.

– Здравствуйте, – ответил Ростислав и добавил. – Садись в машину быстро, а то опоздаем.

Морсков не стал спорить и сел на заднее сиденье, хотя даже в тусклой подсветке можно было разглядеть удивленное выражение на его лице.

– Оксана, а куда мы? – спросил он свою начальницу.

За нее ответил Русаков:

– Перенесли мероприятие. За город. Оксана, показывайте дорогу.

Она неопределенно мотнула рукой вправо, и Ростислав послушно вывернул руль.

Потом Оксана, видимо, слегка пришла в себя и заговорила, просто чтобы в машине не стояла тишина:

– Сейчас поснимаем немного и вернемся. У нас же фотоаппарата нет.

– А что за мероприятие? – спросил Морсков.

– Да, – невпопад подтвердил Русаков. – Недолго.

Он выехал на широкий проспект и быстро ехал в сторону, где, по его мнению, находился выезд из города. Ростислав не ошибся, довольно скоро ряд новостроек оборвался, мелькнула въездная стела и по обе стороны дороги потянулись

темные полосы леса. На первом же спуске машина свернула с трассы и углубилась в лес. Проселок никто не чистил и колеса с трудом пробивали дорогу в уже утрамбовавшемся снегу.

– Куда мы едем? – опять спросил Морсков.

Ему никто не ответил, но автомобиль остановился. Ростислав включил в салоне свет, заглушил мотор и резко повернулся назад.

– Итак, Игорь, – начал он. – Ты же Игорь?

– Игорь, – кивнул головой ничего не понимающий Морсков.

– Тогда рассказывай нам о том, кто заставлял тебя писать в «Честном Ясноборске» пасквили на руководителя. Если расскажешь все как есть, то возможно к тебе не будут применены самые строгие меры.

– Как-какие ме-меры? – Морсков начал заикаться от испуга и неожиданности.

– Потом узнаешь. Так, мы слушаем.

– Оксана Георгиевна, – Игорь решил попросить заступничества у Ардашевой. – Скажите, в чем дело? Я ничего не понимаю.

– Игорь, – мягко сказала она, – это и правда, по меньшей мере, дисциплинарный поступок. Лучше честно признайся. А мы подумаем, как помочь тебе выпутаться.

Пауза. Морсков задумался. Потом сказал:

– Это из мэрии. Позвонил пресс-секретарь мэра. Сапож-

ников Гриша, ну вы его знаете, Оксана Георгиевна. Сказал, что надо встретиться. Я подъехал, куда он сказал. Там был заммэра еще, Кравцов. Он больше говорил. Попросили помочь. Сказали, что будут тему давать и фактуру. Да я всего раз написал. Или два...

– Решил в мэрию перейти? Опуститься немного? – спросил Русаков, – Или подработать?

– Ну да, – неопределенно сказал Морсков.

– Ясно, Игорь. На работе еще поговорим, – сказала Оксана.

Русаков завел мотор, развернул машину, едва не угодив колесом в сугорб.

– Сейчас мы тебя отвезем, – сказал он Морскову. – О нашем разговоре ни слова. Понятно?

– Да, – кивнул тот.

Они вернулись в город и высадили изрядно перепуганного Игоря у его дома.

– Сейчас позвоню Катину, – обратился Ростислав к Оксане, чуть подумав. – Все же пусть знает весь ход. А потом поедем, поужинаем, как и было задумано.

Он набрал номер и рассказал Сергею Сергеевичу о разговоре с Морсковым.

Тот слушал молча, потом хмыкнул:

– Опять играем в казаков-разбойников, суем палки в муравейники. Ладно, отдыхай, будем надеяться на лучшее, но готовиться к худшему.

Они опять поехали в кафе возле администрации. Русаков пытался шутить, рассказывал веселые случаи из жизни, но периодически ловил себя на мысли, что хочет выкинуть из головы все передрыги последних дней, но получается это у него плохо. Он не пил, помнил, что пока еще за рулем и мечтал поскорее добраться туда, где можно немного расслабиться. На тему событий сегодняшнего дня они невольно свернули в разговоре однажды. Он вспомнил про погибшего журналиста Санина и на секунду помрачнел. Оксана заметила перемену в его настроении и вопросительно подняла брови:

– Дурные мысли?

– Мысль, – ответил он. – Завтра еще похороны журналиста. Что за личность и каким боком он в этой истории?

– Не знаю, – ответила она. – Но вполне возможно. О мертвых плохо не говорят, но я постараюсь объективно хотя бы. Он часто возникал там, где какая-то грязь. Когда-то на всех выборах мочил неудобных. В последнее время вроде не с кем. Сам по себе. Но ведь так не бывает?

– Не бывает, – подтвердил Ростислав и тряхнул головой, словно пытаясь сбросить наваждение. – О делах завтра. А сегодня...Едем?

Она поняла его, подняла глаза и кивнула:

– Едем.

Когда они уже подъехали к дому, где Ростислав жил в Ясноборске, он вдруг резко затормозил. Машина остановилась в десятке метров от подъезда. Оксана от неожиданности рез-

ко дернулась вперед и если бы не ремень, вполне могла бы удариться головой о лобовое стекло.

– В чем дело? – она удивленно взглянула на Ростислава.

– Там Дима, – сказал он медленно.

– Дима?

– Ну да, Дима. Детектив из Москвы. Он у меня живет, – сказал он упавшим голосом. – Я совсем про него забыл.

Оксана громко засмеялась. Он повернул голову к ней и не заметил человека, приблизившегося к ним со стороны дома. Прохожий неожиданно выбросил руку и что-то громко щелкнуло. Пуля пробила стекло со стороны водителя в верхней его части и ушла в потолок салона над задним сиденьем.

– Господи!!! – закричала Оксана.

Ростислав инстинктивно обернулся и увидел тень, бросившуюся к стоявшей неподалеку машине. Еще через секунду та резко взяла с места и рванула вдоль дома.

– Оксана, ты цела!?! – спросил Русаков.

– Да-да... Что это было?

– Похоже, стреляли.

– Да... И не вздумай его догонять! – сказала Оксана.

Автомобиль уже скрылся за углом.

– Не буду, – ответил Ростислав. – Похоже, вечер совсем не удался. Что делать-то?

– Звони Сергею Сергеевичу, – сказала она, вздохнув, – Ты всегда так делаешь, я заметила. И не волнуйся, свидетельница никуда не исчезнет.

Он достал телефон и на секунду замер, глядя на нее:

– Честное слово, не знаю, как лучше. Боюсь, Катин скажет, что надо вызывать полицию и поднимать шум.

Она улыбнулась:

– Ничего страшного. Скажем, что ты повез меня знакомить с твоим Димой. Кстати, он часом не холост?

– Да, холостой, насколько я знаю.

– Ну вот, и я свободная женщина.

Ростислав не ошибся, Катин принял решение «поднимать шум». На место происшествия приехали полицейские, эксперты, следователь. Здесь же вскоре оказался и знакомый Русакову журналист Еронко. После того, как Владимир на коротке поговорил с сотрудниками правоохранительных органов, он подошел и к Ростиславу, изрядно измученному всеми событиями дня и ответами на вопросы.

– Скажете что-нибудь, Ростислав Романович, – спросил он после того, как поздоровался.

– А что говорить, Владимир? – вопросом на вопрос ответил Ростислав, – Мы об этом говорили и вот.... Пугают.

– Уверены, что стреляли не на поражение?

– Практически. Снизу вверх. В потолок. А что наши доблестные органы говорят?

– Ничего оригинального. Ведут расследование. План «Перехват» ввели. Из хорошего – вроде бы кто-то из жильцов запомнил, ну или почти запомнил номер машины, на которой они скрылись.

Приехал и сам начальник УВД генерал Панин. Поговорил со своими подчиненными и подошел к Русакову. Поздоровался за руку, тяжело вздохнул:

– Мне жаль, что такое в нашей областной столице происходит. Вроде, не девяностые.

– Случается, – пожал плечами Русаков. – Кстати, хотел вас спросить: а как продвигается дело по расследованию убийства журналиста Санина.

Генерал опять вздохнул:

– Есть круг подозреваемых. Работаем. Все работают. Какие неприятности у нас – два таких дела!

Он отошел. Русаков увидел Оксану. Ее опрашивали отдельно от него. Она помахала ему рукой, он подошел.

– Что генерал говорит? – спросила Оксана, слегка улыбувшись. Русаков удивился крепости ее духа.

– Жалуеться, – сказал он. – Пятно на область.

– Еще бы. Можно и должности лишиться. У них с этим строго, – кивнула она и добавила: – Меня отпустили. Поеду-ка я домой.

– Я машину вызову. Отвезет. Моя-то пока вещдок.

– Не надо. Я такси вызвала. Диме привет.

Оксана опять помахала рукой и пошла в сторону стоянки. Русаков грустно посмотрел ей вслед и увидел Шкадова, затесавшегося среди группки зевак. Людей там было немного, они постепенно расходились. Он не успел подойти к нему, поскольку возле него оказался сухощавый человек в хоро-

шем черном пальто с непокрытой головой.

– Подполковник Власенков, – представился он. – Ростислав Романович, примите наши извинения. Можете идти и, надеюсь, не будете возражать, если мы вас в ближайшее время пригласим к себе?

– Не буду, – мотнул головой Русаков. – С машиной что?

– Думаю, завтра вам дадут другую, – ответил подполковник.

– Хорошо, – сказал Ростислав. – Тогда я пошел.

Он двинулся к подъезду, на ходу вспомнив, что не поинтересовался, какое ведомство представляет подполковник. У подъезда рядом с Дмитрием стоял Катин.

– Антон Викторович поинтересовался, как вы себя чувствуете и не нужно ли чего, – сказал он.

– Машину утром не забудьте, – ответил Ростислав. – И больше ничего.

– Конечно. А еще он просил напомнить, что завтра утром заседание правительства.

– Сергеич, – Русаков приостановился. – Вот теоретически меня едва не убили, так?

– Теоретически, – Катин кивнул головой.

– А он про заседание.

– Так государев человек, – усмехнулся Сергей Сергеевич.

– Ясно все, не просплю. До завтра, Сергеич. Пошли Дима, – устало сказал Ростислав.

Глава сороковая.

В понедельник Тонковидов приехал на работу рано. По московским меркам восемь утра – невыносимая рань. Накануне он напился снотворного и смог хорошо выспаться. Но моральное состояние улучшилось не слишком. Но день предстоял непростой, и надо было быть в форме. Он быстро поднялся на второй этаж, пересек приемную, где одиноко сидел дежурный сотрудник и прошел к себе в кабинет. На столе уже лежала папка документов к сегодняшнему заседанию. Антон начал быстро читать. Так, мэр города должен отчитываться об уборке улиц от снега. Снега было уже не очень много, и Тонковидов видел, что если центральные улицы были почищены неплохо, то в переулках и проездах застарелых куч хватало. Этот факт он особо отметил для себя. Просмотрев все документы, Антон решил позвонить своему московскому куратору. Он не сомневался, что все перипетии жизни в Ясноборске тому прекрасно известны, но все же решил услышать оценку из первых уст.

– Добрый день, Юрий Иванович! – сказал он.

– Добрый, – ответил не очень довольный голос. – Я в дороге.

– Тогда я коротко. Юрий Иванович, тут стреляли в моего заместителя. Вы в курсе, наверно?

– В кого? А.. в Русакова. В курсе. Кому он насолил?

– Вы думаете, это он? В смысле, насолил.

– Ничего я не думаю. У вас там целая группа работает. Еще не закончила по Цветкову. Пусть они думают. А ты не

нервничай, на днях еще толпа помощников к вам прилетит. Потерпи немного.

– Хорошо, спасибо.

– Пока. На связи.

Тонковидов откинулся в кресле, и посмотрел в потолок. Ситуацию ему явно не нравилась. Или ему доверяют или... Автономное плавание Антону явно не нравилось.

Приоткрылась дальняя часть двери, а в ближнюю негромко постучали.

– Да, – сказал Антон.

Вошел помощник Юра с пачкой каких-то бумаг.

– Что-то срочное? – спросил Антон.

– Нет. Как обычно. Почта. Бумаги на подпись.

– Оставляй. После заседания. И позови мне Русакова, если он уже пришел.

Ростислав был уже на работе. Вид у него, впрочем, был не очень. Глаза запали, на щеках появился какой-то нездоровый румянец.

– Ты не заболел? – спросил его Тонковидов.

– Нет, – ответил Ростислав. – Нервы. Спал не очень.

– Понимаю. С нашими любимыми следователями и сыщиками позже поговорим. Смотри, ты мой первый зам, а сейчас на заседании я буду мочить Сакуляка. Постараюсь. А твоя задача – вести его дальше. Потом будет конкретно перед тобой отчитываться. По ходу пьесы поймешь. Понятно.

– В общих чертах.

– Я же сказал, по ходу пьесы. . .

На заседании присутствовали областные руководители, здесь же был и мэр города. По видеосвязи за происходящим наблюдали и главы администраций других городов и районов. Тонковидов представил теперь уже широкому кругу Русакова как своего первого зама, потом разобрал несколько текущих вопросов. Он хоть и подглядывал в бумаги, но вел себя уверенно и напористо. Этот внутренний азарт доставлял Антону удовольствие, он раскрепостился и в этот момент даже нравился сам себе. Ответы он до конца не дослушивал, обрывая зачастую на полуслове, иногда не разобравшись в ситуации до конца.

– Вчера был выходной, и мне удалось посмотреть улицы областной столицы, – продолжил он заседание. – Скажу, что руководство города хорошо убирает снег у себя под носом. Ну и у меня тоже. Чуть дальше, там, где живут простые люди, они это делать качественно не желают. Хорошо, что нет сильных снегопадов. Мне страшно представить, что было бы в таком случае. Коллапс, наверно. Что скажете, Сергей Васильевич?

Мэр Сакуляк внешне невозмутимо поправил очки и склонился над бумагами:

– Каждый день на уборку городских магистралей выходят. . . , – начал он читать спокойным голосом, но Тонковидов перебил его.

– Цифрами вы можете жонглировать, сколько угодно, но

мне это неинтересно, – резко сказал Антон. – Факты говорят сами за себя. Видимо, если вы не способны нормально организовать уборку, то я сам возьмусь. Если надо и за лопату... А вы можете из окна посмотреть. Пока.

– Антон Викторович, – попытался возразить Сакуляк уже более эмоционально, но врио губернатора снова не дал ему договорить.

– Ростислав Романович, Руслан Тахирович, – обратился он к Русакову и Ароеву. – Поручаю вам лично взять ход уборки под свой контроль. Для начала... А вообще город – лицо всего региона и здесь всё мы будем рассматривать под увеличительным стеклом. Называя вещи своими именами.

Зал притих. Видимо, ясноборские чиновники не слишком ожидали такой зажигательной речи от внешне мягкого Тонковидова. А Антон победоносно оглядел собравшихся и сказал:

– Будем заканчивать. Попрошу ко мне в кабинет зайти руководителей УМВД, ФСБ, прокуратуры и следственного комитета.

Приказать представителям федеральных структур Тонковидов не мог. Более того; на заседании они присутствовали в качестве приглашенных, скромно занимая места в задних рядах. Но с исполнительной властью у них были свои отношения, и естественно проигнорировать просьбу они не могли.

– Ростислав, ты, естественно, тоже, – негромко сказал

Тонковидов, вставая со своего места и, давая всем понять, что заседание завершено.

В кабинет зашли четверо – прокурор Изоргин, руководитель следственного комитета Мартьянов, начальник УВД Панин и начальник управления ФСБ Горелов. Когда все расселись, Тонковидов обратился к ним, говоря сначала спокойно:

– Вчера произошло покушение на моего заместителя Русакова. Уже все СМИ пестрят заголовками. До сих пор непонятны обстоятельства смерти другого моего заместителя Цветкова. Мне уже страшно скоро будет по земле ходить. И какие выводы в столице делают о работе местных правоохранительных органов, а? Я вас слушаю.

Все молчали какое-то время, потом Изоргин сказал:

– Следствие идет. Продвигается.

– И что? Вот вчера, например, кого-нибудь поймали.

– По горячим следам не удалось, – глухо сказал Панин.

Он, похоже, переживал больше всех.

– Еще убит журналист Санин. Вы же знаете, как общество реагирует на гибель журналистов, – вмешался в разговор Русаков. – Каждая гибель журналиста – дело политическое.

– Мы держим ход расследования под контролем, – заметил Горелов. – В данном случае политики вообще нет.

– Какой-то заговор молчания, – хмыкнул Тонковидов. – Ничего не знаю, а если знаю – ничего никому не скажу. Что ж, все свободны. Через два дня жду конкретики. Не будет –

буду докладывать на самый верх.

Когда все вышли, Русаков спросил Антона:

– А почему два дня?

– Не знаю, – раздраженно ответил тот. – В голову пришло. Ты лучше спроси, почему они ровно сидят, а дело не с места. У меня, например, ответа нет. Только догадки.

После обеда у Тонковидова был прием по личным вопросам. Он ждал этого события почти с ужасом и, в общем-то, эти опасения оправдались. Четыре часа постоянного общения с людьми, которые шли сплошным потоком. Большинство частных вопросов могли быть вполне решены на местах, едва ли не на уровне ЖЭКов и РЭУ, но не решались. А у кого-то наоборот была серьезная проблема, например, жилищная и ее не мог решить и сам губернатор, поскольку она требовала серьезных денежных вложений. А для каждого передвижения бюджетных денег требовалась, как минимум масса обоснований, поскольку любое нецелевое использование средств было чревато неприятностями. Кто-то просто хотел пообщаться с начальником, присланным из столицы, поговорить, услышать мнение. Тонковидова такие люди ужасно злили, но он изо всех сил старался соблюсти приличия. Конкретные вопросы два помощника старательно фиксировали, чтобы спустить ниже, дать ответ в установленные сроки. Пару раз Антон делал перерывы, пил чай с лимоном, выходил в соседнюю комнату умыться, но все равно было тяжело. Ему казалось, что посетители – полчища энергетических вампи-

ров, высасывающие у него кровь.

Телефон стоял на беззвучном режиме, и он изредка бросал взгляд на дисплей. Ничего сверхординарного, лишь ближе к концу дня дважды позвонил Русаков. Тонковидов знал, что по пустякам Ростислав беспокоить его не будет. В ответ написал, чтобы тот к 18 часам ждал его в приемной.

Антону казалось, что поток не закончится никогда, но все-таки в положенное время допуск к нему прекратился. К счастью, из кабинета, где он вел прием, был другой выход, обеспечивавший ему возможность не пересекаться с жаждущими общения с руководителем. Он вышел в прохладный коридор и с облегчением направился в сторону кабинета губернатора.

Русаков уже ждал его в приемной.

– Заходи, – на ходу бросил ему Антон.

Ростислав прошел за ним в кабинет. Врию губернатора даже не дошел до стола, упал на кресло возле окна. Расстегнул ворот рубашки, распустил узел галстука.

– Слушай, умотали меня эти ходоки, – пожаловался он Русакову. – У меня такое ощущение, что в этой области никто до сих пор вообще ничего не делал. Или просто от народа шарахались. Ну, ладно, говори, что у тебя.

– Мне звонил Еронко. Журналист, – сказал Ростислав. – Говорит, что от погибшего журналиста Санина пришло послание. Он перед смертью написал. Там что-то сенсационное.

– И что?

– Начальство его давать это опасается. И вообще делу ход давать не хочет. А он говорит, что должен нас ознакомить.

– Хорошо, встретиться. Только вот что, – Тонковидов слегка задумался. – Пусть тебя кто-нибудь прикроет.

– Я со Шкадовым пойду. С Димой.

– Вы ребята рискованные, но давай еще один круг обороны сделаем. Внешний. У вас же есть кто-то? Из органов?

– Есть.

– Короче, ты все понял. А еще лучше с Катиным переговори. Давай, действуй. А я передохну немного.

Ростислав кивнул и вышел.

Антон порылся в настройках мобильного и не успел включить звук, как телефон зазвонил.

Жена.

– У меня хорошие новости для тебя, – немного игриво сказала она. – Мы с Полиной завтра утром будем у тебя. Ты рад?

Антон хотел вслух удивиться грядущему приезду, но вспомнил, что сам по настойчивой просьбе Савицкого просил их приехать и только сказал:

– Конечно. Говори во сколько, какой поезд. Вас встретят.

– А ты сам?

– Конечно, если ничего не случится.

Закончив разговор с супругой, Тонковидов заказал обед из столовой администрации. В такое время она уже была за-

крыта, но там всегда находился дежурный и несколько порций еды, оставленных на непредвиденный случай. Их оставалось только разогреть. Такой услугой Антон пользовался нечасто, но сейчас у него просто не было сил, чтобы ехать куда-то, а есть хотелось.

Утолив голод, он немного посмотрел бумаги, прилетевшие во второй половине дня. Некоторое время он ждал звонка от Русакова, но тот молчал. Зато раздался другой звонок. От столичного куратора.

– Да, Юрий Иванович, – ответил Антон, – Добрый вечер.

– Добрый, – голос из столицы звучал глухо и тоже как-то устало. – Что хорошего?

– Рутинка: заседание, личный прием.

– Да, что-то скучно у тебя стало, – усмехнулся куратор. – Целый день ни в кого не стреляли. Я тебе вот зачем звоню: ты на завтра супругу вызвал для съемки, так отмени. Пока не надо.

– Хорошо, Юрий Иванович.

– Ну, тогда пока все. Будь здоров.

– До свидания.

После разговора у Антона возникло странное чувство. С одной стороны, он совсем не хотел видеть Тамару. А с другой, звонок показался ему странным.

Он нажал кнопку селектора. Помощник Юра отозвался сразу.

– Соедини меня с Савицким, с пиарщиком этим. Знаешь?

– Да, конечно, Антон Викторович.

Савицкий отозвался через несколько секунд.

– Слушаю, Антон Викторович.

– Павел Юрьевич, надо съемку семьи на завтра отменить.

В смысле, перенести.

– Да, конечно. Я в курсе.

– А почему мне не сказал?

– Да, только что узнал.

– Ладно.

Антон положил трубку и снова задумался. Так и не придя ни к какому выводу, он взял мобильный и позвонил жене.

Глава сорок первая.

После звонка от Еронко Русаков задумался. Вернее, задумчивость его была несколько нервной. Он даже встал и буквально пробежался по кабинету. Набрал Тонковидова. Тот не отвечал. Ростислав знал, что у руководителя идет личный прием, но на всякий случай набрал еще раз. Через некоторое время от Антона пришло сообщение. До восемнадцати часов времени было еще достаточно. Он позвонил Шкадову. Сказал коротко:

– Приезжай.

Когда Дмитрий приехал, Ростислав описал ему ситуацию.

– Надо ехать и побыстрее, – сказал он возбужденно. –

Но мы договорились без Тонковидова ничего не предпринимать.

– Я надеюсь, что твой журналист ничего не натворит, –

спокойно и даже немного флегматично ответил Дмитрий. – Уже не так долго. Иди, дождешься в приемной.

– Вдвоем поедем? – спросил Русаков.

– Нет, возьмем взвод «морских котиков», – усмехнулся

Шкадов.

– Я про местных друзей, – мрачно ответил Ростислав.

– Думаю, Семена возьмем, – согласился Дмитрий. – Я ему позвоню, чтобы он был наготове. Хотя тут и не знаешь, кто друг, а кто враг.

Русаков пошел к Тонковидову. Дмитрий остался его ждать.

– Какие команды? – спросил он, когда Русаков вернулся.

– Сообщить Катину, взять местных, максимально перестраховаться.

– И где встреча?

– Наберу сейчас Владимира.

Он поговорил, потом сказал:

– Он будет ждать в кабинете в редакции, тут недалеко, говорит там спокойнее, посторонние не пройдут.

Шкадов еще раз позвонил Семену, а Русаков набрал Катина. Сергей Сергеевич выслушал его без особых эмоций.

– Адрес только напиши и имя журналиста. Я буду на подстраховке. А вы поосторожней, смотрите по сторонам.

– С нами местный будет.

– Ладно. Удачи. И осторожнее: на улице темно.

Ростислав так и не понял, шутит он или говорит серьез-

но. Они вышли на улицу. Русаков вздохнул свежий воздух. Потеплело и даже, кажется, слегка пахнуло весной. Неубранный снег на газонах подтаивал и стекал небольшими лужицами.

Откуда-то сбоку выскочила юркая светлая машина. Семен приоткрыл стекло, махнул рукой.

– Поехали, – сказал он вместо приветствия, когда они забрались в салон. – Будем надеяться, что утечки ваш журналист не допустил, но все равно – стремительность это наше всё.

Здание редакции газеты «Губернские вести» находилось в центре города, но чуть в стороне от шумных дорог. Более того, в глубине квартала. К нему вел узкий проезд между домами. Сама редакция помещалась в двухэтажном, уютном на вид, особнячке. Возле него было тихо. Стояла пара машин, людей не было видно вовсе. Семен, припарковываясь, внимательно смотрел в зеркало заднего вида, но за ними никого не было.

– Вы к кому? – сонным голосом спросил вахтер. Его сонность контрастировала с громоздкой пропускной конструкцией, мигавшей красным светом.

– К Еронко, – ответил Русаков. – Я первый заместитель губернатора.

– Да-а-а? – недоверчиво переспросил вахтер. Потом поднял трубку телефона, пару раз тыкнул пальцем и произнес: – Владимир Яковлевич, к вам. Говорит, что замгубернатора.

Хорошо.

– Проходите. Второй этаж, восьмой кабинет, – сказал он, положив трубку, и нажал на кнопку. Громоздкая конструкция загорелась зеленым.

Они поднялись на лестнице и без труда, даже в полутьме коридора нашли кабинет Еронко. Журналист сидел за столом. Рядом с ним горела настольная лампа.

– Еще семи нет, а у вас темно, – сказал, пожимая ему руку, Русаков.

– Мы старорежимное издание, – усмехнулся Владимир. – Шесть ноль-ноль и все по домам. Разве что в день выхода задерживаемся. Да и то не все.

– Это Дмитрий, а это Семён, – сказал Русаков и, заметив вопрошающий взгляд Еронко, добавил. – Можешь им полностью доверять.

– Хорошо, – кивнул журналист. – Располагайтесь. Как говорится, есть новости.

Он не успел начать знакомить их с новостями, как дверь осторожно приоткрылась и в дверь просунулась лысая вытянутая голова в очках с острыми ушами.

– Разрешите? – спросил обладатель острых ушей и, не дожидаясь ответа, зашел в кабинет.

– Я главный редактор «Губернских вестей» Сергей Захарович Кубышкин, – сказал он. – Узнал, что у нас такие гости и зашел поздороваться.

– Очень приятно, Сергей Захарович, – кивнул Русаков и

привстав, протянул ему руку.

– А почему без предупреждения? – широко улыбаясь проговорил Кубышкин. – У нас не принято, чтобы такие люди появлялись без предупреждения. Надо встретить, хотя бы чаю предложить. И сейчас можем сообразить.

– Извините, Сергей Захарович, – сказал Ростислав. – У нас с Володей общение чисто деловое, без протокола.

– И без чая, – хмыкнув, добавил Шкадов.

– Ну что ж, приятно было познакомиться, – редактор всплеснул руками. – Если что заходите, я еще здесь. Приемная через кабинет.

Когда дверь за ним закрылась, то Еронко слегка улыбнулся:

– Нормальный мужик, в принципе. Только очень всего боится. Отголосок еще советских времен. Как бы чего не вышло... Ну да, ладно, давайте к делу.

Он пошевелил мышкой, и компьютер ожил, потом пощелкал кнопкой, что-то набрал, на ходу поясняя:

– Все же перестраховываюсь. Больно уж письмецо серьезное.

И тут внезапно в комнате погас свет, издав какой-то непонятный звук, отключился и компьютер.

– Дела..., – сказал Шкадов, – Эдак, мы никогда ничего не узнаем.

– М-да. И часто у вас такое? – спросил Русаков у Владимира.

– Нет. Уже и не помню, когда последний раз такое было.

– Плохой знак, – сказал Семен и подошел к окну. Несмотря на то, что в комнате было темно и с улицы вряд ли было его видно, он стоял сбоку от окна и лишь слегка приоткрыл занавеску.

– Что там? – спросил Ростислав.

– Похоже, свет выключили во всем здании. Хотя в соседних домах окна горят. И на стоянке темно. Но не совсем...

– И что там? – Шкадов встал и хотел подойти к окну, но Семен жестом остановил его.

– Лучше закройте дверь на ключ. Какое-то движение нехорошее возле машины.

– И что делать будем? – поинтересовался Русаков.

– Сыграем на опережение, – ответил Семен. – Надеюсь, связь работает.

Он достал телефон. После его звонка с короткими распоряжениями, они еще минут десять сидели в темноте. Только Семен не покидал своего импровизированного наблюдательного пункта.

Наконец, он отошел от окна и удовлетворенно произнес:

– Без шума сработали.

Внезапно зажегся свет и заурчал компьютер. В дверь негромко постучали. Семен открыл ее. Вошел человек в камуфляже с маской на лице. За ним в коридоре стояли еще две тени.

– Хорошо сработали, Саша, – сказал Семен. – Быстро, ти-

хо. Кто еще в здании был?

– Охранник внизу и мужик еще один. Координировал их, наверно. Мы их заперли на всякий случай.

– А тех?

– Тоже. Миночку под машину поставили, очевидно, а сами из-за угла наблюдать собирались. Но вы не волнуйтесь, обезвредим быстро.

– Хреново, – покачал головой Семен. – То есть, вы-то все правильно сделали, а мы где-то что-то недоработали. Или мужика этого недооценили. Редактора.

– Вы думаете, это он? – спросил Еронко.

– С большой долей вероятности. Теперь вопрос, что с ними делать. Думай, Саша, они на тебе. Ну, а мы дело до конца доведем. Но пару человечков в коридоре оставь. На случай сюрпризов.

– Понял, – сказал Александр и исчез, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Еронко опять включил компьютер, проделал очередную процедуру и, наконец, открыл нужную страницу.

– Читаю вслух, – сказал он.

«Я – журналист Виктор Санин. Если вы читаете это послание, значит, со мной что-то случилось. Черета происходящих вокруг моей скромной персоны в последнее время событий говорит о том, что это вполне возможно. Не буду растекаться мыслями, а сразу перейду к делу. Около года назад мне предложили вести паблик «Честный Ясноборск».

Предложили некто Смирных Эдуард, руководитель администрации мэра и Григорий Сапожников, его пресс-секретарь. Потом со мной говорил и заммэра Петр Кравцов. Смысл был такой: развелось много блогеров-шмогеров, которые пишут не то, что городской власти нужно. Официальным СМИ никто не верит, поэтому им нужен свой канал. Более интересный, более квалифицированный... Короче, сплошные более... Информацию они мне будут разную сливать. Я начал его вести и вывел на приличный уровень. Было бы о чем писать, а как писать, это мне не сложно. Иногда дозированно мне разрешали покусывать мэрию, а в большем объеме – и губернатора. Но вообще-то задача была просто вывести «ЧЯ» на хороший уровень, набрать много подписчиков. Если коротко, то это был как бы засадный полк перед выборами. Когда Данилов ушел, а появился человек из Москвы, они заволновались. Псевдообъективность была забыта, задача была мочить исполняющего обязанности. Но сначала культурно, вроде как голос граждан. Они реально испугались. И стали делать необдуманные шаги. Кое о чем я знал, кое о чем догадывался. Но молчал, ибо себе дороже. Да и деньги платили неплохие (неужели из бюджета?). Все шло как по маслу, но случилась череда событий, чисто случайных, после которых они почему-то решили мне больше не доверять. Если вы читаете это послание, то опасения были не беспочвенные и я не параноик. Знаю, что по неформальным делам они собираются на бумажно-картонном заводе.

Там у них есть что-то вроде сауны для своих. Сам директор – скорее сошка, но при нем есть некий Евгений Артурович, вот он, мне кажется – страшный человек. Знаю, что с ними тесно связан кто-то в областной администрации и один банкир, он их спонсирует. Ну вот, пожалуй, и все, что я знаю. Остальное – домыслы. Но они точно связаны и с бандитами, и с ментами. Говорили, что прикрытие хорошее и я могу не беспокоиться. Но вышло, что это до поры, до времени. Они думают, что журналисты – люди заменяемые. Но это иллюзия. Талант – дело штучное. Но главное – не это. Если меня не будет, то вы знаете, кто мог это сделать. Вернее, приказать сделать».

Еронко замолчал и посмотрел на присутствующих. Они тоже молчали. Наконец, затянувшуюся паузу прервал Русаков:

– Семен, – сказал он. – Мне кажется, нужно действовать. Тот задумчиво поскреб подбородок и сказал:

– Возможно. Только у меня просьба: оставьте решение этого вопроса профессионалам.

– А я могу быть вам полезен? – поинтересовался Дмитрий. – Все же отчасти я считаю себя профессионалом.

Семен опять задумался:

– Пожалуй, я возьму вас с собой. Но только для того, чтобы было меньше вероятности утечки информации. А вас, господа хорошие, мы доставим по домам и посидите там тихо. Хотя бы до утра.

Глава сорок вторая.

Когда Русаков уехал, Антон почувствовал себя неуютно. Он подошел к окну. Сотрудники администрации понемногу выходили из здания, покидали ярко освещенное пространство и растворялись в вечерней мгле. В свете фонарей начали кружиться снежинки. Тонковидов вышел в приемную. Секретаря уже не было, а на ее месте сидел помощник Юра и что-то высматривал в телефоне. Увидев шефа, он вскочил.

– Сиди, сиди, – махнул рукой Антон. – Чего дергаешься? Катин не появлялся?

– Нет.

Антон решил не звонить подчиненному, а пройти по зданию. В коридорах было тихо. Впрочем, это было характерно для центра политической жизни региона. Толстые стены хорошо поглощали звуки, а ковровая дорожка – шаги. Ну, а сейчас вечером и людские фигуры редко появлялись в коридорах. Он толкнул дверь кабинета Катина. Тот сидел и что-то изучал на мониторе.

– Антон Викторович? – хозяин кабинета поднял голову. – Неожиданно. Надо было вызвать.

– Надоело сидеть, – ответил Антон. – Решил пройти. Что у тебя нового?

– Да вот кадры изучаю. В который раз.

– И что?

– А вы знали, что Вилецкий и Сакуляк вместе учились в школе? – неожиданно спросил Катин.

– Конечно, нет. Это входит в мои обязанности? – иронично спросил Тонковидов.

– Нет, – покачал головой Сергей Сергеевич. – Да и не лежит это на поверхности. Но кое-что сопоставил и неожиданно всплыло.

– И что нам делать с этой информацией?

– Не знаю. Она нам ничего не дает. Кроме очередных подозрений.

– Ну, вот что, Сергей Сергеевич, – Тонковидов поднялся. – Это не мое дело – в их связях копаться. А ты можешь с Крупиным поделиться. Если ему доверяешь. Или Русакову передай, у него это лучше получается, чем прямыми обязанностями заниматься. Ну, ничего, я его завтра нагружу.

Он поднялся и вышел из кабинета.

Антон почувствовал накатывающее раздражение, которое неожиданно вырвалось наружу. До сих пор ему удавалось справляться с приливами гнева, раздражения, растерянности и даже паники, которые периодически одолевали его. Но сейчас он почувствовал, что делать это становится труднее. «Может надо показаться врачу, – подумал он, – пусть таблетки какие-нибудь выпишет».

Антон вернулся в кабинет. Нашел в себе силы открыть папку с почтой. Возвращаться к себе в коттедж ему решительно не хотелось. Загорелась кнопка селектора. Беспокойла приемная.

– Слушаю, – сказал Тонковидов.

– К вам Савельева, Валентина Викторовна, – услышал он голос помощника.

– Пусть зайдет, – ответил Антон после небольшой паузы. Савельева зашла почти неслышно. Подошла к приставному столику.

– Можно присесть? – спросила она.

Тонковидов кивнул. Смотрел на нее из полуприкрытых век. Скромная прическа, бежевый костюм, белая блузка.

– Я вам не помешаю? – заместительница подняла голову и посмотрела на Антона.

– Нет, – он слегка усмехнулся... – Вы же по делу, Валентина Викторовна?

– Конечно, – кивнула она, – Практически.

– Скажите, а вы знаете, что Сакуляк и Вилецкий учились в одном классе? – неожиданно спросил Тонковидов.

Она совсем не удивилась вопросу. Или сделала вид, что не удивилась.

– Знаю. Я вообще много чего знаю. Только это ничего не значит.

– В смысле?

– Они поддерживают отношения. Но только потому, что оба осторожные люди. Особенно наш, то есть ваш руководитель аппарата. Хотя возможно и потому, что хорошо знают друг друга. В курсе, чего от кого ждать и чего можно опасаться.

– А есть чего опасаться?

– Конечно. Только я хочу вам заметить, Антон Викторович, что вы задаете слишком много вопросов. Я готова на них ответить, и могу сама вам кое-что рассказать. Только после того, как мы с вами прогуляемся в вашу комнату отдыха.

Тонковидов опять замолчал. Сделал паузу. Потом кивнул головой:

– Хорошо.

Он нажал кнопку селектора:

– Со мной никого не соединять. Я занят.

Через некоторое время Валентина лежала на его плече на кожаном диване в комнате отдыха. Они были одеты лишь частично, и Тонковидов бросил на диван скатерть со стола – кожа неприятно холодила. Савельева молчала, а Антон никак не мог отдышаться, что очень раздражало его. Наконец, когда дыхание пришло в норму, он спросил свою заместительницу:

– И все же хочется честно услышать, что тебя заставляет идти на такие отношения со мной? Ну, кроме желания угодить начальнику.

Она задумчиво провела пальцем по его груди и ответила не спеша:

– Я не обижаюсь на такой вопрос. Первый раз, ну да, отчасти это, отчасти любопытство, отчасти немного пожалела тебя... Ничего, что на «ты»?

– Ничего, – ответил он и она продолжила:

– Потому что один, без семьи, в тяжелом окружении. Ну, а

потом ... потом понравилось. С мужем-то у нас секса почти нет, да и тепла особо тоже. Честно.

– За честность – спасибо.

– Верь мне. Хотя у нас верить кому-либо трудно.

– Это точно, – он произвольно вздохнул. – Кстати, что ты мне рассказать хотела?

– Переходим к деловой части? – в ее голосе послышалась улыбка. – Хорошо. Вы, наверно, хотите знать, кто устранил Цветкова?

– Неожиданно, – Антон удивился настолько, что даже не заметил, что она снова перешла на «вы». – Хочу. Хотя думал, что узнаю это от следователя.

– Есть люди, которые тесно с ними общаются. Не я. Другие. Это сделали по указанию некоего господина Шилова. Президента банка «Союз».

– Стоп! Я, кажется, знаю его. Он приходил ко мне вместе с московским бизнесменом.

– Цветков, насколько я знаю, заблокировал какую-то его сделку. Вместе с бывшим губернатором. Но того убрали и возможно здесь не обошлось без того же Шилова. А Цветков остался. Потом и его не стало.

– Так...– выдохнул Тонковидов. – Знают ли это те, кто ведут расследование?

Валентина потянулась и повернула лицо к Антону:

– Думаю, что знают. Вопрос в том, что они сделают с этой информацией.

– А зачем ты мне это рассказываешь? – спросил Тонковидов почти зло.

Она улыбнулась:

– Чтобы ты мне больше доверял и знал, что я не держу за пазухой никаких камней. И чтобы ты был осторожнее, никому или почти никому не доверял. А то охрану практически игнорируешь. Честно скажу: я попросила Виктора Ивановича Господарева, чтобы он организовал тебе охрану. Незаметно. В том числе и для тебя.

– Даже не знаю, благодарить ли тебя за это... А, кстати, какие у тебя отношения с этим... Господаревым?

– Не ревнуй. Чисто деловые.

Она легко вскочила с дивана:

– Извини, мне надо идти. У меня все же семья, иногда надо заботиться и о ней. Не все же время гореть на работе.

Антон повернулся и начал смотреть, как она одевается, не удержавшись, сказал:

– Ты в отличной форме. Совсем юная.

Валентина засмеялась:

– Положение обязывает. Но долго держаться в такой форме невозможно. И, как только меня снимут с должности, я резко начну увядать.

Антон промолчал, не найдя что ответить. Молча встал и начал одеваться.

Через некоторое время он проводил ее до дверей кабинета. На прощание Савельева повернулась к нему и с загадоч-

ной улыбкой сказала:

– И все же, будь осторожней. Пока ситуация не разрешится.

Антон до конца не понял смысл ее последних слов. Вернулся к столу и посмотрел на мобильный. Русаков звонил уже трижды. Тонковидов нажал на вызов. Услышал ответ и спросил:

– Что, Слава, есть новости? У меня тоже. Беру Сергеича и едем к тебе. Мне почему-то так спокойнее.

Глава сорок третья.

– Куда едем? – спросил Шкадов у Семена, когда они сели в серый джип. Семен впереди рядом с водителем, Дмитрий на заднее сидение вместе с двумя парнями в камуфляже.

Машина тронулась с места. Сзади за ними из-за угла вывернул небольшой микроавтобус.

– В гости, – не оборачиваясь, бросил Семен.

– К кому?

– Да ты их знаешь. Одного точно. Пообщаемся быстренько. Кто первый успеет, того и тапки.

– А это законно?

– Сделаем законно, но сначала пообщаемся.

Они ехали недолго. Машина остановилась у свечки на улице Льва Толстого.

– Узнаешь? – спросил Семен. – Какая там квартира?

Не дожидаясь ответа, он выскочил из машины. В руках у него появилась переносная рация. Семен сказал в нее

несколько слов, потом засунул ее в карман и достал мобильный. Этот разговор продолжался чуть дольше. Он отошел в сторону и нервно объяснял кому-то. Потом повернулся назад, сделав знак сидевшим на заднем сидении. Двое парней быстро вышли из салона. Микроавтобус стоял неподвижно, двери были закрыты, тонированные окна скрывали происходящее внутри.

– Ну что, Дима, готов? – сказал Семен и оценивающе посмотрел на Шкадова. – Тогда двинулись. Говорить буду я, но и ты будь на подхвате. Мало ли что вспомнишь.

Они двинулись к подъезду. Один из парней достал ключ, приложил его к домофону и дверь распахнулась. Лифт стоял на первом этаже, будто ждал их. Бесшумно сошлись дверки. На шестом этаже они вышли. Вот и квартира с номером 53. Семен нажал на кнопку звонка.

– Кто там? – раздался из-за двери высокий, но без сомнения, мужской голос.

– Полиция. Участковый, – ответил Семен.

– А что нужно полиции? – раздалось из квартиры.

– Открывайте. На вас жалоба.

– Какая жалоба? Я в мэрии работаю, – голос был недовольным, но загрохотали замки и дверь приоткрылась.

Семен резко всунул ногу в проем и буквально вломился в квартиру. Вслед за ним – два человека в камуфляже. За ними зашел и Шкадов.

– Смирных Эдуард Павлович? – Семен не давал хозяину

опомниться.

– Да, – растерянно ответил тот. Смирных стоял в бордовом бархатном халате. На бороде и отворотах халата лежали крошки. Похоже, незваные гости оторвали его от трапезы.

– Давайте пройдем в квартиру, – напористо продолжал Семен.

– Да. Но в чем, собственно, дело? – говоря это, Смирных продолжал отступать.

– Сейчас узнаете.

Все вошли в комнату. Судя по всему, хозяин квартиры мирно ужинал. Негромко говорил телевизор. На журнальном столике была разложена еда. Стояла откупоренная бутылка вина и рядом почти полный стакан. Отпить из него Эдуард Павлович успел совсем немного.

– Вы обвиняетесь в организации убийства журналиста Саннина и покушения на убийство вице-губернатора Русакова.

– Стоп-стоп, – возопил Смирных и рухнул в кресло. – Я никого не убивал.

– А никто этого не утверждает, – усмехнулся Семен. – Организация! А исполнителей мы найдем, не сомневайтесь.

– Бред какой-то, – протер вспотевший лоб Смирных, – Я вызову адвоката.

– Будет вам и адвокат и прокурор. Второй даже раньше. Но пока рассказывайте, зачем вы изобрели «Честный Ясноборск» и кто давал журналисту Саннину указания «мочить» исполняющего обязанности губернатора.

– А вы кто, собственно говоря?

– А вы не знаете? – переспросил Семен.

– Его знаю, – ответил Смирных, показывая на Шкадова. –

Это наш участковый. А вас – нет.

– Не меняйте тему. Мы говорили о «Честном Ясноборске». Или нам вас задержать на 48 часов?

– Дался вам этот «Честный», – Эдуард Павлович покачал головой. – Скажу, это не вопрос. Элементарная политика. Много блогеров развелось. Гадости пишут. Поэтому свой паблик – требование времени. Сначала наши ребята писали, из администрации. Но плохо. Скучно. Мы решили этого Санина привлечь. У него перо быстрое и ловкое, к тому же он за тридцать рублей мать родную продаст.

– Тридцать сребреников, – машинально поправил его Шкадов.

– Какая разница..., – Смирных махнул рукой.

– А когда на руководителя региона начали нападать? Кто указание дал?

В это время Семена прервал звук сигнала рации.

– Что там у вас? – спросил он.

Потом слушал какое-то время и снова нервно:

– А прокурор? Ладно.

Он отключился и повернулся к Дмитрию:

– Поговори с ним. А ребята посмотрят, чтобы хорошо себя вел. Я, надеюсь, быстро.

Он выскочил из квартиры. Дмитрий повернулся к Смир-

НЫХ:

– Итак, продолжим. Кто дал команду?

– А вы, с какой стати меня допрашиваете? – вдруг обоблился тот. – Участковый, а туда же.

– А с чего вы взяли, что я участковый, – Дмитрий достал заветную книжицу. – Московский уголовный розыск.

– О, господи, – почти простонал Эдуард Павлович. – Что же это происходит? Звоните Сергею Васильевичу, пусть он вам рассказывает. Я больше ничего не буду.

– А кто такой Сергей Васильевич? – поинтересовался Шкадов.

– Мэр. Сакуляк. А я замолчал.

Все остальные попытки вытянуть его на разговор были тщетны. Смирных упрямо молчал и смотрел в стенку. К счастью, Семен вернулся довольно скоро. С ним был довольно молодой мужчина невысокого роста и в очках. Его можно было принять за учителя.

Мужчина представился:

– Заместитель прокурора города Пономарь Алексей Леонидович. Эдуард Павлович, придется вас задержать на 48 часов.

– Знаю я вас, Алексей Леонидович, но не ожидал. И на каких основаниях?

– Надеюсь, за 48 часов все станет вам понятно, – заместитель прокурора был очень вежлив.

– А Анатолий Григорьевич знает? – не успокаивался

Смирных.

– Анатолий Григорьевич на больничном. Я на хозяйстве, так что уж извините, – Пономарь развел руки в сторону.

– Одеться хоть дайте, – сказал Эдуард Павлович. – И адвокату позвонить.

– Одеться можете, а адвокат – позже, – вмешался Семен. – Посмотрите, как он одеваться будет. А потом в машину отведете.

Он повернулся и махнул рукой своим сопровождающим, которые на протяжении всего разговора стояли молча. Пономарь взглянул на него, но ничего не сказал.

Они втроем спустились вниз. В лифте зампрокурора спросил Семена:

– Вы не рано начали? Разворошили...

Он осекся и посмотрел на Дмитрия.

– Москвич. Частный детектив. Бывший сыскарь, – представил его Семен.

Пономарь кивнул. А Семен продолжил коротко:

– Нечаянно шевельнули. Чтоб больше не разворошить...

Шкадов не до конца понял смысл обмена репликами, но переспрашивать не стал. Выйдя на улицу, Семен подошел к микроавтобусу, также загадочно стоявшему одиноким уте-сом, и тихо поскреб по двери. Дверь отъехала, и оттуда вышел человек в камуфляже.

– Что за люди? Выяснил? – спросил у него Семен.

– Люди Господина. Но тихо исчезли. Как растворились.

Мы их задерживать не стали.

– Правильно, не до них. Но странно.

– Что странно? – не выдержал и спросил Дмитрий.

Семен посмотрел на него задумчиво, но все же ответил:

– Да, тут еще одна компания нарисовалась. Кого-то пасли.

Может нас, может их. Ладно, дуй отдыхать, устал, наверно.

И просьба – сиди тихо, до утра хотя бы.

– Есть, – улыбнулся Дмитрий, – Буду отдыхать.

Глава сорок третья.

Отдыхать Дмитрию не пришлось. В квартире Ростислава сидели сам Русаков, Катин и Тонковидов. Напряженные, не очень предрасположенные к расслабленному отдыху. Впрочем, поесть Дмитрию предложили. На столе лежали куски остывшей пиццы, стояли пакеты с соком. Не густо. Впрочем, Шкадову не удалось даже доесть кусок, который с трудом лез в горло.

– Рассказывай же, – сказал Антон. – Будем сопоставлять факты.

После того, как Дмитрий рассказал об итогах визита к Смирных, все опять замолчали.

– Учитывая то, что сказал Антон Викторович, думаю, что самодеятельность не уместна. Надо вызывать Крупина и пусть ставит в известность, кого следует, – сказал Катин.

– Вопрос, доверяем ли мы ему? И мне бы не хотелось говорить об источнике информации, – заметил Тонковидов.

– Я знаю, что надо делать, – сказал Шкадов, допив сок. –

Надо звонить Семену. Я ему верю. В данной ситуации это важнейший момент.

– Кто вообще такой, этот Семен? – нервно спросил Антон.

– Мне кажется, что у него большие возможности, – осторожно отметил Дмитрий. – Все ниточки сходятся к нему.

– Ну, так что, кому звонить-то будем? – спросил Русаков.

Но сперва телефон зазвонил у него. Это был Никита Брагин. Русаков больше слушал, потом сказал:

– Да, это некий банкир Шилов.

И сам внезапно осекся. Потом переспросил:

– Так, что там у тебя с ним? Повтори. Понял, пока не принимай ничего.

Закончив разговор, присел на диван:

– Вот такая история. Оказывается, его бывшая девушка, Алина, она с неким известным нам теперь банкиром Шиловым... Ну и судя по всему, парня избил люди этого Шилова. Еще один камешек в мозаику.

Тонковидов восторженно вскрикнул, покрутил головой:

– Алина... не нравятся мне такие совпадения. А он не может нас с ней познакомить? Этот Никита...

– Может, наверно, – сказал Русаков. – Но нам сейчас стоит ли с девушками знакомиться?

– Возможно, это звенья одной цепи, – заметил Катин. – Но, я думаю, нам стоит перестать заниматься самодеятельностью. Пусть профессионалы занимаются. И если мы никому здесь не доверяем, то надо звонить в Москву. Я так ду-

маю, Антон Викторович. И в рамках данных мне полномочий я это сделаю.

Антон нервно помотал головой, потом посмотрел на Катина:

– Хвост виляет собакой? Хотя, Сергеич, ты прав. Только мы все равно много информации набрали. Без нас не обойтись.

– Ну почему же, – усмехнулся Дмитрий. – Есть и другой возможный вариант: уничтожить нас.

– Ты это серьезно? – спросил Антон. – Вроде бы мы в этом мире не последние люди. Так просто от нас не избавиться. Следы останутся.

– Шутит он, Антон Викторович. Типичный ментовский юмор. Они циники, как и врачи, – мрачно сказал Катин. – Так, я звоню?

– Звони, засекреченный ты наш, – сказал Тонковидов. – Хотя все это навеивает мысли о смысле существования российской провинции, если любой частный вопрос надо через Москву решать.

– Не частный, Антон, – заметил Русаков. – Вопрос власти. Пусть и в одном отдельно взятом регионе. Впрочем, хватит говорить. Решили, значит действуем.

– Извините, я выйду, – сказал Катин. – Так будет лучше.

Все промолчали. Почти в тишине ждали, когда Сергей Сергеевич вернется из соседней комнаты. Изредка перебирались короткими репликами. Ждали минут десять, пока,

наконец, не появился Катин. Он прошел, сел на диван и лишь потом негромко произнес:

– Просили пока ничего не предпринимать. Ждать осталось недолго.

– Чего ждать? И почему кто-то здесь что-то решает, минуя меня? – нервно спросил Тонковидов.

Сергей Сергеевич посмотрел в окно. Там было темно, лишь на ветру раскачивался одинокий фонарь. Катин произнес:

– Не здесь, видимо, решают. А насчет чего ждать, я и сам до конца не знаю. Еще попросили не делать резких движений.

– Мне кажется, Семен их уже сделал, – усмехнулся Шкадов.

– А мне добавить больше нечего, – пожал плечами Катин.

Они посидели еще немного, но больше ни к чему не пришли. Тонковидов с Сергеем Сергеевичем уехали, а Русаков с Дмитрием остались в квартире. Время было уже позднее, поэтому они решили уже окончательно дожидаться завтрашнего дня. Впрочем, сон долго не шел. Мужчины продолжали обсуждать случившееся, не слишком понимая, что происходит. По крайней мере, так ощущал ситуацию Русаков. Когда он рассказал об этом Шкадову, тот спросил:

– А не жалеешь, что ввязался в эту историю.

– Нет, – ответил Ростислав. – Зарплату отрабатываю, а остальное... В любом случае, получаю опыт. А ты?

– Опасность – мое ремесло, – ответил Дмитрий.

Русаков так и не понял, серьезно он говорит, или шутит. Но эта мысль была для него последней в этот вечер. Усталость все же взяла свое и он заснул

Глава сорок четвертая.

В эту ночь Иван Санин спал совсем немного. Накануне почти все заботы по похоронам отца легли на него. В последние годы Санин-старший официально нигде не работал, хотя подработок у него хватало. Иван позвонил по нескольким местам работы Виктора Васильевича, там сочувствовали, выражали соболезнования, но помочь материально или хотя бы поучаствовать в организации траурного мероприятия желанием не горели. Иван был человеком достаточно обеспеченным и вполне справился со всеми хлопотами, но осадок остался. На похороны и поминки пришло довольно много людей, они говорили какие-то дежурно-приторные слова, но цену им Иван понимал прекрасно. Как и то, что к отцу в городе отношение было, мягко сказать, неоднозначным. Уж очень многим он насолил своим ехидно-желчным языком. Впрочем, к Ивану и его семье отец и дедушка относились очень даже хорошо, в добром настроении играл с внуком, привозил ему подарки, а с сыном мог поговорить по душам. Хотя Ивану казалось, что все равно отец что-то недоговаривает, держит в себе какую-то затаенную обиду, стараясь ее не выплескивать. А в не очень хорошем настроении вообще общения избегает. Сын сам не так часто набивался

на разговоры – у Виктора Васильевича своя жизнь, молодая жена и хорошо, что общение это не является навязчивым.

Похороны сами по себе событие – не самое приятное, а еще вечером, вернувшись домой, Иван прочитал письмо, которое было в файле, разосланном накануне по редакциям. Настроение испортилось вконец. Наутро он решил исполнить поручение отца, отдать флэшку некоему Русакову. До этого же Иван хотел заехать к Альбине – вдове теперь уж Виктора Васильевича, обсудить вопросы наследства, на которое, в общем-то, Иван и не претендовал. А еще хотел, если получится, забрать отцовские бумаги, чтобы потом позаниматься архивом, некоторые семейные фотографии.

С Альбиной он на поминках перекинулся несколькими словами, сказал о своих намерениях. Но точное время не обозначил. Сейчас, подъезжая к дому, подумал, что неплохо бы было позвонить, предупредить. А с другой стороны – в этой квартире он рос, принадлежала она его отцу, да и ключи у Ивана были. Прежде, он всегда мог приехать сюда в любое время. Отец иногда ругался, если приходил без предупреждения, но происходило это нечасто и в памяти особо не осталось.

Подойдя к двери, он все же решил позвонить. Время было не раннее, но Альбина встретила его с растрепанной головой, на скорую руку закутанная в халат.

– Ой, Иван, – она захлопала заспанными глазами. – А что ты не позвонил?

– Мы же вчера договаривались, – сказал он, чувствуя все же некоторую неловкость.

– Да? А что ты хотел?

– Ну, поговорить. Да и кое-какие бумаги отцовы забрать, фотографии. Можно зайти, раз уж пришел?

– Да, я не готова разговаривать. Может быть, в другой раз. Созвонимся.

Иван уже готов был уйти, когда вдруг в квартире раздался стеклянный звон и сдавленные междометия, произнесенные явно мужским голосом.

– Кто это там? – напрягся Иван. – Только не надо говорить, что кот. Кота у вас точно нет.

Альбина хотела что-то ответить, но он отодвинул ее руку и прошел в квартиру. На кровати лежал мужчина с густой темной шевелюрой. Вернее, в данный момент он свесился с кровати и пытался что-то нашарить под кровать.

– А это что? – с удивлением произнес Иван.

– Да вот бокал задел, он под кровать укатился, – хриплым голосом сказал мужчина, натягивая на себя одеяло.

– Я не о бокале. Вы кто?

– Завертайло. Михаил Самсонович.

Мужчина протянул Ивану руку, но тот не отреагировал на попытку знакомства. Санин повернулся к Альбине, которая уже стояла у него за спиной:

– Весело тут у вас. Мужа не успела похоронить, а уже с другим мужиком.

– Ой, Ваня, – всплеснула она руками. – Это совсем не то...

– Ой, Вань, гляди, какие клоуны, – мрачно продекламировал Иван. – Веселая история. Кстати, сдается мне, не вы ли отца в квартире по голове ударили?

– Ты что? Это бандиты какие-то были. Их на отца твоего кто-то натравил, они его ударили и сбежали сразу, – ответила быстро Альбина.

– А меня здесь и не было. Алиби полное, – подал голос Завертайло.

– Не знаю. Следствие будет разбираться, – сказал Иван. – А с тобой, Альбина, я сейчас разговаривать не буду. Позже приеду. И, надеюсь, что мужика этого в доме моего отца в тот момент не будет.

Он повернулся и вышел из квартиры. На улице выглянуло солнце и вроде бы даже повеяло весной. Так неожиданно показалось Ивану. Он на миг зажмурил глаза, потом сел в машину и помотал головой, словно стряхивал наваждение. Потом завел автомобиль, вырулил на улицу и поехал в администрацию.

– Мне к Русакову надо, – сказал он полицейскому на входе.

– Звоните по внутреннему, – тот махнул рукой в сторону телефона на столике. – Список на стене.

Иван нашел номер, набрал. Ответили почти сразу.

– Я сын Санина Виктора Васильевича, – сказал он. – Отец просил с вами встретиться.

– Санина? – голос в трубке, казалось, задумался. – Именно со мной?

– Да. Именно с вами.

– Что ж, я сейчас перезвоню. Вас пропустят.

Полицейский попросил паспорт, переписал данные и лишь потом объяснил, как пройти к Русакову.

– Он еще там, но вообще-то должен сегодня переехать. У него должность новая. И вообще я вас к нему пускать не должен так просто, – заметил он, отдавая документ.

Кабинет у Русакова был небольшой. Для человека, занимающего серьезный пост в руководстве региона, по мнению Ивана, совсем небольшой. За столом сидел усталый, но, в общем-то, симпатичный мужчина средних лет. Тонкие черты лица, темные волосы с проседью. Глаза умные, хотя и какие-то замученные.

– Слушаю вас, – сказал Русаков.

– Добрый день. Извините, а зовут вас как? – Иван почувствовал некоторую неловкость от того, что то ли не посмотрел, как зовут чиновника, то ли забыл.

– Ростислав Романович. Присаживайтесь, – сказал Русаков, показывая на стул у приставного столика.

– Да, собственно, я ненадолго. Отец просил передать вам флэшку. Там текст небольшой.

– Ну, давайте посмотрим, – Русаков взял флэшку и вставил ее в гнездо. Пощелкал кнопками, открыл текст.

– Должен вас расстроить, я это уже видел, – сказал он. –

Как я понимаю, он разослал это письмо в несколько СМИ. Но резонанса пока нет. Вывод?

Иван вопросительно посмотрел на него.

– Вероятно, эти СМИ не заинтересованы в распространении информации. Этой информации, – подчеркнул Русаков. – Боюсь, что у вас со СМИ вообще проблема. В области.

Иван пожал плечами. Он был не в теме. Его интересы лежали совсем в другой плоскости.

– А вы видели содержание этого письма? – спросил Ростислав.

– Да, – кивнул Иван.

– И что по этому поводу думаете? Пепел Клааса не стучит в ваше сердце? За отца отомстить не хотите? – пояснил Русаков.

– Не знаю, – ответил Иван. – Все это очень неожиданно. Я в последнее время эти темы с отцом не обсуждал. Да и вообще, можно сказать, не обсуждал. Мы общались, но у него другая семья, и он зарабатывал деньги таким образом, очевидно. Постоянно он уже давно нигде не работал.

– А, в общем-то, вы, наверно, правы, – неожиданно сказал Русаков. – Не надо лезть во все это. Пусть профессионалы разбираются.

– Понял. Я подумаю над вашими словами, – сказал Иван, поднимаясь. – Кстати, мне полицейский на входе сказал, что вы вероятно в другой кабинет переберетесь. Побольше.

Русаков хмыкнул:

– Не уверен. Что-то мне не очень хочется этого. Возможно, уже просто и смысла нет. До свидания.

Иван вышел из здания. Он немного постоял на ступеньках, вдыхая воздух. Ощущение весны усиливалось. Санин спустился вниз, дошел до стоянки и сел в машину. Он проехал пару кварталов по центральному проспекту. Потом неожиданно свернул к четырехэтажному светлому зданию мэрии. На стоянке перед ней свободных мест не было. А на самом тротуаре место заняли несколько полицейских машин. Ивану удалось припарковаться на углу, чуть в стороне. Отсюда, впрочем, мэрию было хорошо видно. Несколько человек стояли на тротуаре и что-то обсуждали. Санин вышел из машины и подошел к ним.

– А что там происходит, не знаете? – спросил он.

– Точно не знаем, но просто так полиция у нас ни к кому не приезжает, – ответил пожилой невысокий мужчина в яркой зеленой куртке, – может, и до этих добрались.

Глава сорок пятая.

Утром Русаков поехал на работу, как обычно. Дмитрий остался дома. Ростиславу показалось, что его друг немного захандрил. Впрочем, объяснение лежало на поверхности: Шкадова тяготило его положение и вынужденное бездействие. Он даже снова спросил Ростислава, не вернуться ли ему в Москву. У Русакова не было готового ответа на этот вопрос, и он, немного подумав, попросил Дмитрия немного подождать.

По дороге Ростиславу позвонил Тонковидов.

– Уезжаю на строительство ледового дворца, – сказал Антон. – У тебя новостей нет?

– Нет пока.

– И у меня нет. Но есть предчувствие чего-то. А пока просьба: поговори с Вилецким, пусть наладит работу протокола, постоянно о мероприятиях забывают. Все в последний момент всплывает.

Вилецкий позвонил Ростиславу сам, буквально через пару минут после его появления в кабинете.

– Ростислав Романович, доброе утро. Я вот о чем: вам по должности надо перебираться в кабинет Цветкова. Когда мы сможем заняться переездом.

– Голому собраться – только подпоясаться, – усмехнулся Русаков. – Но пока давайте не будем торопиться. А вы зайдите ко мне, есть поручение Антона Викторовича.

Вилецкий пришел немного напряженный. Скорее всего, потому что не знал, какое именно поручение Тонковидова придется исполнять.

– Слушаю вас, Ростислав Романович, – сказал он с порога.

– Присаживайтесь, Виталий Алексеевич, – ответил Русаков и вдруг поймал себя на мысли, что ему будет приятно немного потомить руководителя аппарата.

– Спасибо. Я слушаю, – напомнил Вилецкий.

– Да вот, есть претензии к работе вашего... , то есть нашего аппарата...

– Какие?

– Ну, не совсем аппарата. Службы протокола.

Русаков намеренно слегка потягивал «резину» и его это начало забавлять. Но он все же усилием воли заставил себя вернуться на деловой лад.

– Короче, Антон Викторович говорит, что они постоянно забывают ему сообщить о некоторых мероприятиях. Потом вспоминают. Ну и аврал начинается, сами понимаете. С этим надо покончить.

– Хорошо, Ростислав Романович, я приглашу к себе руководителя протокола. Для начала проведу беседу. Не поможет, примем серьезные меры.

– Давайте. Тем более, что хорошим вечно быть нельзя.

– Понял. Могу идти или есть еще вопросы.

– Есть, – сказал Ростислав после небольшой паузы. – Скажите, вы, действительно одноклассник Сакуляка?

– Ну да, – ответил Вилецкий немного растерянно. – Это, в общем-то, не секрет.

– Общаетесь?

– Нечасто. Больше по работе.

– А скажите мне, Виталий Алексеевич, если б Сакуляк стал, к примеру, губернатором? Это бы для вас лучше было?

Вилецкий побледнел (или это только показалось Ростиславу?), пригладил волосы, потеревил дужку очков и только потом ответил:

– Да нет... Я и так себя нормально чувствую.... И он тоже.

Он на своем месте. Я на своем. Такой вопрос...

– Да, не волнуйтесь вы так. Прямо побледнели. Одноклассники – это святое. Я вот одноклассник Тонковидова. Он меня пригласил. Это нормально.

– Да и не волнуюсь я. Просто вопрос...

Вилецкий не договорил, да Ростислав и не настаивал.

– Идите, – сказал он. – И про протокол не забывайте.

Дверь за ним не успела закрыться, как зазвонил внутренний телефон. Это был сын погибшего Санина. Флэшка, которую он принес, содержала письмо Виктора Васильевича, содержание которого он узнал накануне.

Когда Иван Санин ушел, Русаков набрал телефон Оксаны.

– Привет. Зайди, пожалуйста.

Оксана зашла в кабинет через пару минут. Стремительная, в черных брюках и бежевом свитере. «Под цвет глаз», – подумал про себя Ростислав и незаметно залюбовался ей. А вслух сказал:

– Рад тебя видеть.

– И я вас, Ростислав Романович, – улыбнулась она.

– «Вы», «ты», запутаться можно, – Русаков помотал головой.

– Мы же на работе. Значит, официально.

– Ну да, наверно. Все же никакой я не чиновник, – грустно сказал Ростислав. – Скажи лучше, как себя чувствует ваш Морсков?

– Никак, – ответила Оксана. – Вернее, плохо. Наверно. Он

на больничный ушел.

– Блин, забыли мы про него в этой суете.

– И еще новость есть, – продолжила она. – Еронко в больнице.

– Владимир? – он поднял голову. – Что с ним?

– Избили его вчера вечером. Подробности не знаю. Из больницы жене позвонили. Она – мне. Мы знакомы хорошо, раньше работали вместе.

– Плохая история, – Русаков опять помотал головой, только теперь ожесточеннее. – Надо бы к нему съездить, поговорить по возможности.

В это время у Ростислава зазвонил мобильный. Тонковидов.

– Извини, – сказал Русаков и поднес трубку к уху.

– В мэрии полиция. Кравцова задержали. Сакуляка допрашивают. Подходи ко мне через пять минут, я подъезжаю.

Русаков видимо переменялся в лице, поэтому Оксана обеспокоенно спросила:

– Что-то случилось?

Но он не успел ответить, теперь позвонил Катин. Сергей Сергеевич по голосу наоборот показался очень спокойным.

– Началось, – сказал он. – Слышал?

– Да, Тонковидов звонил.

– Тогда у него встретимся.

Антон даже не мог сидеть на месте. Он возбужденно ходил по кабинету. Русаков и Катин сидели возле приставного

столика и не успевали следить глазами за его перемещениями.

– Не знаю, как мне на это реагировать, – наконец сказал руководитель региона. – С одной стороны, гады они. С другой – неизвестно, как это на мне отразится. Вроде и не мои люди, а как бы я за все в ответе тут. И главное – ничего толком не знаю.

– Антон Викторович, – осторожно встрял Катин. – Это обычная практика. В центре все тихо решают делать, чтобы утечки не было.

Тонковидов резко остановился и посмотрел на него:

– А мне, выходит, не доверяют. Ладно, я Крупина позвал, пусть отчет дает.

Заместитель по безопасности появился сразу же, как о нем вспомнили.

– Проходите, Петр Петрович, присаживайтесь, – Тонковидов перестал ходить и сел за стол. – Слушаю вас. Что у нас в городе, в столице региона, если можно так выразиться, происходит?

– Антон Викторович, – осторожно начал Крупин. – Мне самому не все известно. Но насколько я понимаю, это федералы. Вероятно, курирует все ФСБ,

– Почему вы не знаете, что у вас под носом происходит? – Тонковидов начал закипать. – Вы отвечаете за безопасность, причем в глобальном смысле этого слова. А безопасности у нас в городе вообще нет. Какая безопасность, если в мэрии

такое творится? Короче, готовьте доклад по ситуации. Через два часа совещание по этому вопросу. Обеспечьте явку руководителей силовых структур.

Крупин ушел. Антон поднял трубку телефона, но сначала сказал, обращаясь к Русакову и Катину:

– Мне надо доложить о ситуации. А как докладывать, если я сам ничего не знаю. Звоню при вас.

Он набрал номер, подождал, пока ответят.

– Здравствуйте, Юрий Иванович. У нас тут экстренные новости. Что? Уже знаете? Хорошо. А как мне поступать в этой ситуации? Я через два часа созвал экстренное совещание.

Антон замолчал, слушая, что ему отвечает собеседник и постепенно мрачнел.

Потом сказал:

– Да, Юрий Иванович, понял. До встречи.

Он положил трубку, обвел кабинет тяжелым взглядом:

– Ну что? Сказали опять ничего не предпринимать. Совещание отменить. Ждать.

– И сколько ждать? – спросил Русаков. – Неопределенное время?

– Недолго. Ну, по крайней мере, так прозвучало. Такое ощущение, что меня игнорируют. Как Хрущева перед отставкой. Фильм «Серые волки» видели?

Ему ответили молчанием. Впрочем, похоже, Тонковидов и не ждал ответа, поэтому продолжил:

– Один звоночек все же сделаю.

Он стукнул по клавише селектора, сказал:

– Соедините меня с начальником ФСБ. Здравствуйте, Анатолий Андреевич! Да. Тонковидов. У меня есть информация, что сегодняшнюю спецоперацию в мэрии проводили ваши люди. Ну, или участвовали. И что?

Он включил громкую связь.

– Это работа федеральных структур, – раздался из динамиков спокойный, но слегка усталый голос Горелова. – Мы лишь выполняли указания. Думаю, с подробностями вас ознакомят. Ну, и нас тоже. Надо подождать.

– Хорошо, я понял, Анатолий Андреевич.

– Да, Антон Викторович, нам от Крупина позвонили, что вы совещание по этому вопросу собираетесь провести. Не преждевременно?

– Совещание отменяется. Всего доброго, Анатолий Андреевич.

– До свидания.

Тонковидов опять пощелкал кнопками, снова поднял трубку и сказал:

– Петр Петрович, отменяйте совещание. Переносится на неопределенный срок.

Потом поднял голову:

– Вы тоже свободны. И слышали: ничего не предпринимаем. До особого распоряжения.

Глава сорок шестая.

Из своего кабинета Ростислав позвонил Еронко. Не был уверен, что тот ответит, но Владимир откликнулся. Правда, слабым голосом, но не потерявшим бодрости духа.

– Жив и почти здоров. Ну, за небольшим исключением... Нет, уже дома. Отпустили под свою ответственность. Приехать хотите? Ну, приезжайте. Адрес запишите.

Перед выходом из кабинета, Ростислав сделал еще два звонка. Оксана сразу стала напрашиваться, поехать с ним, но Русаков обрубил. Он не хотел подвергать ее даже гипотетической опасности.

– Нет. Работайте. Хватит приключений.

– Да что за работа, – вяло сопротивлялась Оксана. – Пишем пресс-релизы о строительстве ледового дворца. И вообще работа как замерла, команд никто не дает. Вам вообще не до нас.

– Ну, вот и пишите, дворец – дело важное. Мы уйдем, а он стоять будет.

Потом он позвонил Дмитрию и назвал адрес, к которому нужно подъехать. Еще и пошутил:

– Ну вот, а ты говорил, что тебе делать уже нечего.

Уже одевшись, зашел к Катину. Тот сидел и разговаривал по телефону. Увидев Ростислава, быстро свернул разговор. Услышав, куда он едет, мрачно спросил:

– Зачем?

– В смысле? – опешил Русаков.

– Было ж сказано, ничего не предпринимать. Шерлок

Холмса не заказывали. Впрочем, съезди. Может, еще раз в машине дырку сделают.

– Невеселые шутки.

– Да вот как-то так.

Разговор с Катиним Ростислава не порадовал. Даже немного выбил из колеи. Но, с другой стороны, он понимал, что ситуация, действительно, к веселью не располагает. Но что-то делать нужно. Например, выяснять, что случилось с Еронко.

Когда Ростислав выехал на проспект, то ему показалось, что к нему приклеилась какая-то машина, он несколько раз посмотрел в зеркальце, но так и не понял: правда это или ему мерещится. Дмитрий уже ждал его возле дома Еронко. Подозрительного вокруг вроде бы ничего не было.

Владимир выглядел не лучшим образом. Лежал с перевязанной головой и распухшим носом. Русаков с Дмитрием присели рядом с диваном, пододвинув стулья.

– Под расписку выписали, – рассказывал он. – Ну и под честное слово жены, что будет за мной ухаживать. Но сейчас в магазин убежала. Но я ничего. Могло и хуже быть.

– Что-то у вас в городе журналистам достается, – сказал Русаков.

– С вашим приездом началось, – попытался пошутить Еронко.

– Рассказывай, как это произошло, – не поддержал шутки Шкадов.

– Как? Ну, я вышел из редакции и пошел домой, никого не трогая. Тут идти-то минут пятнадцать. И вот возле заборчика двое меня нагнали. С ног сбили, пару раз по голове дали. Я как-то извернулся потом, голову прикрыл. Но их спугнул кто-то. Они в машину бросились и уехали.

– Ты их или машину разглядел?

– Нет. Темноватое место. Только увидел, что двое было. И машина черная, наверно. Ну не светлая, это точно. А меня прохожие подняли и скорую вызвали. Может те, что их спугнули. Они быстро подошли. Скорая подъехала, и они сами исчезли. Но я их тоже не разглядел – голова болела, погано было.

– И что они от тебя хотели, нападавшие эти, ты тоже не знаешь?

– Убить, наверно, – Еронко попытался улыбнуться, но получилась только кривая гримаса.

– Ладно, выздоравливай, – сказал Ростислав. – Как говорили в одном фильме, будем искать. Извини, что апельсины не принесли. В другой раз.

– Не хочется что-то апельсинов. Немного полежу лучше.

Они вышли из дома и сели в машину.

– Ну, каковы наши дальнейшие действия? – спросил Дмитрий.

– Позвоним Семену, а то он что-то пропал, – ответил Русаков, – Но сначала давай-ка прокатимся не спеша по улице. Посмотрим, не следует ли кто-либо за нами.

Ростислав выехал со стоянки и двинулся по улице.

– Смотри, мне кажется, что этот джип, что едет сзади, я где-то уже видел, – сказал он.

– Возможно, – ответил Дмитрий.

Он внимательно глядывался в зеркало. Поток был немаленький, но большинство машин обгоняло их, а черный джип держался, хоть и в отдалении, но не приближался и не удалялся.

– Машина. К тому же черная, – резюмировал Дмитрий.

– Ну и черт с ней, – сказал Ростислав. – Не станут же они палить по нам из автоматов среди бела дня. Не Чикаго периода Великой депрессии. Звони Семену. А я пока приторможу где-нибудь.

Он припарковался возле торгового центра, а Шкадов в это время набрал номер. Затем включил громкую связь. Семен ответил не сразу и не сказать, чтобы был очень доволен звонку.

– Только отдохнуть решил, – сказал он. – Ночь была не скучная.

– А можно поведать, что за эту ночь произошло? – спросил Дмитрий.

– Только то, что уже официально известно. Кравцов и Сакуляк задержаны. Насколько – определит суд. Ну и кое-какие мелкие сошки.

– Сакуляк? – Русаков удивился. – Для нас это – новость. А что им инкриминируют.

– Да много чего интересного. Что-то может и развалится. Но там еще и экономика.

– Мы вроде экономики не касались.

– Вы что одни такие умные? – засмеялся Семен. – Ну все. Я и так разболтался. Вам все расскажут. Подождите немного.

– Еще минутку. Тут журналиста Еронко сильно избили. Это тот, который нам письмо показал.

– Как пить дать, это редактор кому-то стукнул. Надо выяснить, кому. Я скажу, им займутся. Ну, все, я отдыхаю.

– До свидания.

Шкадов отключился и посмотрел на Ростислава:

– Ну что, будем делать? Только не говори, что отдыхать. А то чувствую себя бесполезным существом.

– Я вернусь на работу, а ты... можешь поговорить с Никитой Брагиным. С тем, кого тоже избили. И что там за банкир Шилов? Вон у Семена и его людей руки до него, боюсь, не дошли, им меньше мэра рыбка неинтересна. Записывай телефон.

– Хорошо, я здесь выйду тогда. Прогуляюсь немного.

Ростислав высадил Шкадова и посмотрел на часы. Время обеда. Он решил поехать куда-нибудь пообедать. Куда именно – пока не представлял. Стоянки в центре были забиты, он медленно ехал по проспекту. Так проехал примерно километра два, пока не увидел вывеску «Кафе» на первом этаже длинной многоэтажки. «Рискнем», – подумал он. Тем более, что на парковке перед домом было немало свободных

мест. Он аккуратно припарковался, вытащил ключ и вышел из машины. Черный джип стоял рядом. Как он успел занять только что освободившееся место – уму непостижимо. Когда Русаков сделал шаг в сторону тротуара, дверца джипа приоткрылась, и из внутренностей машины послышался негромкий хрипловатый голос:

– Ростислав Романович, можно вас на пару слов?

Русаков резко остановился, словно задумавшись, как ему поступить. Потом, пожал плечами и повернулся к машине. Дверь открылась пошире, и тот же голос произнес:

– Заходите, вам нечего бояться.

Ростислав, чуть пригнувшись, зашел в салон. На заднем сиденье просторного автомобиля в одиночестве сидел мужчина лет пятидесяти в распахнутом черном пальто. Глазки-буравчики внимательно смотрели на Русакова.

– Извините, мы незнакомы, – сказал мужчина. – Поэтому представляюсь. Господарев Виктор Иванович.

– Русаков, – ответил Ростислав. – Чем обязан?

– Вообще-то я хотел поговорить с вашим шефом, Антоном Викторовичем. Но у меня много дел и у него, наверно, сегодня тоже. Я думаю, вы передадите ему, что я скажу.

– Передам, – кивнул Русаков. – Так, что вы хотите.

Господарев улыбнулся:

– Вы не волнуйтесь. А для вашего успокоения я замечу, что мои люди вас охраняют последние дни. Хотя сейчас в этом необходимости нет.

– Так, это они за нами следили?

– Охраняли. Подстраховывали. Единственно, не смогли предотвратить нападение на журналиста. Только спугнули и скорую вызвали. Хотя журналист – это так, на всякий случай.

– И зачем вам это?

– Попросили. Ну и свой небольшой интерес.

– Ясно. А что вы все же хотели мне сказать?

– Я полагаю, что Антон Викторович в ближайшее время окажется в Москве. И если к нему обратится мой человек, то пусть он поможет по возможности. Ничего криминального, не волнуйтесь.

– Хорошо, передам. Это все? – спросил Русаков.

– Практически. Ну и расскажите о заботе, которую мы оказали. Напомните.

– А вопрос можно?

– Конечно, – Господарев опять улыбнулся.

– Вся эта череда нападений, угроз и прочих неприятных мелочей. Кто за этим стоит?

– Тех, кто стояли, уже взяли. А про остальных вам знать – лишняя забота. Лишнее знание – лишний повод для беспокойств. Вообще, город у нас непростой. Все друг с другом повязаны. Кроме меня, разумеется.

Господарев хрипло рассмеялся.

– А вы, почему такой особенный? – осмелел Ростислав.

– Волк-одиночка по натуре. Хотя одному все равно не выжить. Всего доброго, Ростислав Романович. Привет и наи-

лучшие пожелания Антону Викторовичу.

Глава сорок седьмая.

Расставшись с Русаковым, Шкадов позвонил Брагину. Тот был в офисе. До него было недалеко, и Дмитрий решил прогуляться. На улице потеплело, снег чавкал под ногами. «Скоро весна», – вдруг подумал Шкадов и на душе почему-то стало грустно. Впрочем, он быстро справился с этим мимолетным приступом и лишь убыстрил шаг. На первом этаже многоэтажного «офисятника» охранник что-то высматривал у себя под носом. На вопрос Дмитрия он лишь буркнул под нос: «седьмой этаж».

Шкадов поднялся туда на лифте с двумя симпатичными девушками, что еще раз едва не сбило его с деловой волны. Но он снова справился. Никиту нашел без труда.

– Где здесь поговорить можно? – спросил Дмитрий, оглядывая помещение с полупрозрачными невысокими перегородками.

– Лучше на лестнице, – ответил Брагин. – Там мало кто ходит.

Они вышли на лестницу и устроились между этажами. Никита еще раз рассказал всю историю про Алину, его избиение и машину с красивыми номерами.

– Так, банк «Союз»..., – Шкадов искал адрес на смартфоне. – Улица Чайковского. Далеко это?

– Так себе. В пределах досягаемого.

– Ясно. Только я без машины.

– У меня есть. Маленькая, – как-то смущенно сказал Брагин. – На стоянке здесь. Только я вожу не очень. Рассеянный. Поведете?

– Не вопрос, – ответил Шкадов. – Едем?

– Сейчас. Начальнику доложусь.

Они прошли к стоянке. Маленький зеленый «Пежо», действительно, заставил Дмитрия улыбнуться. Высокий Никита и маленькая дамская машина. Впрочем, на передних сиденьях они устроились вполне неплохо.

– Машина мамина, – пояснил, что-то почувствовав, Никита. – Она мне уступила, а сама новую купила. Я вообще-то обычно у родителей ничего не прошу. Квартиру сам купил, на машину денег не осталось. Решил пока пусть так будет, но ездить мне на ней как-то не нравится, так что извини.

– Ничего, – сказал Шкадов. – Куда едем-то? Показывай.

Они проехали по центральной улице, повернули направо и через сотню метров увидели небольшое, но красивое здание оригинальной архитектуры. Банк «Союз» гласила большая вывеска над входом.

– Вот он, – сказал Никита.

– А вон и машина, – ухмыльнулся Дмитрий. – Ну и что будем делать?

Автомобиль с красивыми номерами мирно стоял прямо напротив входа в банк.

– Я думал, у вас есть план, – растерялся Брагин.

– Нет. Абсолютно. Рассчитываю только на собственную

наглость и фарт, – серьезно сказал Шкадов. – Поэтому будем ждать.

Ждать пришлось совсем недолго. Из здания вышел представительный мужчина в сопровождении высокого парня, очевидно, охранника. Они сели в машину.

– Он? – спросил Дмитрий, хотя и так все было ясно.

Брагин только кивнул. Между тем джип вырулил со стоянки. Маленькая зелененькая машинка двинулась за ним.

– Как думаешь, если за город на трассу выедут, угонимся? – спросил Шкадов.

Но ехать пришлось не очень далеко. Джип немного попетлял и остановился возле приземистого строения. И опять большая вывеска. Теперь – «Оздоровительный комплекс «Нептун». На стоянке уже было несколько машин.

Мужчины вышли из джипа и подошли к зданию. Вошли они в него, правда, не с главного входа, а с боковой двери, не видной с улицы.

– И что делать будем? – спросил теперь Брагин.

– Наверно, пойдем купаться, – сказал в ответ Дмитрий.

Он проехал немного вперед, нашел место перед соседним домом и там припарковал автомобиль.

– Пойдем, – бросил на ходу Шкадов, когда они покинули «Пежо». – Только молчи пока и ничему не удивляйся.

Они зашли в просторный и пустынный вестибюль. За стойкой сидела миловидная женщина, на кресле развалился крупный мужчина. При виде вошедших он слегка встрепе-

нулся, но кресло не покинул.

– Здравствуйте, – улыбнулся Дмитрий. – Мы командировочные, мимо проезжали, Можно у вас помыться, отдохнуть немножко.

Женщина в ответ тоже улыбнулась:

– Вынуждена вас огорчить. До пятнадцати часов у нас спецобслуживание.

– Неужели нет никакой свободной кабинки с раздевалкой? – почти жалобно сказал Шкадов. – Мы никому мешать не будем.

– Нет, – ответила женщина, – У нас совсем немного места.

– Ну, вам же русским языком сказали – закрыто. Спецобслуживание, – лениво протянул охранник.

Шкадов метнул на него быстрый взгляд, но ничего не сказал, и они двинулись к выходу.

– Жаль, – сказал он женщине за стойкой, обернувшись. – Поедем искать другое место.

Выйдя из помещения, они отошли чуть вбок. Убедившись, что их не видно из вестибюля, Дмитрий негромко сказал Никите:

– Попробуем через боковую дверь. Может, повезет.

Им, действительно, повезло. Дверь была не заперта, и у входа никого не было. За дверью была лестница. Она вела вверх. Поднявшись на второй этаж, Дмитрий и Никита оказались в пустом коридоре. Откуда-то сбоку из-за прикрытой двери раздавались голоса. Они тихо прошли мимо. Од-

на дверь была приоткрыта. Дмитрий заглянул внутрь. Судя по всему, это было какое-то техническое помещение. Вглубь уходили трубы. Они зашли внутрь и прикрыли дверь. Было темновато, лишь из-под потолка пробивался неяркий свет. Но голоса здесь почему-то были слышны громче.

Шкадов стал на какой-то выступ и подтянулся на трубах. Перед ним было отверстие, закрытое густой решеткой. Именно отсюда доносились голоса. Он прислушался, с сомнением покачал головой и достал из кармана диктофон.

– Думаю, мы нужны им..., нет, не посмеют... думаешь, ... я нужен, а не ты..., до поры до времени... ну, посмотрим..., заболел..., не вовремя..., только так... помогут..., развлекаемся..., ...может последний..., типун тебе..., что?.. девчонки уже...

Брагин в это время тоже начал карабкаться по трубам, он залез даже выше Шкадова и внезапно замер, указывая куда-то и прошептал:

– Я даже вижу, стол накрыт...

– Тс-с-с, – Дмитрий прислонил палец ко рту.

Никита зашептал еще тише, но продолжал:

– Сидят. Дверь открылась.

Потом замолчал. А потом вдруг заговорил сиплым полупшепотом

– Блин, Алина! Зашла...

Он подтянулся, чтобы видеть лучше, но рука сорвалась, и Брагин инстинктивно схватил за решетку, впечатавшись

телом в стену и вскрикнув:

– Да, елки-палки...

Он сразу осекся, но, похоже, было поздно. Дмитрий услышал:

...что там? ..., смотрит..., охрана..., скорее....

– Уходим! – Шкадов спрыгнул вниз.

Он выскочил в коридор, Никита за ним. Дмитрий повернул налево к выходу, но из соседней двери уже кто-то выскочил, с лестницы забежал охранник, путь к выходу был перекрыт, но Шкадов рванулся туда. Он сбил одного, но второй упал на него. Падая, Дмитрий крикнул Никите:

– Уходи!

Но путь к лестнице был перекрыт. Никита развернулся и побежал в другую сторону. В конце коридора было окно. Брагин вскочил на подоконник, плечом вынес стекло и прыгнул вниз. Лететь с невысокого второго этажа было невысоко, к тому же внизу был снег, поэтому падение обошлось почти без последствий. Никита вскочил и побежал вперед. Перед ним был невысокий забор, он перепрыгнул через него и замер под забором, переводя дыхание. Он видел, как в окне появились люди, они нервно переговаривались, а больше ругались. Потом ушли. Никита хотел узнать, что случилось со Шкадовым. Он не уходил, а медленно, нагнувшись, двигался вдоль забора, наблюдая за зданием, откуда выпрыгнул. Через некоторое время к дому подъехала полицейская машина. Обзор был не очень хороший, но Брагину удалось уви-

деть, как Шкадов в сопровождении полицейских садится в нее. Он набрал номер Русакова:

– Ростислав Романович, Дмитрия в полицию забрали!

Глава сорок восьмая

Телефон всегда звонит неожиданно. Так и этот звонок раздался для Тонковидова неожиданно.

– Мы уже приземлились, будем у вас примерно через час. Собрать никого не надо. Будьте вдвоем с Катиным.

– Хорошо, Юрий Иванович.

Тонковидов положил мобильник на стол. Он не знал, кто придет вместе с его куратором и чего ждать от этой встречи. Хотя...ждать можно чего угодно и об этом лучше не думать. Но все равно лоб покрывался испариной, и руки предательски дрожали. Раздался еще один звонок. Катин.

– Да, Сергей Сергеевич, – Антон хотел, чтобы его голос звучал как можно спокойнее.

– Новость еще одна у нас. Данилов задержан.

– Бывший губернатор!?! – Антон не смог сдержать изумления.

– Да, – ответил Катин.

– Понял... Да, Сергей Сергеевич, тут гости должны пожаловать. Будь, пожалуйста, у себя.

– Хорошо, – голос Катина не содержал в себе никаких эмоций.

Тонковидов опять задумался. Мысли сменяли одна другую, и он никак не мог успокоиться. Впрочем, подумал он,

ему на данный момент судьба Данилова или Сакуляка не угрожает, поэтому можно так не переживать. Он постарался сделать это и как-то смог справиться с волнением. А чтобы скоротать время, решил пообедать. Потому что война, как известно, войной, а обед по расписанию.

Звонок из приемной раздался, действительно, примерно через час.

– Тут к вам люди, Антон Викторович, говорят, вы их ждете, – сказала секретарша.

– Жду, – подтвердил Тонковидов. – Пусть заходят.

Он успел нажать клавишу и по внутреннему телефону пригласить Катина, когда они зашли в кабинет. Из пятерых вошедших Тонковидов знал двоих – столичного куратора Юрия Ивановича и начальника ФСБ Горелова. Остальных видел впервые.

– Здравствуй, Антон Викторович, – сказал Юрий Иванович, сухощавый мучина лет пятидесяти в очках в золотистой оправе, протягивая Тонковидову руку. – Мы тут расположимся у тебя, разговор долгий будет.

Все расселись вдоль длинного стола. Антон тоже присоединился к ним, не стал возвращаться в свое кресло под портрет президента. В это время в дверь постучались, и в кабинет зашел Катин.

– Ну вот, все в сборе, – резюмировал Юрий Иванович. – И я тебе представлю тех, кого ты может, не знаешь. Это Пономарь Алексей Леонидович, он будет исполнять обязанности

прокурора области.

Молодой человек в очках коротко кивнул.

– Это Басов Олег Семенович, – он показал на мужчину средних лет с короткой стрижкой и пронзительным взглядом карих глаз.

Тонковидову показалось, что Басова он где-то уже встречал. Хотя может и только показалось.

– Ну, а это Рокотов Анатолий Владимирович, – Юрий Иванович показал на высокого седого мужчину с военной выправкой. – Он сейчас и введет тебя в курс дела.

– Как вы знаете, наверно, Антон Викторович, – начал не спеша говорить Рокотов, – в результате спецоперации задержаны мэр Ясноборска Сакуляк, его заместитель Кравцов и управляющий делами мэрии Смирных. Поводом для задержания являются организация покушения на вашего заместителя Русакова, покушения на вас... Да-да, не удивляйтесь, имеется в виду организация дорожно-транспортного происшествия во время вашей поездки в район. Ну и организация убийства журналиста Санина.

– Поводом? – вскинул брови Тонковидов.

– Вы не ослышались, – слегка улыбнулся Рокотов. – Я сказал то, что хотел сказать. Именно поводом. Эти лица занимались многочисленными финансовыми махинациями с государственным имуществом, находящимся на территории города. А покрывал их, не безвозмездно, естественно, бывший губернатор Данилов. Он, как вы тоже, наверно, знаете уже,

задержан. При задержании, кстати, пытался отравиться, но мы его опередили. А отравиться хотел тем ядом, что убрал заместителя губернатора Цветкова.

– Он? – Тонковидов опять удивился, – Но насколько я знаю, они друзья и даже родственники?

– Да. Но в таких делах родственников не бывает. А друзей – тем более. Цветков, как говорится, слишком много знал. А, имея знание в качестве оружия, претендовал на большую долю. Пока Данилов был губернатором, он особо не лез, а потом осмелел. Как говорится, упавшую лошадь пнуть легко. По крайней мере, ему так казалось. Но оказалось, что лошадь вполне еще может лягаться. Ну, а что касается вашего появления здесь, то естественно вы могли спутать им все карты. Началась паника и необдуманные действия. С их стороны это нам было на руку, но вот со стороны вашей и, особенно, вашего соратника Русакова действия могли привести к самым неожиданным последствиям. К счастью, Олег Семенович немного подстраховывал, благодаря тому, что Русаков сам благополучно на него вышел. Ну, конечно, не совсем сам... Короче говоря, вы выступили катализаторами их активности, благодаря чему и мы смогли начать активные действия. Даже немного раньше, чем рассчитывали.

– Извините, конечно, – Антон покачал головой, – но я что выступал в роли подсадной утки? Или живца? Так что ли?

– Антон Викторович, – мягко ответил Рокотов, – ситуация с вашим назначением была использована нами в опера-

тивной работе. Естественно, нам никто бы не дал права использовать исполняющего обязанности губернатора в роли, как вы сказали, живца. Хотя бывают высшие обстоятельства.

– То есть вы хотите сказать, что сейчас были именно они?

– Ничего больше, чем сказал, я не хочу сказать. В любом случае я хочу поблагодарить вас за то, что вы помогли нам вскрыть нарыв. Остальное вам сообщит Юрий Иванович. А мы, наверно, пока завершим наше широкое совещание. Поверьте, у нас еще здесь немало работы. Если у вас есть вопросы, то можете задавать?

– Хорошо, – кивнул Тонковидов. – А кто непосредственно исполнял приказания Сакуляка и компании? Стрелял, угрожал, наконец, убивал? К счастью, не нас... Вы их нашли?

– Работа ведется, – сказал Рокотов. – Имена вам вряд ли что скажут. Хотя могу кое-что рассказать. Скажем так, для общего развития. Здесь есть такой бумажно-картонный завод. Не ахти, какое предприятие. Но вот там исполнители и вились. Директор, Василий Иванович Борисенко «вопросы решал». А непосредственно устраивал всякие нехорошие вещи его заместитель по кадрам, некий Евгений Артурович Рейман. Любопытная личность, бывший спецназовец. Их тоже задержали. Ну, а что касается дел хозяйственных, то там еще много ниточек. Посмотрим, какую потянем. Еще есть вопросы?

– Да, нет, пожалуй, – сказал Тонковидов. – Или, вернее, есть, но не вам.

– Тогда будем откланиваться, – поднялся Рокотов.

– А, кстати, – сказал Антон, – Олег Семенович, а Семен это вы?

Басов тоже встал и слегка улыбнулся:

– Можно меня и так называть. Не обижусь.

Когда Тонковидов остался наедине с Юрием Ивановичем, тот посмотрел на него пристально и сказал неожиданно:

– Антон! Можно на «ты» и без отчества? Ты ж меня мо-
ложе, хотя в сыновья, наверно, годишься с большой натяж-
кой. Я имею в виду по возрасту.

– Можно, – кивнул Тонковидов.

– Хорошо. Потому что разговор у нас не очень простой бу-
дет, но, я думаю, ты все правильно поймешь. Так вот, Антон,
Рокотов ситуацию тебе объяснил. Еще раз спасибо. Пони-
маю, что спасибо на хлеб не намажешь, но в качестве благо-
дарности ты получишь хорошую должность. Пока не губер-
наторскую, скажу честно. Поучишься еще немного. Не оби-
жайся, но самостоятельности тебе не хватает. И характера.
Вернее, иногда он есть, а иногда не очень. Не обижаешься?

Антон помолчал. Потом сказал:

– Не знаю, если честно. Но мы – люди государевы.

Юрий Иванович рассмеялся:

– Вот это правильный подход. И, запомни, государство
своих не бросает. А ты – свой. Поэтому возвращаешься в
Москву и ждешь нового назначения. Я думаю, недолго. Хотя
до этого тебе надо будет сдать здесь дела.

– Кому?

– Пока Евсину. Пусть порулит. Я думаю, считанные денечки.

– А что с моими советниками? Катиным и Русаковым?

– Ну, Сергей Сергеевич – не наша креатура. А Русаков получит честно заработанное. Завтра же ему на карточку упадет. И может ехать в Москву. Кстати, потом если надо будет, ты сможешь его взять к себе на работу. Думаю, он честно тебе помогал.

– Не мое дело, но скажите: в руководстве области перестановки будут?

– Думаю, да. Хотя, насколько я владею оперативной, так сказать, информацией, никто здесь против тебя не работал, если тебе это интересно. Из замов и руководителей департаментов, точно. Вилецкого использовали, но втемную. Хотя, не исключаю, он о чем-то догадывался. Мужик-то он неглупый. Но тут дело в том, что не очень-то доверял им Данилов. У него свой круг.

– И все-таки меня использовали, как я понимаю? Так?

Юрий Иванович опять рассмеялся:

– Я тебе дал, в общем-то, хорошую рекомендацию, а ты хочешь, чтобы я ее откорректировал в худшую сторону, добавил минусов? Склонен к рефлексии, к примеру. Оно тебе надо? Это была сложная многоходовая комбинация. И если ты хочешь считать себя пешкой, то считай ею и меня.

– Нет, вы офицер, – усмехнулся Антон.

– Ага. Или слон. Давай заканчивать. Соберай заседание правительства. Будем ставить людей в известность. В очередной раз взбудоражим регион. А что делать?

Глава сорок девятая.

Вопрос с освобождением Шкадова Ростислав решил быстро. Он принял решение сделать то, чего раньше избегал, а именно воспользоваться служебным положением. Попросил соединить с генералом Паниным, а перед тем поставил задачу разобраться с задержанием друга и соратника. Панин удивился, но пообещал решить вопрос в ближайшее время. Не дожидаясь окончательного ответа Русаков поехал в отделение полиции. Генерал оказался человеком слова и к приезду Ростислава Дмитрий уже ожидал его в кабинете начальника отдела.

– Извините, Ростислав Романович. Но тут такое дело, вызвали наряд, мол, проникновение на частную территорию, драка..., – смущенно говорил немолодой лысеющий подполковник. – Забрали для того, чтобы разобраться.

– А эти, которые звонили? Где они? Заявление написали? – поинтересовался Шкадов, потирая ушибленную скулу.

– Нет. Я думаю, теперь и не приедут, – ответил подполковник.

– Вам я вижу больше делать нечего, – сердито сказал Русаков.

– Да есть, конечно, но люди уважаемые. Директор комплекса Салыга. А владелец сам там был в это время. Шилов

Дмитрий Иванович. Но мы решим вопрос, не волнуйтесь.

– Ладно, поехали мы, – не выдержал Русаков, – Всего хорошего, подполковник.

Они вышли из отделения. Никита Брагин ждал их неподалеку в своем автомобильчике. Увидев, вышел из машины. Шкадов, увидя его, засмеялся:

– Тебе точно надо в шпионы. Меня вон поймали, а ты скрылся. Шучу, шучу. Молодец.

Никита немного сконфузился:

– Да, нехорошо получилось. Тем более, что ничего мы не выяснили. Только что Алина и, правда, с этим Шиловым...

– Брось ты о ней думать, – заметил Русаков. – Найдешь себе девушку хорошую. А Алину эту из головы выбрось. И банкира этого. Забудь. Тебе здесь жить.

– Наверно, – сказал Никита. – Хотя грустно все это.

– И не грусти, – улыбнулся Русаков. – Ладно, ребята, поеду-ка я на работу, а то что-то важное пропущу, вон событий сколько. На связи.

Шкадов с Брагиным уехали в одну сторону. А Русаков вернулся в администрацию. Раздевшись в кабинете, он решил зайти к Тонковидову, однако секретарша в кабинет не пустила:

– У него важная встреча. Просил никого не пускать.

В приемную зашла Савельева. Посмотрела на Ростислава встревоженными глазами.

– Что-то случилось, Валентина Викторовна? – спросил он.

– Нет, ничего. Хотела зайти к руководителю, но не судьба, – ответила Савельева.

– То же самое, – Ростислав улыбнулся. – Но попозже попадем, я думаю.

Он вернулся к себе. Позвонил Оксане, но руководителя пресс-службы на месте не было. Потом Катину, тот тоже отсутствовал. Помаевшись, набрал приемную. Тонковидов все еще не освободился. Прошло еще немного времени. Заиграла мелодия мобильного. Русаков дернулся, но это была жена. Он выдохнул.

– Привет, – сказала Людмила, – У меня такое ощущение, что ты забыл нас.

– Нет. Как дела? Как дети? А у меня... просто работы много.

– Приезжай хоть в выходные. И посмотришь на нас и пообщаемся.

– Да? Выходные еще не отменили? – попытался пошутить Ростислав.

– Не знаю, – сурово ответила супруга, – У семейных людей еще нет. А ты женат, не забыл еще?

Ростислав клятвенно пообещал приехать, подумав, что и действительно, жизнь его превратилась в сплошную череду, где не были различимы праздники и будни, дни выходные и дни рабочие.

Звонок Тонковидова по внутреннему телефону вырвал его из размышлений.

– Заходи, – коротко сказал Антон.

Тонковидов сидел в кресле, откинув голову назад.

– Ну что? – спросил он Русакова, когда тот уселся напротив. – Отвоевались мы с тобой?

– Ты о чем? – не понял Ростислав.

– Ерунда, ничего страшного не произошло, – Тонковидов мотнул головой. – Возвращаемся в столицу.

Он коротко рассказал обо всех перипетиях недавно завершившегося визита, о том что узнал от гостей, и о том, что ему предстоит делать дальше.

Русаков задумался. Потом решил ничего не комментировать. Только сказал, вдруг вспомнив:

– Ты знаешь, я общался с неким Господаревым. Знаешь такого? Он говорит, что его люди нас как бы охраняли и попросил передать, что если кто-то от него в Москве к тебе обратится, чтоб ты его что ли не прогонял.

– Странно. Что ему там от меня понадобится. Я ведь и сам ничего не знаю про себя.

– Может он что-то знает? – Ростислав пожал плечами.

– Может. Сейчас не до того, минут через тридцать собираемся в зале заседаний. Порадую местную верхушку.

Однако сказать, что кто-то обрадовался, было нельзя. Ну, или может быть, эта радость была искусно закамуфлирована. Сообщение Юрия Ивановича о том, что исполняющий главы региона Антон Викторович Тонковидов покидает свой пост в связи с переходом на другую работу было встречено мол-

чанием.

Антон встал и начал свою короткую прощальную речь с попытки как-то разрядить обстановку:

– Думаю, что человек, который сменит меня, должен быть лучше. Ведь дети должны быть лучше родителей, а внуки лучше детей. А я, как сказал уважаемый Юрий Иванович, буду заниматься другой сферой, в которой меня ждут более весомые успехи. В том смысле, что у каждого свое предназначение. В любом случае, надеюсь, что регион будет в надежных руках.

Он почувствовал, что немного заговаривается и решил завершить речь:

– Спасибо всем за работу. Каждый из вас меня чему-то научил. А я надеюсь, что был для вас неплохим коллегой и руководителем.

В ответ зазвучали аплодисменты. Тонковидов, правда, не знал, были ли они искренними или это просто жест вежливости.

– Все могут быть свободны, – сказал Тонковидов. – Заместителей приму по рабочим вопросам. Коротко.

Выходя, он уже по выработанной привычке подошел к Русякову:

– Ты на закуску. Посиди у себя. Позову.

В кабинет Антон зашел с Юрием Ивановичем. Заместителей попросил подождать в приемной. Московский гость, впрочем, надолго никого не задержал, отклонив предложе-

ние Тонковидова провести вечер в Ясноборске.

– Нет, – сказал он решительно. – Я уже возвращаюсь в Москву. Провожать тоже не надо. Ну и ты не задерживайся. Завтрашнего дня будет достаточно, чтобы дела передать.

Первым из замов зашел Евсин. Он не проявлял каких-то положительных эмоций, был даже несколько подавлен. Тонковидов даже не выдержал:

– Что это вы, Виктор Иванович, голову повесили? Областью порулите. Что тут плохого?

– Ну, это ненадолго. Чувствую, что ждут нас большие перемены.

– Не радуют?

– Сердце предсказывает, что отразятся они на нас не в лучшую сторону. Я местных руководителей имею в виду. А нам здесь жить.

– Ну что ж, одного неместного другой неместный сменит.

– Мы к вам привыкли уже, да вы и не склонны были что-то ломать.

– Может времени не хватило?

– Мне кажется, что вы не такой человек.

– Хорошо, Виктор Иванович, но мой характер обсуждать не будем. А передачей дел завтра займемся. Не задерживаю.

– До завтра, Антон Викторович.

Остальных замов Тонковидов отпустил быстро. Убедившись, что вопросов, требующих решения сию секунду, нет, перенес это решение на тех, кто будет после него. Ему

вдруг захотелось побыстрее перевернуть эту страницу жизни, сбросить с себя груз ответственности и хоть немного передохнуть в собственной квартире. Правда, Вилецкому задал вопрос в лоб:

– Не жалеете, что ваш одноклассник мимо кассы пролетел?

Тот посмотрел на него поверх очков:

– Чисто по человечески, немного есть. Но сам виноват...

Наверно.

– Но поднялся бы выше, может и вас бы не забыл.

Вилецкий пожал плечами:

– У него там свои люди, я всех и не знаю. Поэтому я яйца в ту корзинку не складывал. Хотите верьте – хотите нет.

Единственную женщину среди заместителей, Савельеву, он намеренно решил принять последней. Знал, что несколькими словами не обойтись. Перед тем, как она зашла, позвонил жене, но был краток:

– Завтра мой последний день здесь. Возвращаюсь. Нет, на совсем. Да нормально все. Это не телефонный разговор. Дома. Всё дома.

Савельеву Антон встретил сидя. Ему уже было не до правил этикета. Да и подзабыл он эти правила, будучи первым лицом региона. Чувствовал себя хозяином. Ну, по крайней мере, этого кабинета. В кресле откинулся назад, смотрел изпод чуть опущенных век.

– Ну что, Валентина Викторовна, пора прощаться, – ска-

зал он. – Поработать подольше, видно, не судьба.

– Жаль, – сказала она. – Непонятно, что дальше будет. Но с вами расставаться точно жаль.

– Ничего, – повел плечами Тонковидов. – Жизнь продолжается. Придет новый руководитель.

– Я не жду ничего хорошего. Хотя... вы же знаете, я не пропаду.

– Знаю. У вас хорошие покровители, – улыбнулся и Антон.

– У меня и муж хороший, – она бросила взгляд на Тонковидова, потом отвела взгляд, -. но работа для меня тоже важна.

– Я понял, – сказал Антон, – Кстати, вы знаете, что мэрию обезглавили?

– Конечно, кто же этого не знает. Я так думаю, что и вы на все вопросы получили ответы. Хотя все равно своя рубашка ближе к телу...

– Что вы имеете в виду?

– То, что ваш уход для нас важнее, чем посадки людей из мэрии. Сейчас начнутся телодвижения, скучно не будет.

– Ну и про Цветкова с Даниловым вы тоже знаете?

– Конечно.

– Кстати, ваш человек там тоже был. Ну, у Данилова.

– Чигарев? Ну да. Только он не мой... Он старается быть от всех равноудаленным и равноприближенным. Но всё надо держать под контролем. Стараться. Не всегда получается.

– И все же мне ваша роль до конца неясна...

– Женщину вообще невозможно понять. Не пытайтесь, Антон Викторович, – она улыбнулась.

– Я так и не понял мы на «ты» или на «вы», – заметил вдруг Тонковидов.

– На разных этапах по-разному, наверно. А жизнь развивается по спирали. Думаю, мы еще встретимся. Но это зависит от вас.

– Загадками говорите.

– Немного. Надо же тумана напустить. Но это не совсем то, о чем вы подумали.

– Запутали окончательно. Хорошо, Валентина Викторовна, если больше вопросов нет, я не буду вас задерживать. Впрочем, завтра я еще на месте.

Когда Савельева ушла, Тонковидов сразу позвонил Русакову:

– Ну, вот пробил и твой час. Заходи.

Потом сделал паузу:

– Зови и Сергеича сразу. Если он на месте.

Катин был на месте. Что-то набирал на компьютере.

– Вы здесь? – спросил Ростислав, и сам понял, как глупо звучит его вопрос.

– Здесь, – улыбнулся Сергей Сергеевич. – Пока на этом месте работаем.

– Антон Викторович нас ждёт.

– Пойдем, конечно. Сейчас секундочку, – он набрал еще

несколько слов и закрыл вкладку.

Русаков стоял в дверях, когда у него зазвонил мобильный. Он посмотрел на дисплей. Оксана. Ростислав вышел в коридор.

– Да, – сказал он негромко.

– Ты занят? – спросила девушка.

– Немного. Иду к Тонковидову.

– Я быстро. Короче говоря, папа хочет, чтобы ты к нам пришел. Хочет сказать что-то. Что ему передать? Придешь?

– Очень постараюсь, – ответил Русаков. – Выйду от Антона и сразу наберу.

Катин уже ждал его в коридоре, в нескольких метрах впереди. Помощник Денис грустно сидел в приемной. Секретарь уже ушла. На часах было начало восьмого. Они зашли в кабинет.

– Присаживайтесь, господа, – устало сказал Антон. – Ну что? Вы все уже знаете. Некоторые, наверно, больше меня. Не так ли, Сергей Сергеевич?

– Не знаю, Антон Викторович, – уклончиво ответил Катин. – Смотря, что вы имеете в виду.

– Да, ладно, Сергеич. На кого работал-то?

– На вас, Антон Викторович, если можно так сказать. Обеспечивал вашу безопасность, прикрытие. Остальное – не моя забота. В перипетии, в нюансы всей операции посвящен не был. Свою задачу выполнил. Вы живы и здоровы. Хотя, хочу сразу сказать, объект вы сложный, не очень дисципли-

нированный.

Тонковидов почувствовал неловкость.

– Ладно, Сергеич, извини в таком случае. Теперь будем разбегаться. Тем более, перед тобой у меня долгов нет. А тебе, Слава, всё выплатят. Завтра.

– Слава работает не для денег и не для славы, – попытался скаламбурить Русаков.

– Ну да, и не для наград, – усмехнулся Антон. – И раз все так завершилось, предлагаю это немножко отметить.

– Антон, извини, но у меня встреча, – покачал головой Ростислав. – Вероятно, заключительная здесь.

– Дела амурные, – кивнул Тонковидов. – Понимаю. Ну, а ты, Сергеич?

– Не могу бросить, – ответил тот. – Командировка-то еще не завершена.

– Ну вот, настоящий офицер, не то, что мы с тобой, Слава. Ну, давай, удачи тебе. Завтра на работу еще, дела передавать.

Глава пятидесятая.

Ростислав купил по дороге цветы и торт и поехал к Оксане. Адрес он помнил, но вот дорогу подзабыл. Вся надежда была на навигатор, который не подвел. По дороге позвонил Дмитрию.

– Дела здесь окончены. Можешь отдыхать. Расплатимся в Москве. Завтра, наверно, рванем вечером, – сказал Русаков.

– А если я сейчас поеду? Не хочу тут оставаться, вдруг еще, в какую историю попаду, – неожиданно ответил Шка-

дов.

– Как хочешь. Ключик под ковриком оставь. Надеюсь, квартиру не вынесут. Тогда до встречи, тем более я сейчас еще по делам съезжу.

– До встречи.

Все это, кажется, уже было. Оксана, ее сын, ее родители. Правда, тогда он приехал с вином, а сейчас обошелся тортиком. Зато подарил маме Оксаны цветы. Ростислав чувствовал себя ужасно неловко. Очевидно, потому что одной ногой был уже за пределами Ясноборска. Впрочем, отец Оксаны, Георгий Васильевич не обращал на это никакого внимания.

– Сейчас женщины накроют на стол, а мы поговорим, – сказал он. – Нет возражений?

Ростислав не возражал. Кажется, сейчас он был согласен на все. А еще понял, что за последнее время очень сильно устал. Его вырвали из зоны комфорта, где он привык находиться и, хотя сначала ему было интересно, под конец командировки стало неудобно. Как будто носил чужую одежду и хочется ее быстрее снять, чтобы облачиться в свою привычную.

– Ну что? – сказал Георгий Васильевич, когда они зашли в комнату и закрыли дверь. – Ваш визит к нам завершается?

– Ну да, – сказал как-то неуверенно Ростислав.

– Неожиданно, и я так понимаю, что наше общение как-то подтолкнуло этот ход событий?

– Наверно, – опять неуверенно кивнул Русаков.

Георгий Васильевич посмотрел на него внимательно, сделал паузу и начал не спеша говорить:

– Когда ты пришел к нам и попросил помочь, я польщен немного даже был. Понимаешь, столько лет в гуще событий, а потом вдруг в стороне. Выйдешь на пенсию – поймешь. Ну и дочь попросила. Я Олегу позвонил. Он у нас работал, а потом к смежникам перебрался. Но все равно вроде как мой ученик. Совсем молодым у меня стажировался. Ну вот, а потом я ему звонил и расспрашивал, как да что. Он очень скупно рассказывал, по крошке, чтоб оперативную информацию не выдать ненароком. Но я же воробей стрелянный, и из этих крупиц мог выводы сделать. Короче, я в масть попал, как оказалось. Тем более, что сегодня он немного побольше мне рассказал. Да и другие источники информации были. Не зря я столько лет в этой каше варился.

Киреев хитро улыбнулся. Ростислав подумал, что полковник в отставке гордится собой, но он ошибался.

– В общем, вышло, все вроде, как и хорошо, а в итоге не очень. Они хитрую операцию провернули, прямо шахматную партию. Но что в итоге? Вы вроде, как не у дел, а я-то тебе хотел помочь и Оксанке приятное сделать. Это раз. Ну да ладно, вы не потонете, такие не тонут... Извини, это без обид и без намеков всяких, просто у вас там игры свои... Ну, а главное другое – они гнездо-то недоворошили.

Георгий Васильевич снова замолчал и посмотрел на Ростислава, ожидая его реакции. Но Русаков молчал. А Евсеев

продолжил:

– Понимаешь, политики, конечно, много решают, но у нас они только думают, что все сами... ну и зарвались некоторые. А те, кто реально решают, их как кукловоды дергают. Деньги всё на самом деле решают.

– Так вы хотите сказать, что Сакуляк с компанией марионетки?

– Да. Хоть зарвавшиеся, но марионетки. В общем, я коснулся всего этого и теперь жалею. Буду на пенсии помидоры выращивать. Так нервные клетки лучше сохранятся. А то много лишнего узнал, спать хуже стал. К чему мне это? Ну, пойдем, примем по сто грамм.

– Да, я за рулем, – мотнул головой Русаков.

– Значит, буду один пить. Может, Оксанку уговорю.

Ужин прошел чинно и спокойно. Русаков рассказывал какие-то истории из столичной жизни, с трудом извлекая их из памяти, и, удивляясь, насколько же он сильно погрузился в перипетии провинциальной политики. Его вежливо слушали, посмеивались над некоторыми веселыми моментами. Но ощущение напряженности Ростислава не покидало.

Оксана вышла провожать его в коридор.

– Поехали ко мне, – сказал он шепотом. – Дима уехал.

– Нет, – она покачала головой. – Не стоит, Ростислав... Романович. Вы уедете...

– Ты, – поправил он.

– Хорошо, – она кивнула. – Ты уедешь, а нам здесь жить. А

мне еще и личную жизнь как-то налаживать. Наверно... Пожелаю тебе удачи. Ты – хороший человек, хотя мне кажется, что политика – это не твоё.

– А что мое? – спросил он.

– Не знаю. Подумай сам. Счастливо.

– Поцеловать-то тебя можно?

Она на секунду как бы задумалась, а потом кивнула:

– Целуй.

Он прильнул к ее губам. Она ответила, но через мгновение отстранилась:

– Прощай. Удачи тебе.

– И тебе.

Ростислав вышел на лестничную площадку. Дверь за ним захлопнулась. Русаков секунду постоял на лестнице, запоминая вкус губ Оксаны, а затем бросился вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. В этот момент он хотел только одного – быстрее уехать из этого города.

Эпилог

На следующий день уже с утра жизнь в администрации Ясноборской области забурилась. Появились какие-то новые люди, в первую очередь в подразделениях, связанных с пиаром и средствами массовой коммуникации. Павел Юрьевич Савицкий буквально расцвел. Он сидел в кабинете Оксаны и постоянно давал ей какие-то указания. За какие-то пару часов гость успел изрядно поднадоесть. Но она терпела, хотя совершенно не понимала, что ей делать и в какой должности

находится человек, пытающийся ей руководить.

В кабинет Тонковидова периодически забегал Евсин, выглядящий совершенно ошарашено и Вилецкий с виноватым выражением лица. Впрочем, Антон был сух и деловит. Он передавал бумаги, расписывал какие-то невыполненные поручения, на ходу объясняя Евсину свои действия. Отвлечаться на разную лирику бывшему уже исполняющему обязанности губернатора абсолютно не хотелось. Ближе к обеду в кабинет к Тонковидову зашел вертлявый молодой человек с аккуратной бородкой, представился Даниилом Аркадьевичем и сказал, что будет пока готовить рабочее место для нового врио. «Рабочее место» не означало в прямом смысле кресло Тонковидова, но Антону стало не по себе.

– Что это за люди? – спросил он с удивлением зашедшего к нему Евсина. – Как они успевают из Москвы прибыть? На ракете, что ли?

– Может, они и не из Москвы? – только и нашел, что ответить совсем временно исполняющий обязанности.

По администрации стали растекаться слухи, что на пост руководителя прочат женщину. Это особенно встревожило секретаря в приемной, но на ее вопрос Тонковидов только пожал плечами. Его это теперь интересовало довольно мало.

Ростислав улетел в Москву самолетом и позвонил ему уже из столичного аэропорта.

– Деньги пришли в полете, – сказал он. – Так что твой долг передо мной выполнен.

– А твой передо мной? – засмеялся Антон. – Даже до выборов не довел.

– Хорошо, – ответил Русаков. – Если что, поработаю на тебя бесплатно. Шутка.

– Поздно, я уже поймал тебя на слове. Ладно, не отвлекай, последние штрихи остались, и я покину этот город и этот кабинет.

А в это время Никита Брагин медленно брел по центральной улице города. Под ногами была раскисшая жижа, снег таял, и грязная серо-белая каша растекалась по ботинкам. Формально он ушел пообедать, а фактически просто решил отдохнуть от суеты офиса и бесконечных компьютеров, живших своей обезличенной жизнью, создающей иллюзию необходимости их существования.

У него зазвонил телефон. Общаться с кем бы то ни было Брагину не хотелось, тем более что звонила Алина и это само по себе было, на его взгляд, удивительным. Но он ответил.

– Привет, – сказала она. – Как жизнь?

– Живой, – усмехнулся он. – Хотя кое-кто пытался меня жизни явно лишить.

Она помолчала, потом сказала:

– Знаешь, он очень ревнивый. Мне иногда реально страшно. Тем более что мне кажется, что он тут всех в кулаке держит. Всех. Ты понимаешь?

– Не знаю, – ответил Никита. – Мне, если честно, хочется от этих хозяев жизни подальше держаться. Я – человек ма-

ленький.

– Ну, а я? Что мне делать?

– Не знаю. Вернее, знаю. Мне больше звонить не надо. Я тебе вряд ли помогу.

Никита отключился, и ему показалось, что на душе и, правда, стало легче. Наверно, и, правда, с компьютерами проще, чем с людьми, думал в этот момент Брагин. Он остановился, потом повернул голову. Прямо перед ним открылась дверь, и молодая пара вышла из кафе. Никита вспомнил, что хотел пообедать и зашел в помещение. Время было обеденное, и многие столики были заняты. За одним из них, возле окна сидел мужчина лет тридцати пяти с бородкой и с явными следами ударов на лице. Он что-то увлеченно набирал на ноутбуке. Никите стало смешно: его лицо тоже носило подобные следы, хотя может быть уже и не столь явные.

– Можно? – спросил он.

– Да, присаживайтесь, – ответил мужчина, подняв голову. Лицо его показалось Никите знакомым.

– Извините, мы нигде раньше не встречались? – спросил Брагин.

– Не знаю, – пожал плечами его собеседник и протянул руку. – Владимир Еронко, журналист.

– Никита Брагин, программист. Опасная у вас профессия, наверно?

Еронко засмеялся:

– По-разному бывает. Но это, скорее, исключение. Не

успел увернуться. Хотя...

Он посерьезнел:

– Одного вот убили недавно. Хотя он и не совсем журналист был, да и человек такой... Но о мертвых лучше хорошо или ничего, так что не будем никого обсуждать. А вообще-то в России жить не скучно. Вы согласны?

Никита смутился:

– Я вообще-то по железкам больше. И по виртуальному миру.

– Нет, по мне мир реальный куда интересней. На наш век чудес хватит. Некоторые жалуются: это не так и это не в дугу. А мне весело. Вот нового губернатора ждем. Интересно же.

– Так выборов еще не было.

– Выборы – это верхушка, финал. Интереснее то, что до выборов происходит. Как в кино про любовь. Все заканчивается свадьбой и сразу конец фильма.

– А у нас что? Триллер, детектив, комедия?

– Все сразу. Хотя если честно, безопаснее всего быть зрителем. Но я предпочитаю сниматься сам.

– В главной роли?

– Нет. Главные заранее расписаны. Тут хоть небольшую зацепить. А дальше как пойдет. Согласно сценарию, но непременно с некоторой долей импровизации. А вдруг режиссеру понравится?

Конец

